

Центр содействия реформе уголовного правосудия

В. А. ПЯТУНИН

**ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Москва, 2010

УДК 316.624-053.6

ББК 88.52

П 99

Рецензенты:

Доктор педагогических наук, профессор

Н.В. Сычкова

Кандидат психологических наук, доцент

Н.Н. Крыгина

Издано при поддержке Института «Открытое Общество».

Пятунин, В. А.

П 99 Девиантное поведение несовершеннолетних : современные тенденции / В. А. Пятунин. – Москва : РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2010.

ISBN 978-5-901458-07-5

Ч. 1 – 282 с.

ISBN 978-5-901458-08-2

Девиантное поведение, как правило, возникает не из-за не случайного стечения обстоятельств, а в результате продолжительного действия целого комплекса факторов и имеет разные формы проявления. Данное пособие – это попытка систематизировать многочисленные разноплановые исследования девиантного поведения, проводимые специалистами различных отраслей науки как в нашей стране, так и за рубежом, и дать целостную картину такого важного социального феномена, каким является девиантное поведение.

В первой части рассматриваются вопросы, касающиеся разных аспектов возникновения, проявления и закрепления в поведении отклонений от нормального развития, а также в доступной форме освещаются вопросы, касающиеся отдельных видов девиантного поведения, не связанных напрямую со злоупотреблением психоактивных веществ: агрессивности, преступности, проституции, суицида. Особое внимание уделено развитию и проявлениям этих форм девиаций в подростковом возрасте.

© Пятунин В.А., 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I. Девиантное поведение как социальное явление	5
I. Общие сведения о девиантном поведении	5
Понятия «нормативное поведение» и «отклоняющееся поведение» (девиация).....	5
Краткая характеристика основных форм девиантного поведения	21
Некоторые теории, объясняющие возникновение девиантного поведения.....	45
II. Неполноценность нервной системы как одна из причин формирования отклоняющегося поведения	52
Нервные нарушения у детей	53
Психическая неустойчивость.....	59
Повышенная аффективная возбудимость	65
Расторможенность влечений	70
Задержка психического развития	75
III. Отрицательное влияние семьи на формирование поведения ребенка	79
Факторы, определяющие влияние семьи на формирование поведения ребенка.....	79
Нарушение процесса воспитания в семье	87
Отклонения в семейных отношениях	96
Сексуальное насилие над ребенком в семье	101
Ошибки семейного воспитания	107
IV. Особенности формирования девиантного поведения в подростковом возрасте.....	115
Влияние возрастных особенностей на формирование девиантного поведения не совершеннолетних	115
Предпосылки и причины девиантного поведения несовершеннолетних	124
Особенности поведенческих реакций у девиантных подростков	130
V. Роль акцентуаций характера в ряду причин девиантного поведения несовершеннолетних	136
Понятие и типология акцентуаций характера	136
Причины возникновения акцентуаций характера	139
Типы акцентуаций характера в подростковом возрасте и их влияние на возможные отклонения в поведении	141

Глава II. Основные формы девиантного поведения, не связанные с зависимостью от психоактивных веществ	158
VI. Агрессивное поведение	158
Общее понятие и определение агрессии	158
Виды агрессии	161
Развитие агрессивности в детском возрасте	164
Факторы, влияющие на развитие агрессивности	170
Социализация агрессивности.....	186
VII. Преступность	188
Теории преступности.....	189
Особенности подростковой преступности.....	196
Классификация несовершеннолетних преступников	210
Причины возникновения правонарушений несовершеннолетних	212
VIII. Суицид.....	221
Общие сведения и определение суицида	221
Причины суицидальных поступков	227
Основные закономерности суицида	234
Структура суицидального поведения	235
Особенности суицидального поведения подростков.....	238
IX. Проституция и сексуальные девиации	243
Древнейшая профессия? (Историческая справка).....	243
Причины проституции.....	251
Подростковая проституция.....	256
Половые девиации	263
Гомосексуализм.....	265
Библиографический список к первой части.....	272
Глоссарий к первой части.....	277

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

I. Общие сведения о девиантном поведении

Понятия «нормативное поведение» и «отклоняющееся поведение» (девиация)

В психологии термин «поведение» широко используется для обозначения вида и уровня активности человека, наряду с такими ее проявлениями, как деятельность, созерцание, познание, общение. Научные представления о человеческом поведении получили особенно бурное развитие в начале XX в, с того времени когда бихевиористы объявили его предметом психологической науки.

В современном понимании поведение – это процесс взаимодействия личности со средой, опосредованный индивидуальными особенностями и внутренней активностью личности, имеющий форму преимущественно внешних действий и поступков.

Под внешними действиями (или внешней активностью) человека понимаются движения, действия, поступки, высказывания, вегетативные реакции.

В своем поведении личность может находиться в четырех сферах: нормативное поведение, социально-психологическая адаптация, отклоняющееся (девиантное) поведение и поведение противоправное.

Адаптация личности является одной из социально-психологических проблем, позволяющих раскрыть закономерности взаимодействия личности и социума.

Человек, оценивая жизненные события с позиции получаемых приобретений и потерь, решает, к каким из них ему следует приспособливаться, какие он может игнорировать, а с какими необходимо вступать в противоборство. Иначе говоря, основным показателем единства человека и социальной среды выступает уровень реализации жизненно важных потребностей личности.

Это означает, что человек не просто реагирует на ту или иную ситуацию, а фактически создает мир, в котором существует.

Основной критерий отношения человека к социальным изменениям является возможность/невозможность реализации жизненно важных потребностей (там же).

Каждый человек вырабатывает свою стратегию адаптивного поведения, но можно выделить типы адаптации личности.

Тип адаптации – структурно-организованную совокупность относительно устойчивых социально-психологических характеристик личности, обеспечивающих реализацию жизненно важных потребностей. Большинство людей проявляют различный тип адаптации в различных ситуациях, но у каждого человека какой-то тип адаптации преобладает (там же).

По позиции человека в социуме можно выделить такие варианты социальной адаптации (Е.В. Змановская):

- *радикальная адаптация* – самореализация через изменение личностью существующего социального мира;
- *гиперадаптация* – самореализация через влияние личности на социальную жизнь посредством сверхдостижений;
- *гармоничная адаптация* – самореализация личности в социуме посредством ориентации на социальные требования;
- *конформистская адаптация* – приспособление за счет подавления индивидуальности, блокировки самореализации;
- *девиантная адаптация* – самореализация посредством выхода за существующие социальные требования (нормы);

В процессе социально-психологической адаптации человек стремится удовлетворить актуальные потребности доступными ему способами. Как правило, способы реализации потребностей, достижения цели задаются обществом в соответствии с нормативной системой и являются наиболее распространенными. Однако если просоциальные способы, с точки зрения личности, неэффективны, она может отдать предпочтение социально-неприемлемым вариантам удовлетворения потребностей. Тогда и говорят о девиантной адаптации.

При этом выбранный путь, изначально казавшийся человеку наиболее эффективным, необязательно станет таковым в действительности. Как показывают результаты проведенного в Саратове исследования (там же) наименее удовлетворенными своей жизнедеятельностью оказались те, кто усомнился в действенности законных способов реализации потребностей, предпочел социально осуждаемые. Видимо, в этом случае человек, изначально убежденный в эффективности выбранного способа, значительно реже испытывает удовлетворение от частичной реализации потребностей даже тогда, когда объективно является обладателем наибольших

благ по сравнению с другими. Как считают исследователи, использование девиантных способов удовлетворения потребностей сопряжено с чувством внутренней дисгармонии (осознаваемым или нет), которое понижает уровень удовлетворенности жизнью.

А вот следование социальным нормам способствует психологической устойчивости, уравновешенности и тем самым связано с чувством общей удовлетворенности жизнью (там же).

Под **нормативным** поведением понимают *нормативно-одобряемое поведение, не связанное с болезненным расстройством, к тому же характерное для большинства людей*. В сфере нормативного поведения человек должен придерживаться установленных норм, формализованных и закрепленных в различных формализованных и закрепленных в различных нормообразующих документах (законы, инструкции и т. п.). Нормативность закреплена также и в обычаях и традициях данного народа. Наиболее конкретно нормирована трудовая деятельность человека в виде правил техники безопасности. Это, как правило, не вызывает вопросов и обычно выполняется всеми людьми вне зависимости от пола, возраста, социального положения, национальности.

Иначе обстоит дело в сфере общения между людьми. В этой сфере нормативное поведение регулируется, с одной стороны, обычаями и традициями, которые сохраняются в неформальных отношениях в семье, бытовом окружении, а, с другой стороны, системой норм, формализованных в государственном масштабе. Эти формализованные нормы поведения своих граждан государство стремится закрепить с раннего возраста через систему официального (принятого в государстве) воспитания и обучения.

Этому официальному воспитанию в определенной степени противоречит или противодействует воспитание семейное. Однако, если семейное воспитание начинает слишком уж сильно противоречить воспитанию официальному, то есть государственному, то государство через свои органы стремится блокировать или даже разрушить такое воспитание, принимая, таким образом, меры к предотвращению формирования отклоняющегося поведения.

И здесь особенно ярко и остро встает понятие «норма» и «патология». Иначе говоря, что мы должны одобрять или относиться к этому терпимо (это норма), а что порицать на данном этапе исторического развития (это патология).

Сфера нормального всегда имеет в сознании людей свои границы, а все что находится за их пределами, определяется как «ненормальное». На практике – осознанно или неосознанно – происходит своеобразное оценивание поведения индивидов по признаку соответствия или несоответствия некой норме, которая и определяет эти границы.

Понятие нормы широко используется в медицине, психологии, педагогике, социологии и других науках. Попытка дать точное и единственно верное определение этому понятию, пока, как показывает практика, обречены на неудачу. Так, к примеру, только в одной лишь медицине насчитывается около двухсот определений нормы.

В настоящее время наиболее распространены несколько основных подходов к понятию «норма». Соответственно, патологией будет считаться то, что в рамках этих понятий норме не соответствует.

1. Статистический подход. В рамках этого подхода норму для любого явления определяют с помощью подсчета частоты, с которой оно встречается, т.е. нормой принято считать то, что чаще всего проявляется в психической жизни, т.е. является наиболее типичным. С точки зрения математической статистики нормально все то, что встречается не реже чем в 50 % случаев. Т.о. в рамках этого подхода нормой считается средний вариант проявления, а всякое отклонение от него в положительную или отрицательную сторону рассматривается как девиация.

2. Качественно-количественный подход сочетается со статистическим. Здесь критерий нормативности определяется по степени выраженности какого-либо свойства и степени угрозы для жизни. Скажем, употребление алкоголя признается нормальным в разумных пределах, но отклоняющимся – при злоупотреблении. С другой стороны, поведение, представляющее прямую опасность для жизни самого человека или окружающих, независимо от его частоты или степени выраженности, оценивается как отклоняющееся (суицид или убийство).

3. Медицинский подход. Странники этого подхода нормой считают все то, что не является болезнью в медицинском смысле слова (со своими симптомами, формами протекания и т.д.). И лишь болезнь считается отклонением от нормы, т.е. патологией.

4. Гомеостатический подход. В этом случае нормой считается все то, что обеспечивает наилучшую адаптацию конкретного организма к условиям окружающей среды. Соответственно, патология – это все то, что либо вообще не способствует наилучшей адаптации, либо способствует ей в недостаточной степени.

5. Статистически-адаптационный подход, при котором под нормой понимается, во-первых, что-то среднее, устоявшееся, не выделяющееся из массы, а, во-вторых, как что-то наиболее приспособленное к окружающей среде

6. (Этот подход особенно активно развивает в последнее время Б.С. Братусь). По его мнению, норма – это то, что в наибольшей степени соответствует родовой сущности человека. Он же выделяет и примерные векторы поиска этой родовой сущности, такие например, как ориентация на нравственные ценности общества, способность к альтруистическому поведению, наличие единого жизненного смысла, который создает смысл жизни и т.д. Соответственно, патология, в его понимании – это вектора с «противоположной полярностью». Так, например, эгоистическое поведение – это патология и т.д.

Сложность определения понятия «норма» не только терминологическая, но и содержательная. К примеру, нравственные нормы просто не могут быть раз и навсегда зафиксированы в абсолютно всех сообществах людей. Это легко можно объяснить. Во-первых, сообщества людей, как правило, имеют национальную специфику, а во-вторых, с течением времени они изменяются, модифицируются.

Здесь хотелось бы отметить очень важный с нашей точки зрения момент: чем демократичнее общество, тем терпимее оно относится к нестандартным формам поведения (или проявления личности). А вот тоталитарные режимы предпочитают (и успешно это делают!) строго регламентировать поведение человека, жестко, а порой и жестоко его наказывать, если он допускает отклонение от предписанных норм [100].

При этом важно помнить, что норма – это некое идеальное образование, так сказать условное обозначение объективной реальности, некий среднестатистический показатель, который характеризует реальную действительность, но в ней не существующий.

В медицине, психологии, социологии есть свои критерии нормы. То, что не соответствует норме, обозначается словом «отклонение». Для социальной педагогики понятия «норма» и «отклоне-

ние от нормы» – очень важные. Они используются для характеристики процесса развития и социального поведения ребенка.

В настоящее время отклонения от нормы условно делят на четыре группы: *физические, психические, педагогические и социальные*. Дадим их краткие характеристики [100].

Физические отклонения от нормы связаны в основном со здоровьем человека и определяются наличием тех или иных медицинских показателей, данных исследований, результатов анализов и т.п. Если касаться детей и подростков, то в России у медиков для каждой возрастной и половой группы определены свои «стандартные» показатели (рост, вес, объем грудной клетки и т.п.). По соответствию этим показателям показателей конкретного ребенка или подростка и судят о его здоровье и развитии. Но, несмотря на свою усредненность, фактически это оказываются идеальные показатели, и вряд ли можно найти ребенка, который бы в точности им соответствовал: у кого-то, скажем, размер стопы чуть больше, а у кого-то руки чуть длиннее обычного.

Однако, несмотря на свою достаточную условность, наличие этой медицинской нормы нормального развития (извините за тавтологию) позволяет все-таки делать некоторые выводы о здоровье подрастающего поколения, а значит, по большому счету, о будущем нации. Так вот, статистические данные по нашей стране: на начало 90-х годов каждый пятый новорожденный россиянин появлялся на свет нездоровым! В настоящее время лица с ограниченными возможностями в здоровье составляют свыше 10 % от общего числа от обучающихся в образовательных учреждениях системы образования (детские сады, школы, колледжи, лицеи, вузы). В специальных средствах обучения нуждаются до 8% населения страны, а фактически получает возможность их использовать только четвертая часть нуждающихся [100]. А это значит, что процесс социализации, то есть нормального вхождения в общество, проходит с большими трудностями и требует специальной работы. Кого? В том числе и социальных работников.

Не будем вдаваться в детали (интересующихся отсылаем к проекту закона РФ о специальном образовании), но к отклонениям в физическом развитии детей могут быть отнесены: болезнь, нарушения зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата.

Психические отклонения от нормы связаны, прежде всего с умственным развитием ребенка, его недостатками. Здесь обычно

выделяют *задержку психического развития (ЗПР) и умственную отсталость*.

К психическим отклонениям относят, кроме того, *нарушения речи* разной степени сложности: от нарушения произношения и заикания до сложных дефектов с нарушением чтения и письма.

Еще одна разновидность психических отклонений – *это нарушение эмоционально-волевой сферы* ребенка.

Еще одну группу отклонений психического плана представляют, как это не покажется странным на первый взгляд, *одаренность* детей.

Еще один интересный факт: физические и психические отклонения у детей, их причины изучены в науке довольно основательно, и они составляют лишь 8-10 % детей. А вот количество детей, пострадавших от неблагоприятных условий развития, по разным данным, колеблется от 20 до 50 %! [100]. Иначе говоря, сам человек делает гораздо больше вреда своим собственным детям, чем природа!

Педагогические отклонения. Этот термин после нескольких десятилетий забвения снова стал актуальным, поскольку снова в нашей стране появились дети, которые в силу некоторых причин, о некоторых из которых мы упомянем чуть позже, не получили образование вообще или получили его явно недостаточно – один-два класса, например. Такие отклонения от образовательной нормы и получили названия *педагогические отклонения*. Конечно, говоря об образовании, трудно говорить о норме. Но! Дело в том, что педагогическая нормой, а другими словами, норма образования – это стандарты общего образования, принятые в данной стране. В соответствии с этими стандартами ребенок в определенном возрасте должен получить соответствующий уровень образования, закончить начальную, неполную среднюю (9 классов) или среднюю школу. У нас в стране, согласно Закону об образовании РФ, обязательным является пока еще общее среднее образование. И недополучение такого образования будет считаться педагогическим отклонением от нормы.

И здесь есть один подводный камешек, о котором хотелось бы сказать. Общее образование можно недополучить по разным причинам. Есть дети, которые учиться откровенно не желают, а поэтому школу не посещают либо вообще, либо ограничивают свой «гранит науки» начальной школой или неоконченным средним об-

разованим. Сейчас в стране таких детей довольно много и число их растет. Причин появления таких детей в нашей стране больше, чем достаточно.

Но есть дети, которые хотят получить полноценное образование, но у них отклонения в психическом или физическом развитии. Для таких детей существуют специальные школы, где они обучаются по специальным программам под руководством специально подготовленных специалистов. Но очень многое в этом случае зависит от того, где ребенок живет: в городе или в деревне, заинтересованы ли члены его семьи в том, чтобы ребенок получил образование или это, допустим, алкоголики, и на образование своего ребенка им, мягко говоря, наплевать... Если добавить к этому списку еще и семьи беженцев и вынужденных переселенцев, то проблема педагогических деформаций будет только усугубляться.

Но возьмем даже идеальный с точки зрения нашей образовательной системы случай – ребенка-инвалида обучают на дому. К нему ходят заботливые учителя, но, как правило, при этом преподаются только основные школьные дисциплины, а, скажем, музыка или изобразительное искусство на дому обычно не изучаются. А ведь они тоже входят в стандарт образования! Да и само отделение ребенка от школьного коллектива тоже негативно сказывается на становлении и развитии его личности [100].

Социальные отклонения связаны с понятием «социальная норма».

***Социальная норма** – это правила, образец действия или мера допустимого (дозволенного или обязательного) поведения или деятельности людей или социальных групп, которое официально установлено или сложилось на том или ином этапе развития общества [100].*

Фактически социальные нормы выступают моделью должного поведения.

Социальные нормы делятся на две большие категории: *универсальные* (они распространяются на каждого человека в данном обществе) и *частные* (они относятся и регламентируют определенную сферу человеческой деятельности, например, профессиональную – есть свои социальные нормы у врачей, у учителей и т.д.).

И вот эти-то социальные нормы, а также отклонения от них в поведении человека и представляют собой неотъемлемые один от другого факторы функционирования любого общества. Иначе го-

вора, это положение можно сформулировать крамольной мыслью: «Если есть общество со своими законами и моралью, то обязательно должны быть люди, их нарушающие, иначе такое общество перестанет развиваться, а то и совсем существовать».

Самым расхожим для многих психологов и педагогов остается понятие «норма» как, во-первых, что-то среднее, устоявшееся, не выделяющееся из массы и, во-вторых, как что-то наиболее приспособленное к окружающей среде. Это так называемый статистически-адаптационный подход, в соответствии с которым выделяют признаки нормальной здоровой личности:

- интерес к внешнему миру;
- наличие смысла жизни, определенной жизненной философии, которая упорядочивает, систематизирует опыт человека;
- существование иерархии ценностей;
- способность юмористически окрашивать действительность;
- целостность личности, адекватность ее реакций на изменение обстоятельств; сбалансированность основных нервных процессов (возбуждения и торможения), уравновешенность корковой и подкорковой деятельности;
- способность к установлению душевных контактов с окружающими;
- соответствие поведения человека нормам и традициям, установленным в обществе;
- подчинение общественным целям, выбор законных средств для достижения личных целей и ряд других признаков [90, с. 134].

Большинство психологов сходятся во мнении, что в рамки критериев абсолютно здоровой, гармоничной личности вписываются немногие. Как неоднократно подчеркивал выдающийся отечественный психиатр П.Б. Ганнушкин, «гармоничные» натуры по большей части есть лишь плод воображения, и разница между душевно здоровыми и нездоровыми людьми, если брать во внимание границы здоровья и болезни, вовсе не так уж велика.

Таким образом, границы между нормативным и отклоняющимся от норм поведением в обыденной жизни оказываются размытыми. Поэтому довольно сложно дать исчерпывающую характеристику поступкам, которые не соответствуют привычным поведенческим требованиям. Наиболее употребительным является термин

«девиантное поведение». Однако множественность социумов и, соответственно, систем социальных ценностей (а также норм, правил поведения и т.п.) порождает великое многообразие представлений о том, что именно является девиацией, то есть отклонением от нормы.

В зарубежной науке психология отклоняющегося (девиантного) поведения сложилась как самостоятельная научная дисциплина. В нашей стране она пока не имеет такого теоретического и эмпирического опыта, находясь на пути становления и развития. Тем не менее ни у зарубежных, ни у отечественных авторов нет единой точки зрения на термин «отклоняющееся поведение». Наряду с термином «девиантное поведение» исследователями употребляются как синонимы термины «делинквентное поведение», «аддиктивное поведение», «дезадаптивное поведение», «асоциальное поведение», «неадекватное поведение», «деструктивное поведение», «акцентуированное поведение» и т.п. [46].

Но и на этом проблема понятийного аппарата не исчерпывается. Одни исследователи считают, что речь должна идти о любых отклонениях от одобряемых обществом социальных норм, другие предлагают включить в это понятие только нарушения правовых норм, третьи – различные виды социальной патологии (убийства, наркотизм, алкоголизм и т.п.), четвертые – социальное творчество [46].

Дело в том, что девиантное поведение всегда связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности, распространенным в обществе или группах нормам, правилам поведения, идеям, стереотипам, ожиданиям, установкам, ценностям [46].

Однако не существует ни четко установленного определения абсолютной поведенческой нормы, ни абсолютного (без оговорок) понимания девиации. Множественность систем социальных ценностей (а также норм, правил поведения и т.п.) порождает великое многообразие представлений о том, что именно является девиацией.

Так, например, по мнению А. Коэна, отклоняющееся поведение – это «такое поведение, которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями, то есть с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы».

Девиантное (отклоняющееся) поведение (от лат. *deviation* – отклонение) – это поведение, отклоняющееся от установленных

норм и стандартов поведения, принятых в данном обществе (И.С. Кон). Его можно определить как отдельные поступки (или их совокупность), входящие в противоречие с принятыми в обществе юридическими, моральными и социальными нормами [90].

Как видно из этого определения, девиантным называют поведение, которое не соответствует нормам и ролям. При этом одни ученые предпочитают в качестве точки отсчета («нормы») использовать экспектации (ожидания) соответствующего поведения, а другие – аттитуды (эталоны, образцы) поведения. Некоторые полагают, что девиантными могут быть не только действия, но и идеи. Девиантное поведение нередко связывают с реакцией общества на него и тогда определяют как «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другие наказания нарушителя» (Б.А. Урванцев, 1991).

Говоря о норме и отклонениях от нее, юристы, социологи, педагоги, психологи исходят из представления о среднем, типичном человеке, носителе, свойственных определенной эпохе и среде воззрений, мотивов, побуждений, склонностей, стремлений. Этот «средний» человек является мерилom социальных отношений. Его психологический облик складывается в нашем сознании благодаря массовым наблюдениям и постоянному общению со множеством людей «нормального» типа. На него мы ориентируемся при анализе всех социальных явлений. Многие понятия и методы психологии и педагогики опираются именно на «средний» тип. Если совершается какой-то поведенческий акт, то мы накладываем на индивида, его совершившего, мерку «среднего» человека. Когда видно, что в поведенческом акте проявились такие психофизиологические черты личности, которые в чем-то отличаются от общепринятого, нормального уровня, то мы обуславливаем поступок индивидуальными особенностями и говорим об индивидуальных факторах. Если психофизиологических отклонений от нормы не наблюдается, и каждый из нас мог бы в определенных условиях совершить такой же поведенческий акт, мы склонны объяснять поведение влиянием социальной среды и говорим о социальных факторах.

Различают первичную и вторичную девиацию. *Первичная девиация* – это собственно ненормативное поведение, имеющее различные причины («бунт» индивида; стремление к самореализации, которая почему-либо не осуществляется в рамках «нормативного» поведения и т.д.). *Вторичная девиация* – это подтверждение (воль-

ное или невольное) того ярлыка, которым общество отметило ранее имевшее место поведение [54].

Подчеркнем, что речь идет не об отдельных поступках, а о более или менее стабильном выработанном стереотипе поведения или даже о «стиле жизни», тесно связанном с устойчивыми личностными особенностями субъектов такого поведения. На более глубоком, собственно психологическом уровне также существует неразрывная связь личностных особенностей, внутри которой очень трудно провести границу, по которой можно отделить личность, тяготеющую к девиантному (от контрнормативного до грубо криминального) поведению, от личности, к такому поведению не тяготеющей. Интересной является также проблема выявления таких индивидуально-психологических особенностей, которые определяют способность субъекта, допускающего нестандартное, контрнормативное поведение, все же не выходить за рамки социально приемлемого. Таким образом, возникает проблема «готовности» к криминальному поведению, выявления своего рода «группы риска», выработки соответствующих критериев – неочевидных, поскольку очевидных критериев нет.

Кроме того, различают девиантное поведение в широком и в узком смысле. В *широком смысле* девиантное поведение – это поведение любого человека, сбившегося с пути или отклонившегося от социальной нормы. В *узком понимании* под девиантным поведением подразумевают такие отклонения, которые не влекут за собой уголовного наказания, иначе говоря, не являются противоправными [54].

Девиантным будет и поведение, отклоняющееся от норм морали, принятых в обществе на данном уровне социального и культурного развития. Разновидности аморального поведения: алкоголизм, наркомания, токсикомания. Крайне опасными и трагическими проявлениями девиации следует считать также суициды, сексуальные извращения, акцентуации характера, психопатологии и др. Девиации проявляются как на уровне малых групп (семья, микрогруппа в коллективе, коллектив в целом и т.д.), так и в индивидуальном порядке [90].

Несмотря на разнообразие подходов к проявлениям девиантного поведения, его весьма сложно определить. Трудность связана с тем, что девиантность является относительной характеристикой и определяется в соответствии со стандартами, которые сами по себе

весьма неопределенны и часто вызывают разногласия. Стандарты, в первую очередь, связаны с социальными ожиданиями окружающих, а ожидания могут быть неясными, меняющимися во времени, различными в различных группах людей или прямо противоположными в той же группе, но при изменившихся обстоятельствах. Одним из ярких примеров девиации может служить убийство человека. В любом обществе такой проступок осуждается, юридически наказывается и считается из ряда вон выходящим, то есть девиантным. Однако на войне убийство не только разрешается, но и вознаграждается. Также не будет девиантным убийство в целях самозащиты или защиты своей семьи [90].

Если даже убийство нельзя считать девиацией в абсолютном смысле, еще труднее решить, являются ли девиантными другие типы поведения. Ясно одно: преступление или поведение, запрещенное законом, общественными, религиозными, этическими нормами, может рассматриваться как девиантное. Отклоняющееся поведение предполагает наличие, по меньшей мере, трех основных компонентов:

- человека, которому свойственен этот тип поведения;
- нормы или ожидания общества (группы), которые являются критерием оценки поведения с точки зрения его девиации;
- некоего органа, учреждения или личности, реагирующих на данное поведение, принимающих решения, нормально это поведение или девиантно, а также определяющих санкции.

Учитывая эти три компонента, девиантным является поведение, отклоняющееся от групповой нормы и влекущее за собой санкции: изоляцию, лечение, наказание, осуждение и другие виды порицания нарушителя [90, с. 133].

Чаще всего отклоняющееся поведение подлежит социальным санкциям. Слабые и случайные формы девиации, связанные с нарушением порядка взаимодействия между людьми (ложь, грубость и т.п.) фиксируются общественным мнением и корректируются непосредственно и ситуативно самими участниками взаимодействия. Методы и средства наказания по отношению к устойчивым формам девиаций определяются общественным сознанием или интересами правящей элиты в зависимости от степени опасности отклонения.

В большинстве случаев контроль девиантного поведения *несимметричен*: отклонения в плохую сторону осуждаются, а в хо-

рошую – одобряются. В зависимости от того, позитивным или негативным является отклонение, все формы девиации можно расположить как некое неразрывно связанное явление. На одном его полюсе разместится группа лиц, проявляющих *максимально неодобряемое поведение*: террористы, предатели, бродяги, преступники и т.п. На другом полюсе расположится группа с *максимально одобряемым поведением*: национальные герои, выдающиеся артисты, спортсмены, ученые, писатели, просто очень здоровые и красивые люди [54].

Если провести статистический подсчет (А.И. Кравченко, 1997), то окажется, что в нормально развивающихся обществах и в обычных условиях на каждую из этих групп придется примерно по 10-15 % общей численности населения, а примерно 70 % населения составляют «твердые середнячки» – люди с несущественными отклонениями.

Социально-отклоняющееся поведение может иметь для общества разные значения. Нередко оно выступает как средство развития системы, преодоления консервативных и реакционных стандартов поведения, т.е. является позитивным в историческом смысле. Наиболее яркий пример такого поведения последних лет – Андрей Дмитриевич Сахаров. Негативные же формы социальных отклонений – это социальная патология. К ним относятся преступность, алкоголизм, наркомания, проституция. Эти проявления характеризуются значительным ущербом для конкретной личности и общества в целом.

Нарушения социальных норм могут быть серьезными и несерьезными, сознательными и неосознаваемыми. Все серьезные нарушения, сознательные они или нет, подпадающие под категорию противоправного действия, относятся к так называемому *делинквентному* (буквально *преступному*) поведению.

Таким образом, в педагогике и психологии выделяют два вида отклоняющегося поведения: «...*преступность* и *уголовно не наказуемое* (непротивоправное) аморальное поведение (систематическое пьянство, стяжательство, распущенность в сфере социальных отношений и пр.)» [102, с. 224]. Из этого определения следует, что действия первого вида представляют общественную опасность, степень которой находит свое выражение в конкретных нормах закона. Действия второго вида относят к числу непротивоправных, хотя известно, что эти виды аморального поведения осуждаются не

только общественной моралью и нравственностью, но и юридически.

Девиантное и делинквентное поведение можно различить следующим образом: девиантное поведение *относительно*, а делинквентное – *абсолютно*. То, что для одного человека или группы людей является отклонением, то для другого или других может быть привычкой. Высший класс считает свое поведение нормой, а поведение представителей других классов, особенно низших, – отклонением. Относительность девиантного поведения проявляется в том, что оно имеет отношение только к культурным нормам данной группы. А делинквентное поведение абсолютно по отношению к законам страны [54].

Л.М. Зюбин [42] расширил понятие отклоняющегося поведения и выделил уже четыре его варианта.

1. Отклонения в поведении, которые свойственны совершенно нормальным и не нарушающим порядка учащимся. Это могут быть отклонения от возрастной нормы или какие-то странности в поведении.

2. Нарушения социальных норм, не являющиеся правонарушениями. К ним относятся проявления отрицательных черт характера (жадность, эгоизм, замкнутость, недоверчивость, жестокость и т.п.).

3. Правонарушения и преступления.

4. Отклонения, связанные с психопатическими чертами личности (неврастения, психические болезни).

Несмотря на многовариантность оценки, здесь также выделено только два вида отклонений в поведении: поведение, представляющее общественную опасность (правонарушения, преступления, психопатические отклонения), и поведение, вызывающее «неудобство» в системе взаимоотношений.

При неблагоприятном социальном развитии и нарушениях социализации могут возникнуть самые разные типы социальной дезадаптации и девиантного поведения, которые связаны не только с правонарушениями и преступлениями. Это могут быть отклонения *корыстной, агрессивной ориентации и отклонения социально-пассивного типа* [102].

К социальным отклонениям **корыстной направленности** относят правонарушения и проступки, связанные со стремлением получить материальную, денежную или имущественную выгоду (кражи, хищения и т.п.).

Социальные отклонения **агрессивной направленности** проявляются в действиях, направленных против личности (оскорбления, хулиганство, побои и такие тяжкие преступления, как изнасилование и убийство).

Отклонения **социально-пассивной направленности** выражаются в стремлении ухода от активной общественной жизни, в уклонении от своих гражданских обязанностей и долга, в нежелании решать как личные, так и социальные проблемы. К такого рода отклонениям можно отнести уклонение от работы или учебы, бродяжничество, употребление алкоголя, наркотиков и токсических веществ. Крайнее проявление социально-пассивной позиции – самоубийство (суицид).

Таким образом, девиантное поведение, различаясь как по содержанию и целевой направленности, так и по степени общественной опасности, может проявляться в различных социальных отклонениях, от нарушения норм морали и незначительных правонарушений до тяжких преступлений.

В.В. Ковалев в своем докладе «Патологические формы девиантного поведения у детей и подростков» на VII Международном симпозиуме детских психиатров социалистических стран 1986 года разделил отклоняющееся поведение на патологическое и непатологическое, в каждом из которых он выделил несколько типов: антидисциплинарное поведение, антисоциальное, делинквентное, аутоагрессивное. Различные формы девиантного поведения тесно взаимосвязаны, поэтому вовлечение юноши или девушки в один вид девиантных действий значительно повышает вероятность их вовлечения также и в другие. Наиболее часто встречается сочетание двух типов девиантного поведения – антидисциплинарного и делинквентного, нередко переходящее в противоправное (например, употребление наркотиков и преступность, пьянство и агрессивность).

По данным ООН, до 30 % всех молодых людей в мире принимают участие в каких-либо противоправных действиях, а 5 % совершают серьезные преступления. В силу психологических особенностей подростки чаще вступают в конфликт с законом. Немаловажное значение в формировании подросткового девиантного и противоправного поведения имеет то, что ценности и атрибутика криминальной субкультуры формируются и создаются уголовным миром с максимальным учетом *возрастных особенностей несо-*

вершеннолетних, что делает их особенно привлекательными для подростков.

Таким образом, вопрос о девиантном поведении в подростковом возрасте становится особенно актуальным. Причем для подростков почти одинаково характерны почти все основные формы девиантного поведения.

Краткая характеристика основных форм девиантного поведения

Классификация типов девиантного поведения связана со значительными трудностями, так как любое отклоняющееся поведение, будь то убийство или драка, пристрастие к спиртным напиткам или курение, можно считать и девиантным, и не девиантным. Кроме того, представления об отклоняющемся поведении может меняться с течением времени и в зависимости от конкретно-исторических условий.

В дореволюционной России, например, к девиантному поведению подростков относились бродяжничество, жестокость, половая развращенность, воровство. Остальные особенности поведения считались естественными у психически здоровых детей. В первые послереволюционные годы отклоняющимся поведением считались анархизм, жестокость, воровство, недоверие к советской власти. В последующие десятилетия сферу социально-психологической адаптации постоянно сужали, и фактически исследователи стали рассматривать только нормативное и отклоняющееся поведение. Естественно, они стали ориентироваться на выявление как можно большего числа негативных черт личности и форм девиантного поведения, к которым стали относить драчливость, грубость, воровство, легкую внушаемость, безволие, неустойчивость поведения, лицемерие, невыдержанность, вспыльчивость и т.п. (всего более 50 негативных черт личности) [6].

Большинство отнесенных к девиантным негативных черт и странностей в поведении (озорство, рассеянность, неорганизованность, неуверенность в себе и др.) свойственны всем здоровым детям и проявляются в процессе общения. Они были отнесены к девиантным из-за распространенной тенденции рассматривать поведение учащихся прежде всего с точки зрения выявления отклонений.

Под руководством **С.И. Андреева** был проведен интересный эксперимент. К преподавателям и мастерам профессионально-технических училищ обратились с предложением перечислить положительные и отрицательные качества учащихся. Мастера назвали всего четыре положительных качества и двенадцать отрицательных, а преподаватели отметили семь положительных и пятнадцать отрицательных [6].

Все увеличивающееся число негативных черт в оценке поведения подростков современными исследователями объясняется тем, что, не имея на руках достаточно доказанных в научном и прикладном плане форм и видов отклоняющегося поведения, они начинают приписывать учащимся черты, которые не относятся к девиантным. Дело в том, что приписываемые учащимся характеристики их поведения определяются субъективными особенностями воспитателя, его практическим опытом, общей подготовленностью к аналитическому восприятию и сравнительному анализу. Известные стандарты обыденного восприятия часто не соответствуют истине, особенно тогда, когда необходимо вписать в них конкретного человека. Поэтому дать точную характеристику и однозначную классификацию типов абсолютно девиантного поведения, видимо, невозможно [6].

Тем не менее, к основным формам девиантного поведения в современных условиях с достаточной степенью условности можно отнести агрессивность, преступность, побеги из дома, аддиктивное поведение, алкоголизм, токсикоманию, наркоманию, суицид, проституцию и половые девиации.

Каждая форма девиации имеет свою специфику. Мы будем рассматривать каждую из них подробно, а пока ограничимся краткой характеристикой.

Преступность. Социологические исследования преступности и ее причин берут свое начало в работах русского статистика **К.Ф. Германа**. Мощный толчок развитию социологии преступности дала работа франко-бельгийского ученого математика-статистика **Л.А. Кетле** «Социальная физика» (1835). В ней, опираясь на статистический анализ, Кетле приходит к выводу о том, что всякий социальный строй предполагает определенное количество и определенный порядок преступлений, вытекающих из его организации.

Только в 90-е годы в нашей стране было официально признано существование организованной преступности. Правда, это каса-

лось лишь взрослых. Между тем 40% правонарушений подростков носит организованный групповой характер. В последние тридцать лет девиантное поведение, принимавшее форму невинных забав, переросло в делинквентное. Изменились социальная характеристика и структура молодежных группировок. Прежде они насчитывали 3-5 человек, сейчас 50, 100 и более. Так, в Казани в конце 80-х годов совершено 180 групповых преступлений, в том числе 50 случаев массовых драк «стенка на стенку» с применением ножей, сабельного оружия и прутьев арматуры [6].

Вообще, жестокость и агрессивность – характерные черты группового делинквентного поведения подростков. Эти же черты проявляются и в жестоком внутригрупповом соперничестве, борьбе за власть в группе, разделе сфер влияния между разными группами подростков. Но кроме этого есть еще и так называемая *немотивированная агрессия*, направленная часто на совершенно невинных, посторонних людей. В качестве примера приведем случай, произошедший в Магнитогорске, когда девятилетний мальчик издевался, а потом убил женщину, относящуюся к категории лиц «без определенного места жительства», только за то, что она не дала ему закурить.

В то же время получили распространение и так называемые «налеты на Москву», которые организовывались приезжими молодежными группами. Обычно они прибывали в столицу утром и сразу же начинали, выражаясь их языком, «бомбить»: совершали разбойные нападения на ни в чем не повинных московских сверстников, грабили и жестоко избивали их.

Криминогенные группы, как отмечает **А.И. Кравченко**, различаются степенью организованности. В Татарии и Мордовии они назывались «конторами», которые организовывались по месту учебы, жительства или работы. Их действия носили одноразовый, ситуативный характер. А есть преступные шайки, куда несовершеннолетние входят наряду со взрослыми. В отличие от «контор» шайки имеют еще более серьезную антиобщественную направленность и более строгую организацию. В таких группах жесткая дисциплина: «Попался – отвечай сам». Говори: «Ничего не знаю, никакой группы нет, действовал один». В ходе следствия группа, как правило, ведет свое «контрследствие», по утрам проводятся своеобразные «планерки» с теми, кого вызывает следователь, а вечером обсуждаются показания свидетелей, потерпевших, и вырабатывает

план, «как обойти закон». Для этих целей порой используется специальная литература, предназначенная для юристов, или привлекаются адвокаты [54].

Как отмечают исследователи, развитие преступности в нашей стране по основным качественным показателям приближается к общемировым тенденциям. Хотя пока регистрируемый уровень преступности у нас ниже, чем в развитых индустриальных странах (хотя, например, в 1996 году в России было зарегистрировано около 2,5 млн. преступлений), но очень высок темп прироста преступлений. В этой связи надо учитывать, что преступность имеет порог количественного и качественного насыщения, за которым она из правоохранительной проблемы превращается в проблему политическую.

Алкоголизм. Данные социологических исследований выявляют любопытную картину. С одной стороны, подавляющее большинство опрошенных считают, что пьянство – это большое зло, с другой стороны, то же подавляющее большинство либо пьет, либо выпивает, «как все». Около половины респондентов не хотели бы иметь среди друзей непьющего человека, 1/3 обиделась бы, если бы хозяин при встрече гостей не поставил бы на стол спиртное. 80% опрошенных считают, что потребление алкоголя в умеренных количествах безвредно и не сказывается на работоспособности, а каждый пятый мужчина допускает появление в пьяном виде в общественных местах, лишь бы это не приводило к скандалам и конфликтам (И.В. Двойменный, 1994).

Такое довольно терпимое общественное мнение к пьянству накладывает свой отпечаток и на проблему подросткового алкоголизма.

В истории борьбы с алкоголизмом можно обнаружить два направления. Во-первых, это ограничение доступности спиртных напитков, сокращение их продажи, удорожание, ужесточение карательных мер за нарушение запретов и ограничений. Во-вторых, усилия, направленные на уменьшение потребности в алкоголе, улучшение социальных и экономических условий жизни.

История борьбы с алкоголизмом знала и попытки введения на территории некоторых стран «сухого закона» (Англия, США, Финляндия, Россия). Они не достигли своей цели, поскольку наличие алкоголя – не единственная и не главная причина существования алкоголизма, особенно это видно у подростков. Проблема преодо-

ления алкоголизма включает в себя экономические, социальные, культурные, психологические и медицинские аспекты.

Наркомания. Результаты социологических исследований, как отмечает И.В. Двойменный, показывают, что главные мотивы потребления наркотиков – жажда удовольствия, желание испытать острые ощущения. А у молодежи, которая и составляет наибольший процент наркоманов, эти мотивы усиливаются социальной незрелостью, легкомыслием.

Большинство опрошенных наркоманов (в разных источниках фигурируют разные цифры, порой доходящие до 100 %) пристрастились к наркотикам под воздействием других лиц, главным образом из числа друзей или знакомых. Потребление наркотиков в молодежной среде, особенно на начальном этапе, очень часто носит групповой характер. Большая часть наркоманов в какой-то степени осознает угрожающую им опасность и критически относится к своему пристрастию. Не видят в употреблении наркотиков никакого вреда в основном молодые курильщики гашиша, нередко даже бравирующие этим.

Суицид. Это намерение лишить себя жизни, повышенный риск совершения самоубийств. Эта форма отклоняющегося поведения пассивного типа является способом ухода от неразрешенных проблем, от самой жизни.

При оценке конкретных суицидальных актов многое зависит от мотивов и обстоятельств, особенностей личности. Исследования свидетельствуют, что фактором, провоцирующим суицидальное поведение, выступает специфическая комбинация таких характеристик, как пол, возраст, образование, социальное и семейное положение.

Проституция. У нас в стране проституция активно изучалась в первые годы советской власти, потом исследования были прекращены и возобновились лишь в 60-е годы. Они показали, что социальная база проституции заметно расширилась, и за этот период проституция заметно помолодела.

В истории существует три основных формы политики по отношению к проституции: *прогибиционизм* (запрет), *регламентация* (регистрация и обязательное медицинское наблюдение за проститутками), *аболиционизм* (профилактическая, разъяснительно-воспитательная работа при отсутствии запретов и регистрации). Практика свидетельствует: лишь социально-духовные преобразо-

вания в обществе способны радикально поменять ситуацию с проституцией.

Побеги из дома и бродяжничество. На этой теме хотелось бы остановиться несколько подробнее, поскольку отдельно ее рассматривать мы не будем. Но необходимость раскрытия этого вопроса высказали на одной из встреч сотрудники КДНиЗП.

Одна из тех проблем, которые относятся к разряду вечных повторяющихся из поколения в поколение, при любом общественном строе, в любой культуре – это проблема социального аутсайдерства.

Социальные аутсайдеры – это люди, которые в силу ряда субъективных и объективных причин не смогли найти достойного места в обществе и оказались в самых низших его слоях.

Речь идет о тех, кто не сумел состояться в жизни, или, как их называют на Западе – о «проигравших».

Одна из крайних форм аутсайдерства – бродяжничество. По Р. Мертону, это разновидность ретритистского поведения, которое выступает как результат двойной неудачи – в стремлении достичь успеха законными средствами и неспособностью прибегнуть к незаконным способам. Поэтому такие типы дистанцируются от конкуренции за «место под Солнцем», бродяжничеству, смирению.

В отечественной литературе под термином «бродяжничество» принято понимать «систематическое перемещение лица в течение длительного времени из одной местности в другую либо в пределах одной местности (например, города) без постоянного места жительства с существованием при этом на нетрудовые доходы» (Смелзер Н. Дж., 1994). Таким образом, можно выделить две основные характеристики бродяжничества: отсутствие определенно-го места жительства и существование на нетрудовые доходы.

Бродяжничество можно охарактеризовать как девиантное поведение. Общество как система объективно заинтересовано в том, чтобы каждый человек выполнял общественно значимые функции, т.е. в меру сил способствовал социальному прогрессу. Существование на нетрудовые доходы является социальным паразитизмом.

Само слово «бомж» вначале существовало как аббревиатура «без определенного места жительства». Впервые оно появилось в милицейских протоколах, а затем перешло в разговорный язык и сейчас часто обозначает просто опустившегося человека. Однако это не совсем верно, потому что отсутствие определенного места жительства не всегда связано с деградацией личности. Не имеют

постоянного жилья беженцы и вынужденные переселенцы; по большому счету бездомными можно назвать всех проживающих в общежитиях; люди, уехавшие на заработки и не сумевшие там определиться – словом все, кто по разным причинам имеет временное жилье. То есть следует различать бездомность и бродяжничество. Кроме того, многие опустившиеся люди, которые живут попрошайничеством и случайными заработками, имеют жилье и прописку. В специальной литературе и в жизни их называют БОЗ (лица «без определенных занятий»).

Иногда употребляется слово «бич». Считается, что оно пришло в разговорный язык как аббревиатура «бывший интеллигентный человек». История этого слова уходит корнями в сталинские лагеря, где многие зэки из числа интеллигентов не выдерживали нечеловеческих условий ГУЛАГа и быстро опускались (А. Свиридов, В.Н. Шиян).

Активный интерес к этому социальному явлению в нашей стране стал проявляться лишь в перестроечные годы, а до этого им интересовались в основном специалисты-криминологи.

Если говорить о нетрудовых доходах современных бродяг, то их можно разделить на несколько категорий. Одна из них – попрошайничество.

С отменой статьи 209 УК РФ попрошайничество распространилось очень широко. В нашей стране можно выделить четыре группы людей, занимающихся этим «ремеслом»:

– *бродяги*, для которых оно является одним из источников существования;

престарелые и инвалиды, которым не хватает пенсии на оплату лекарств, оплату жилья, услуги тех, кто их обслуживает;

– *профессиональные нищие* (агентство ИНТЕРФАКС сообщает, что в 1995 году нищие в московском метро имели ежемесячный доход до 5 млн рублей (недоминированных). Поэтому, как правило, «доходные» места (церкви, базары. Подземные переходы, оживленные улицы) находятся под контролем преступных группировок (как в нашем городе – не знаю). Надо сказать, что действительно нуждающиеся и поэтому вынужденные попрошайничать люди, как правило, просят милостыню там, где заведомо много не подадут (продуктовые магазины, окраины, остановки транспорта).

– те, кто таким образом просто *подрабатывает*.

Бродяжничество наносит обществу существенный вред. Во-первых, оно всегда сопряжено с другими видами девиантного поведения: алкоголизмом, наркоманией, преступностью. Во-вторых, бродяги являются разносчиками инфекционных заболеваний. В-третьих, общество вынуждено тратить значительные средства на содержание спецучреждений, социальную помощь, медицинское обслуживание этой категории своих граждан.

Можно выделить две группы причин бродяжничества: объективные и субъективные.

Кроме общих причин девиантного поведения к *объективным* можно отнести: жилищную проблему, ухудшение политической и социально-экономической ситуации в республиках бывшего СССР, в некоторых сопредельных государствах бродяжничество и попрошайничество еще считается противоправным деянием в отличие от России. К этому можно добавить стихийные бедствия, ухудшение экологической ситуации в ряде регионов страны. Однако объективные причины далеко не всегда толкают человека на путь бродяжничества.

Субъективные причины обусловлены психологическими особенностями личности, жизненными установками, микросоциальной ситуацией. В зависимости от субъективных причин можно выделить такие группы бродяг:

- люди, для которых бродяжничество – это форма уклонения от уголовной ответственности;

- люди, принципиально не желающие работать (самая многочисленная группа);

- люди, обладающие завышенными требованиями к средствам существования, которым не хватает любого заработка (шабашники, старатели и т.п.);

- люди, ставшие бродягами вследствие неурядиц в семье или на работе;

- жертвы социальной пропаганды и собственной романтики (типа освоение целины или строительства БАМа);

- люди с отклонениями в психике.

Потенциальными бомжами являются выпускники детских домов и интернатов, если они не смогут найти жилье и работу.

Можно выделить еще одну группу бомжей – это «уличные дети», т.е. дети и подростки, по разным причинам бежавшие из дома. Их число постоянно растет. По последним данным в России более

2 млн детей нигде не учатся и не работают. По этому показателю Российская Федерация приближается к России 1918-1920 гг*.

Побеги из дома за редким исключением бывают только у детей и подростков. Дети до семилетнего возраста из дома не убегают. Впервые это начинает происходить в возрасте от 7 до 9 лет, но довольно редко. Чаще всего побеги из дому совершают подростки 10-13 лет.

Подростки, склонные к побегу, обычно характеризуются такими чертами, как: нестабильность поведения, повышенная возбудимость и эмоциональная незрелость [36].

Провоцировать подростка на бродяжничество могут многочисленные факторы. Прежде всего, семейная среда: разногласия между родителями, алкоголизм родителей, насилие над ребенком, гиперопека над детьми.

Социальные потрясения тоже играют свою роль. Скажем, доподлинно известно, что в Соединенных Штатах во времена «великой депрессии» было очень много подростков-бродяжек. Примерно тоже самое можно наблюдать и у нас сейчас.

Было сделано много попыток классифицировать побеги из дома по типам и мотивам. Самая простая классификация – разделить подростков, совершивших побег из дома, на две группы: на ушедших *от кого-то или чего-то* и на ушедших *к кому-то или к чему-то*. Здесь все просто: подростки первой группы не могли терпеть сложившуюся дома ситуацию, отношения с одним или обоими родителями. Подростки второй группы – это искатели удовольствий, которые стремятся туда, где им представится наибольшая свобода действий [91].

По другой классификации подростки, убегающие из дома, делятся уже на три типа. Первый тип – это подростки, которые убегают от сложных взаимоотношений в семье, вызванных разного рода критическими обстоятельствами – трудности с финансами, уход одного из родителей или появление в семье отчима или мачехи. Второй тип – это беглецы от чрезмерного родительского контроля и чрезмерно жестких требований с их стороны. Третий тип – это подростки, убегающие от насилия – физического или сексуального [91].

* Материал для этой части рассказа о побегах из дома взят из опубликованных материалов Л.А. Клейберга.

Есть также более сложная классификация, которая разделяет детей-беглецов по характеру их реагирования на стрессовые ситуации. Здесь «бегунки» делятся по уровням. Подростки-беглецы *первого уровня* не испытывают большой отчужденности от других членов семьи. И их побег – это реакция на какой-то отдельный факт или событие. Беглецы *второго уровня* уходят или от старой жизни, или бегут к новой жизни. Они полагают, что решение возникшей у них проблемы – это их уход из семьи. Такие подростки тяжелее переживают стрессовые ситуации и в отношении возвращения домой испытывают двойственное чувство – с одной стороны, они хотели бы вернуться, но с другой, боятся повторения того, из-за чего они сбежали. Беглецы *третьего уровня* уходят для того, чтобы начать новую жизнь. Они заранее планируют свой уход и намереваются уйти навсегда [91].

Отдельно в одном из исследований американских авторов описаны девочки-беглянки. Их тоже три типа: *легкомысленные, озабоченные* и *запуганные* [91].

Легкомысленная беглянка – искательница удовольствий, которая хочет немедленно удовлетворить всем свои желания. Она давно бросила школу, попробовала себя на нескольких работах, но ни на одной из них подолгу не задержалась, употребляла алкоголь и наркотики и вела довольно активную сексуальную жизнь с многочисленными мимолетными знакомыми. Интересный момент: как правило, родители баловали такую девочку и никогда ни в чем ее не ограничивали. Но как только родители начинали осознавать негативные последствия такой вседозволенности и пытались наложить на любимую дочку хоть какие-то ограничения, она взбунтовывалась и уходила из дома.

Озабоченная беглянка, как правило, – это девочка из семьи, в которой много проблем. На плечах этой девочки лежало много домашней работы, она ухаживала за многочисленными братьями и сестрами. В таких семьях отец, как правило, много пьет, и в пьяном виде издевался над такой девочкой, поэтому она довольно часто убегала из дома к соседям или подругам на несколько часов или даже на всю ночь. То есть опыт ухода из дома у нее уже был.

Запуганная беглянка убегает из дома, как правило, от сексуальных домогательств отчима или даже родного отца. Еще живя в семье, такая девочка старалась как можно чаще приглашать домой подруг или как можно реже бывать дома – лишь бы только пореже

оставаться вдвоем со своим сексуально озабоченным отчимом или отцом.

Выделяют несколько основных мотивов побегов из дома [15].

Жажда приключений. Главный механизм или причина бродяжничества в этом случае – так называемая *сенсорная жажда*, то есть потребность во множестве новых и ярких впечатлений. По этой причине из дома бегут дети инфантильные, безудержные фантазеры, любители приключений. Для них это своеобразная игра, в которую они и сами с удовольствием играют и могут увлечь других детей, более внушаемых. В наше время еще встречаются дети, которые бегут из дома из романтических мотивов, начитавшись приключенческих книг. Так, М.И. Буянов описывает побег нескольких подростков на остров Таймыр, чтобы узнать, есть ли на самом деле Земля Санникова [15].

Однако подобный «идейный» характер побегов инфантильных подростков встречается довольно редко. Гораздо чаще такие подростки бродяжничают в поисках новых впечатлений, не желая учиться в школе, поскольку там от них требуется усидчивость и трудолюбие. В школе и дома им скучно, вот они и отправляются «в бега», ночуют на чердаках, в подвалах, на вокзалах.

Эти типы бродяжничества с полным основанием можно отнести к результатам педагогической запущенности, и с приобретением жизненного опыта, годам к 18-20 прекращаются.

Побеги «в знак протеста». Такие побеги встречаются значительно чаще. Причина таких побегов – протест против несправедливого, по мнению подростка, отношения к нему со стороны старших или сверстников. В результате подросток убегает из дома и из школы. Интересно, что, как отмечает детский психиатр М.И. Буянов, такие формы протеста могут закрепиться, и побеги в дальнейшем могут совершаться в ответ на даже незначительные замечания или требования.

«Крик души». Бывает так, что в побегах подростков виноваты учителя: их неправильное поведение служит либо причиной, либо поводом к побегам школьников из школы и дома.

Изгнанные. Это подростки, которые просто вынуждены были покинуть родной дом. Родители, как это ясно из названия, их просто выгоняли. В последнее время эти подростки, раньше бывшие исключительно «уродливым лицом» капитализма, появились и у нас в стране.

Беглецы-исследователи. Они ищут приключений, чтобы таким образом утвердить свою независимость. Они обычно покидают дом, оставляя записку. Если их не задерживают правоохранительные органы, они обычно сами возвращаются домой.

Искатели приятного общества. Такие девушки часто конфликтовали с родителями по поводу главного, с их точки зрения, вопроса – свиданий с молодым человеком. Это проявлялось в многочисленных скандалах по поводу требований родителей раньше приходить домой или не посещать те или иные важные с точки зрения девушки увеселительные мероприятия. Такие девушки обычно тайком исчезали из дома, а потом столь же незаметно возвращались. Бывали и другие варианты – они оставались на ночь у своего бойфренда, а утром звонили родителям и просили разрешения вернуться домой.

Беглецы-шантажисты обычно имели более серьезные и длительные конфликты с родителями по поводу домашних дел, круга друзей и выбора знакомых, поэтому они уходили из дома для того, чтобы заставить родителей принять их образ жизни.

Беглецы от проблем. У них были еще более тяжелые и продолжительные конфликты и напряженные отношения с родителями, имели место частые скандалы с битьем посуды и телесными повреждениями. В таких семьях постоянно ощущалась угроза разрушения семьи. Прежде чем сбежать из дома, большинство подростков из таких семей имели многочисленные проблемы в школе и пытались отключиться от них, употребляя наркотики или алкоголь. А уж потом бежали из семьи.

Таким образом, очевиден факт, что из дома убегают самые разные подростки и по самым разным причинам. Но заслуживает внимание результаты одного исследования, проведенного на Гавайях. Это исследование показало, что дети из неполных семей убегают из дома реже, чем дети из семей полных. Причина этого, видимо, в том, что при наличии обоих родителей между ними чаще возникают ссоры, которые дети не в силах предотвратить, поэтому лучшим решением они видят уход их такой семьи [15].

Вандализм*. Это одна из форм разрушительного поведения человека. БСЭ определяет вандализм как «бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей». Нас же будет ин-

* По кн. Клейберг Л.А. Психология девиантного поведения. – М., 2001.

тересовать более широкая трактовка этого социального явления: от замусоривания парков и вытаптывания газонов до разгрома магазинов во время массовых беспорядков.

Вандализм – это преимущественной удел мужского населения, не достигшего 25 лет. Но пик вандализма приходится на 11-13 лет.

Исследования не выявили связи между склонностью к вандализму у подростков и их принадлежностью к определенному социальному слою. Подростки-вандалы обладают примерно таким же уровнем интеллекта, как и их сверстники, однако в школе успевают гораздо хуже.

Что же толкает подростков на вандализм? Рассмотрим две классификации мотивов этого социального феномена.

С. Коэн выделил шесть типов вандализма:

– вандализм как *способ приобретения*. Основной мотив разрушения – материальная выгода;

– *тактический* вандализм. Разрушение используется как средство для достижения других целей (скажем, чтобы не допустить снижения цен, уничтожаются целые партии товара);

– *идеологический* вандализм. В этом случае объект разрушения имеет ярко выраженный символический смысл (с 1917 года за время СССР у нас разрушено 25-30 тыс. церквей и соборов, около 500 монастырей, уничтожено не менее 20 млн икон, около 400 тыс. колоколов);

– вандализм как *мщение*. Разрушение происходит в ответ на обиду или оскорбление;

– вандализм как *игра* (у детей он рассматривается как возможность поднять свой статус в группе за счет проявления силы, ловкости, смелости);

– *злой* вандализм. Это акты, вызванные чувствами враждебности, зависти, неприязни к другим людям и удовольствия от причинения вреда.

Другая классификация мотивов вандализма представлена Д. Кантером. Кроме уже рассмотренных мотивов мести и приобретения он выделяет:

– *гнев*. Разрушительные действия объясняются чувством досады, переживанием неспособности достигнуть чего-либо и могут быть попыткой справиться со стрессом;

– *скука*. Причина вандализма – желание развлечься. Мотивом выступает поиск новых впечатлений, острых ощущений, связанных с запретностью и опасностью;

– *исследование*. Цель разрушения – познание, желание узнать устройство механизма;

– *эстетическое переживание*. Наблюдение самого процесса разрушения создает новые визуальные структуры, сопровождающиеся звуками, которые кажутся приятными;

– *экзистенциональное исследование*: вандализм может выступать как средство самоутверждения, изучения возможностей своего влияния на общество, привлечение внимания к себе (яркий пример в истории – Герострат, сжегший храм ради привлечения внимания к себе).

Несколько слов необходимо сказать и об особой форме вандализма – **граффити** (от ит. *graffiti* – древние надписи, главным образом бытового характера, рисунки, нацарапанные на стенах зданий, сосудах и т.п.). Такая современная «настенная живопись» выполняется разными способами – шариковой ручкой, маркерами, карандашами, краской (сейчас для подобных «художеств» часто используют краску из аэрозолей), мелом, иногда вырезается ножом, выцарапывается острым предметом или даже выбивается. Граффити, содержащие разнообразные сообщения, ругательства, рисунки, изречения и символы, можно встретить не только на стенах домов или заборах, но и в транспорте, на столах в аудиториях учебных заведений (вузы, в том числе педагогические! – не исключение) и классах школ, на скамейках в парках, иногда на деревьях или асфальте. В нашей стране, несмотря на довольноую распространенность этой формы девиантного поведения, она почти не изучена.

В настоящее время граффити стало одной из самых распространенных форм вандализма, наносящей довольно ощутимый финансовый и социальный ущерб городской среде во многих странах мира. Так, по данным американских источников, в 1970 году ущерб, нанесенный граффити станциям и вагонам метрополитена Нью-Йорка, оценивался в 250 тыс. долларов, а в 1974 году составил уже 2 млн долларов.

Если все многообразие разрушений, которые происходят в обществе, классифицировать по степени их институализированности, предложенной С. Кохеном (S. Cohen, 1973), то поведение авторов

граффити можно отнести к промежуточной позиции между допускаемым обществом ритуальными разрушениями в определенное время и в определенных ситуациях (карнавалы, праздники) и теми видами поведения, которые являются проявлением социально неодобряемого отклонения от норм типа битья стекол, осквернения надгробий и т.п. Граффити относится к тому типу разрушений, ущерб от которых рассматривается как «неизбежные издержки» и институализирован (т.е. ожидаем), а деятельность по устранению надписей и рисунков является рутинной обязанностью. На первый взгляд, особенно по сравнению с другими, более серьезными разновидностями вандализма, к которым можно отнести поджоги, забрасывание камнями проходящие поезда и т.п., граффити выглядят незначительными и относительно безопасными проявлениями отклоняющегося от норм поведения. Но мелкие формы агрессии, к числу которых относится вандализм и его составная часть граффити, получая положительное подкрепление, влекут за собой более крупные. Это значит, что в какой степени граффити выражают разрушительные импульсы человеческой природы, в такой они порождают усвоение агрессивных образцов поведения.

По мнению специалистов [44], городское пространство (а граффити чаще распространено в городах), насыщенное всевозможными проявлениями граффити, снижает психологическую и функциональную поддержку со стороны окружающей среды. Граффити, как и разбитые стекла, мусор и другие признаки неухоженности, воспринимаются как симптом деградации, вызванных ослаблением механизмов социального контроля. А это порождает у людей беспокойство, чувство тревожности и уязвимости. Кроме того, ощущение беспорядка, возникающее при виде граффити, понижает порог сдерживания от деструктивных действий, что, в свою очередь, увеличивает вероятность дальнейших актов вандализма.

Однако не следует игнорировать и тот факт, что некоторые виды граффити выполняют и определенные положительные социальные функции. Настенные рисунки и надписи – это разновидность коммуникации, свободной от повседневных общественных ограничений в силу своей анонимности. Они являются способом выражения установок, конфликтов и проблем, часто подавленных и скрытых.

«Настенная живопись» довольно разнообразна – от детских каракулей до политических лозунгов, поэтому довольно сложно ее

классифицировать. Тем не менее, рассмотрим несколько классификаций.

Е.Л. Эйбл и Б.Е. Бекли (1977) предлагают делить граффити на *публичные* и *личные*. К публичным можно отнести надписи и рисунки, сделанные на внешних стенах зданий, заборах, деревьях, в метро, которые представляют собой чаще всего сообщения о групповой идентичности (например, такая надпись: «Вася, 95 квартал»). К личным граффити относятся те рисунки и надписи. Которые размещаются внутри зданий – в туалетах, на стенах общественных мест, столах в учебных аудиториях и партах в классах. Этот вид граффити чаще представляет из себя выражение личностных установок, эмоциональных состояний или внутриличностных конфликтов. Следует отметить, что в личных граффити в большей степени проявляется воздействие окружающей обстановки.

М. Кокорев (1992) выделяет уже три вида настенных рисунков и надписей: *содержательные*, *разрушающие* и *надписи*, сделанные в стиле «хип-хоп». *Содержательные* граффити сообщают информацию на разные темы. *Разрушающие* нарушают целостность и изменяют содержание официального сообщения или образа. Такие «добавления» появляются чаще всего на рекламных плакатах и стендах с призывами. Это подрисованные усы, бороды, очки, рожки, клыки и т.п., стертые или, наоборот, приписанные буквы. (попробуйте, как герой одного из фильмов советской поры, в лозунге «Труд украшает человека» подрисовать хвостик к букве «ш», превратив ее таким образом в «щ»). Не совсем грамотно, зато смысл совершенно другой!). Самый безобидный пример такого вида граффити можно почерпнуть из практики чеченских событий, когда на баке машины-водовозки с надписью белой краской «ВОДА» заботливые руки слегка подправили это слово, вставив букву «К» из наклеенного лейкопластыря. Символы в *стиле «хип-хоп»* показывают принадлежность автора к этой молодежной субкультуре, включающей себя в качестве составных элементов увлечение музыкой в стиле рэп, брейкданс и рисунки на стенах. Граффити этого вида выполняются чаще всего пульверизаторами с краской и представляют из себя обычно динамичные росчерки – автографы, украшенные различными символами (кресты, короны, звезды, стрелы и т.п.). Однако встречаются и целые многоцветные картины большого размера.

Автор этой классификации М. Кокорев, отмечает, что, например, во Франции в последние годы преобладает граффити третьего

типа. В Магнитогорске тоже стали появляться целые многоцветные панно, выполненные в таком стиле. Некоторые из них, выполненные не без оригинальности, как минимум не безобразят унылые серые стены заборов промышленных предприятий, на которых они и выполнены. В таких видах граффити можно усмотреть уже не только стремление к вандализму, но и более глубокие корни, в основе которых – недостаточная возможность для официальной публичной демонстрации своих работ начинающим художникам. Именно этим, очевидно, можно объяснить надпись-призыв, сделанную, по видимому, автором красочного рисунка на стене одного из хозблоков: «Рисуйте свое, а не повторяйте чужое!».

В. Седнев (1993) изучил надписи и рисунки в общественном транспорте Донецка и разделил их на три вида: *идентифицирующие* (имена, клички, место жительства, номера телефонов), *асоциальные* (нецензурные слова и символы в чей-либо адрес или безадресно), *символические* (посвящены популярным музыкальным группам или исполнителям, наименования фирм, производящим обувь, одежду, аппаратуру).

Многочисленные исследования посвящены граффити в общественных туалетах учебных заведений. Надписи и рисунки, обнаруженные в этих местах, касаются таких тем: личные автографы авторов «творений», секс (сексуальные желания, комментарии, предложения), романтические отношения (выражения чувств к противоположному полу, не имеющие сексуального оттенка), оскорбления и грубые слова, наркотики, политика. Религия, национальные отношения, философские изречения, юмор. Результаты исследований показывают разное соотношение этих тем, но все-таки в туалетных граффити преобладают надписи, связанные с отношением к противоположному полу. Но здесь есть гендерные различия.

Если говорить о мотивах авторов граффити, то специальных исследований на эту тему ни за рубежом, ни в нашей стране не предпринималось. Но на основании изучения ценностей субкультур рисовальщиков и содержательных классификаций надписей можно попытаться сгруппировать причины, которые побуждают людей к граффити (Ю.А. Клейберг, 2001).

Утверждение личной или групповой идентичности. В этом случае запечатление символов порождено стремлением оставить след, сообщить о своем существовании, выразить привязан-

ность. По данным В. Седнева (1993), такие знаки составляют большую часть надписей и рисунков – 50,3 %.

Написание имен популярных исполнителей, спортивных команд и т.п. передает чувство причастности и симпатии, обозначает принадлежность к той или иной группе, приверженность определенному стилю жизни. Особенность граффити в нашей стране состоит в том, что многие надписи выполнены на английском языке. Это объясняется прежде всего тем, что именно английский язык стал международным языком молодежной музыкальной субкультуры.

Есть исследования, отмечающие ценность популярности в субкультуре граффити. Желание достичь признания, особенно в рамках определенной субкультуры, реализуется за счет большого количества, заметности и броскости надписей и рисунков, их долговечности и труднодоступности места расположения, что предполагает риск при их исполнении.

Протест против социальных и культурных норм. Граффити приводит к нанесению ущерба имуществу независимо от формы собственности, а это уже нарушение социальных норм. Кроме того, многие надписи несут в себе заряд агрессивности, выражающийся через употребление определенных слов или символов, а это в большинстве обществ не одобряется. По мнению Е.Л. Эйбла (1997), надписи и рисунки в стиле граффити дают человеку возможность выразить его асоциальность одновременно на трех уровнях – поведенческом, вербальном и лингвистическом, однако сделать это в сравнительно безопасной для автора форме.

Злобные реакции. Многие надписи-граффити представляют собой обидное или грубое высказывание в адрес конкретных людей, политических, этнических групп, учащихся других учебных заведений и т.п. Такие типы граффити содержат мотивы борьбы, соперничества и символического насилия.

Мотивы творчества. Как уже говорилось, среди «настенной живописи», особенно в последнее время, встречаются целые панно из довольно сложных узоров. В этом случае многие рисовальщики считают себя художниками, которые скрашивают унылые пейзажи современного индустриального города, особенно его рабочих окраин. Подготовка к нанесению своего «шедевра» на забор или стену часто сопровождается долгими тренировками и упражнениями по совершенствованию умений.

Сексуальные мотивы. Надписи и рисунки часто отражают недостаточно реализованные сексуальные желания. Не следует забывать, что познание сексуальности – это неотъемлемая часть развития ребенка, поэтому часто граффити связаны с сексуальной тематикой. По мнению И.Н. Ликки и А. Пачеко (1986), такие рисунки и надписи отображают процесс исследования детьми сексуальных ролей.

Развлекательные мотивы. Среди граффити есть символы, которые не подпадают ни под одну достаточно большую тематическую категорию (они в исследованиях обычно попадают в категории «разное» или «другое»). Сюда относятся каракули, которые невозможно идентифицировать, отдельные слова, не относящиеся к какой-либо содержательной категории. В подобных случаях можно предположить, что рисование является своеобразной игрой и доставляет удовольствие само по себе, без стремления автора к передаче какого-либо смысла.

Таким образом, вандализм вообще и граффити в частности рассматриваются в настоящий момент как формы девиантного поведения, характерного главным образом для подростково-молодежной среды. Однако до конца подобное поведение еще не изучено.

Говоря о девиантном поведении, нельзя обратиться к исследованиям крупного социолога **Я.И. Гилинского**. Он, в частности, отмечает, что многие трудности при изучении преступности, наркомании, алкоголизма, проституции и других форм девиантного поведения возникают при попытках рассматривать их как относительно *самостоятельные* явления, со своими специфическими причинами, закономерностями, а следовательно, и методами противодействия со стороны государства и общества. Такой подход в значительной степени объясняется научной традицией и профессиональной специализацией, когда криминолог изучает преступность, нарколог – аддиктивное поведение, суицидолог – самоубийства. Между тем, различные виды девиантности имеют общую первопричину, взаимосвязаны между собой, проявляют общие закономерности, что, однако, не исключает специфические «видовые» особенности.

Об общем генезисе, т.е. процессе образования и становления девиантности мы поговорим чуть позже, пока же остановимся на некоторых общих закономерностях девиаций, выделенных Я.И. Гилинским.

Во-первых, отмечается относительная устойчивость связей между отдельными формами девиантного поведения. Так, в различных обществах наблюдалась обратная зависимость между степенью алкоголизации и наркотизации отдельных групп населения (прежде всего, молодежи); между убийствами и самоубийствами; между женской преступностью и проституцией. А, например, весенне-летний пик и осенне-зимний минимум самоубийств, были выявлены еще **Эрихом Дюркгеймом** на примере Франции XIX века, наблюдается и в настоящее время в различных странах, в том числе и в России.

Во-вторых, взаимосвязи различных форм девиантности носят сложный, порой противоречивый характер, часто не соответствующий обыденным представлениям. Так, хотя нередко наблюдается «*индукция*» различных проявлений девиантности, когда одно негативное явление усиливает другое (например, алкоголизация нередко провоцирует насильственные преступления, а наркотизация – корыстные), однако прослеживаются и обратные связи, когда, скажем, увеличение алкоголизации снижением уровня преступности и наоборот, существует обратная связь между количеством убийств и самоубийств. Другими словами, различные девиантные проявления могут в одних условиях «накладываться», усиливая друг друга, а в других – «разводиться», «гася» одно другое. Т.е. происходит «*интерференция*» различных форм девиантности.

В-третьих, очевидна зависимость различных форм девиантности от среды (экономических, социальных, политических) факторов. При этом различные проявления девиантности по-разному чувствительны к различным средовым воздействиям. Скажем, в периоды экономических кризисов растет корыстная преступность и снижается насильственная, а экономический бум влечет сокращение корыстных преступлений при «взрыве» насильственных, а также алкоголизации и наркотизации населения. А во время войны снижается уровень самоубийств.

В-четвертых, заслуживают особого внимания сложные взаимоотношения негативных и позитивных девиаций. Если в целом уровень пассивного потребления культуры осужденных ниже, чем у населения в целом (до момента ареста такие люди меньше читают, смотрят телевизор, реже посещают кино и театры), то по ряду показателей активной досуговой деятельности, включая самодеятельное творчество, он оказался выше! Т.е. более активными в до-

суге (во всех его сферах) оказались осужденные в сравнении с законопослушными гражданами.

Еще интересный факт. Грузинский исследователь А.А. Габиани выявил резкое повышенную долю бывших спортсменов высокой квалификации (кандидатов и мастеров спорта) среди наркоманов Грузии (25%). А в постсоветское время, как вы все прекрасно знаете, многие бывшие спортсмены пополнили ряды организованной преступности.

Это, по мнению Я.И. Гилинского, можно объяснить тем, что люди с повышенной социальной активностью (для них даже есть специальный термин – «*пассионарии*»), не сумели реализовать ее в социально полезных формах и проявили себя в негативном девиантном поведении. Все это позволило предположить наличие в обществе своеобразного «баланса социальной активности» и системы факторов, определяющих ее структуру и динамику.

$$\sum p + \sum n + \sum k = 1, \text{ где}$$

p – позитивные формы девиантного поведения;

n – негативные формы девиантного поведения;

k – формы нормативного, «конформного» поведения.

При этом увеличение интенсивности (уровня) одних форм активности (позитивных или негативных девиаций) приводит к снижению интенсивности других, противоположных им, форм по принципу сообщающихся судов. Возможен и вариант одновременного увеличения (уменьшения) значений позитивных и негативных форм девиантного поведения при соответствующем снижении (увеличении) нормативного поведения. В определенные (революционные) периоды истории увеличиваются и позитивные, и негативные девиации при сокращении нормативного поведения.

Высказанные гипотезы («интерференции» социальных девиаций и «баланса социальной активности») представляют не только теоретический, но и практический интерес. Установление достоверных и устойчивых связей между различными проявлениями девиантности, между их позитивными и негативными формами могут быть использованы в системе социального контроля в целях нейтрализации одних и стимулирования других.

На сегодняшний день нет единой общепризнанной теории, которая могла бы объяснить возникновение девиантного поведения. Можно говорить лишь о факторах, влияющих на состояние, уровень, структуру, динамику девиантных проявлений.

Девиантность проявляется через действия, поступки людей. Однако все свои действия человек совершает в конечном счете ради удовлетворения своих потребностей: *биологических* (в пище при голоде, в питье при жажде и т.п.), *социальных* (в статусе, престиже, самореализации и т.п.), *духовных* (поиск смысла жизни, цели существования и т.п.).

Потребности людей распределены относительно равномерно и имеют тенденцию к возрастанию. А возможности удовлетворения потребностей – различны, неравны. И хотя определенная степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей человека (ребенок или взрослый, здоровый или инвалид, с высоким интеллектом и не очень), однако главный источник неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служи социально-экономическое неравенство, занятие индивидом неоднородных позиций в социальной структуре общества.

Социальную структуру общества обычно изображают в виде пирамиды, верхнюю, меньшую часть которой составляет «элита» общества (властная, финансовая, военная, религиозная). Средняя, самая значительная по объему часть – «средний класс». В основании пирамиды, ее нижней части располагаются низшие слои (малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельскохозяйственные наемные работники, так называемый «младший обслуживающий персонал»). За пределами этой официальной структуры находятся аутсайдеры, изгои (Бездомные, безработные, алкоголики, наркоманы и т.п.). Очевидно, что чем ближе к вершине пирамиды располагается человек, тем больше у него возможностей для удовлетворения потребностей, чем дальше от вершины и ближе к основанию, тем таких возможностей меньше. При этом распределение индивидов по различным социальным позициям обусловлено прежде всего не зависящими от самих индивидов факторами – социальным происхождением, принадлежностью к определенному классу, группе и лишь во вторую очередь – личными способностями.

Со временем подобная кастовая средневековая жесткость социальной структуры ослабевает, растет социальная мобильность («каждый простой американец может стать президентом»), однако зависимость от социальной принадлежности остается. В современном обществе одним из важнейших дифференцирующих признаков стало наличие высшего образования. Между тем в этом вопро-

се стартовые возможности выпускника школы-интерната и элитной гимназии различны.

Вообще, социально-экономическое неравенство стало следствием общественного разделения труда, значение которого для развития общества трудно переоценить. При этом необходимо отметить ряд обстоятельств, подмеченных Я.И. Гилинским.

Первое. Один из важнейших критериев развития общества, повышения уровня ее организованности служит усложнение его структуры, повышение разнообразия составляющих элементов. Однако это влечет за собой и негативные последствия. Неодинаковое положение социальных классов в структуре общества влечет за собой социально-экономическое неравенство, весьма существенные различия в реальных возможностях удовлетворения своих потребностей. Это не может не порождать зависть, социальные конфликты, протестные реакции, принимающие форму различных девиаций.

Второе. Главным в генезисе девиантности является не сам по себе уровень удовлетворения потребностей, а степень различия в возможности их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть и неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении (пример про щенков в темных коробках и на воле). Социальная неудовлетворенность, а следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребность, сколько относительными – по сравнению с другими социальными слоями. Вот почему в периоды общенациональных потрясений (экономических кризисов, войн), когда большинство населения «уравнивается» перед лицом общей опасности, наблюдается снижение уровня преступности и самоубийств.

Третье. Все более тревожным и девиантогенным представляется наблюдающееся с конца XX века углубление степени социально-экономического неравенства обществ и социальных групп.

Одним из системообразующих факторов современного общества стала его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Причем феномен «исключения» приобретает характер не индивидуальной неудачи, непригодности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в самих принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее число людей.

Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей. Человек как бы теряет свое место в обществе. А чувство потери места в обществе может породить даже большую неудовлетворенность, чем просто бедность.

Аналогичные процессы происходят и применительно к государствам. Академик Н. Моисеев отмечал: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь отсталые страны «отстали навсегда»... Уже очевидно, что «всего на всех не хватит». Начнется борьба за ресурсы – сверхжесткая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением «золотого миллиарда». Надо ли говорить, что Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда»? По одной из западных классификаций, предполагающей разделение всех стран на «Центр», «Периферию» и «Полупериферию», наша страна относилась к Полупериферии, хотя есть уже немало признаков того, что она деградирует в направлении Периферии.

Совершенно очевидны социальные последствия процесса «включения / исключения». Именно «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности.

Из сказанного ясно, что вероятность девиантных поступков неодинакова для различных социально-демографических групп. Так что можно говорить об относительно большем или меньшем риске девиантных проявлений. Увы, но депривированные дети входят в зону большего риска девиации.

Завершая краткую характеристику основных форм девиантного поведения, следует отметить еще один факт: в различных видах девиаций неодинакова роль особенностей личности. Специфические черты внутренней структуры и механизмов отклонений от нормы в основном касаются соотношения трех основных факторов: личности, среды и организма. Преобладание или недостаток одного из факторов обуславливает вид девиации, возникновению которой способствует и неблагоприятное сочетание данных факторов.

Под *личностным компонентом* понимается совокупность индивидуально-психологических элементов: направленность личности, ее ценностные ориентации, нравственные принципы, правосознание и другие.

Биологический компонент включает генетическую основу человека, особенности обменных процессов, специфику высшей нервной деятельности, отклонения или патологии в соматическом или нервно-психическом развитии и др.

Влияние *внешней среды* обусловлено экономическими, политическими, социальными, культурными, бытовыми и другими факторами.

Так, большинство исследователей полагают, что алкоголизм, наркомания, токсикомания, суицид в большей степени зависят от биологических компонентов при достаточно сильном влиянии социальных условий. А преступность можно рассматривать как продукт взаимодействия личности и среды при достаточно малом участии биологического фактора [90].

Некоторые теории, объясняющие возникновение девиантного поведения

Ученые неоднократно пытались выделить наиболее важные факторы, определяющие поведение человека, привести их в какую-то систему. Одним из первых систематизацией этих факторов во второй половине XIX века занялся Романьози. Он считал, что наиболее общие и «упорные» факторы делятся на четыре группы: недостаток средств к существованию; недостатки воспитания; недостаток предусмотрительности; недостатки юстиции.

Первая группа факторов была отнесена к экономической сфере, вторая – к моральной, третья и четвертая – к политической. Эта классификация в то время не получила развития, так как интерес исследователей и практиков в основном был направлен на само преступление и на проблему наказания. В конце семидесятых годов девятнадцатого века интерес сместился на личность преступника, и сразу же появился ряд интересных классификаций. Например, классификация **Ферри** [121], заметного представителя только что сформировавшейся *уголовно-антропологической школы*. Он считал, что преступление, как и всякое человеческое действие, определяется многими факторами, которые распределяются на три группы:

1. **Антропологические (индивидуальные) факторы.** Они включают в себя органические, психические и общественные показатели – пол, возраст, гражданское состояние, профессию, жилище,

общественные классы, степень образования и воспитания, аномалии эмоционально-чувственной сферы и др.

2. **Физические факторы.** К ним относятся раса, климат, строение почвы и степень ее плодородия, время суток и годовая температура.

3. **Социальные факторы.** Под ними следовало понимать уменьшение или увеличение народонаселения, миграции, общественное мнение, обычаи и религию, семейный строй, политическое, финансовое и коммерческое положение; промышленное и земледельческое производство, административное устройство, общественную безопасность, общественное воспитание и образование, общественную благотворительность, законы.

Объяснение причин девиантного поведения теснейшим образом связана с пониманием природы этого социально-психологического феномена. В поведении человека сочетаются компоненты трех уровней – биологические, психологические и социальные. В зависимости от того, какому из них придается главное значение, в рамках той или иной теории определяются основные причины такого поведения. Выделяют три основные концепции девиаций: биологическая, психологическая и социологическая. Скажем, упоминавшееся уже уголовно-антропологическое направление сформировалось в рамках *биологизаторских концепций*, объединенных названием «социал-дарвинизм». Странники этого направления, как пишет **В.Ф. Шевчук** [113], биологическое содержание главных дарвиновских понятий (естественный отбор и борьба за существование) перенесли на человеческое общество.

Наиболее ярким представителем уголовно-антропологического направления стал итальянский психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо. Он обосновал теорию о врожденном преступнике, которая впервые была обнародована в Риме на первом съезде криминалистов-антропологов как бесспорная истина, как последнее слово научного познания. У этой теории появилось много сторонников: «научно доказанный факт» существования особого типа человека – преступника, казалось, разрешал вековые споры о приоритете биологического и социального в происхождении девиантного поведения. Однако торжество теории о врожденном человеке-преступнике было недолгим. Через несколько лет, в 1889 году на аналогичном съезде в Париже новая теория подверглась сокрушительной критике.

В последние годы наблюдается новый всплеск интереса к проблеме биологической, природной обусловленности поведения человека.

Приведем, на наш взгляд, интересную классификацию закономерностей поведения подростков с девиантным поведением, которую дал в свое время Э. Ферри. По его мнению, представители криминальной антропологии доказывали, что преступники воспроизводят привычки, наклонности и демонстрируют естественную жизнь природы, в которой повсюду можно наблюдать убийства и грабежи. Значит, поведение преступника закономерно биологически, а поведение честного человека является исключением и, следовательно, биологически не закономерно [121].

Известный американский психолог У.Х. Шелдон уже в XX веке определил физиологический тип человека, склонного к девиации. По его мнению, такими являются люди мезоморфного типа, для которых характерны такие эпитеты при описании строения организма: «тяжелый», «мускулистый», «атлетичный».

В середине 60-х годов прошлого уже века У. Пирс в результате генетических исследований пришел к выводу о том, что наличие лишней Y-хромосомы у мужчин предопределяет предрасположенность их к криминальному насилию. Г. Айзенк (1970), изучая заключенных, пришел к выводу, экстраверты более склонны к совершению преступлений, чем интроверты, а экстравертированность-интровертированность закладывается на генетическом уровне.

Однако в целом биологические концепции девиантного поведения мало популярны в современном научном мире.

В *социологических исследованиях*, изучающих девиантное поведение, пытаются учесть социальные и культурные факторы, влияющие и определяющие поведение человека в обществе. В рамках этой концепции выделяют несколько направлений, которые объясняют причины его возникновения.

Впервые объяснение сущности отклонения от норм было предложено Э. Дюркгеймом, который в своем исследовании сущности самоубийства выдвинул теорию аномии (от фр. *anomie* – *отсутствие закона*). Под аномией он понимал состояние общества, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые нормы и ценности еще не утвердились [37]. В таких условиях наблюдается равнодушие, отчужденность, недоверие людей друг к другу, теряется стабильность института семьи, выра-

жается полное безразличие к деятельности государства. Лишенные целей и смысла жизни, люди становятся подверженными стрессу и тревожности, что приводит к различным формам отклоняющегося поведения [98].

В современном понимании, как явствует из Словаря иностранных слов, *«аномия – нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, характеризующееся разложением системы ценностей, обусловленных кризисом общества, противоречием между провозглашенными целями (богатство, власть) и невозможностью их реализации; выражается в отчужденности человека от общества, в апатии, разочарованности, в преступности»*.

Главная мысль Э. Дюркгейма сводилась к тому, что в основе стабильного функционирования общества лежит социальная солидарность, а отклонения от нее есть проявления социальной дезорганизации, которые и становятся причинами девиантного поведения.

Р. Мертон использовал выдвинутое Э. Дюркгеймом понятие «аномия» и в 1938 г. внес в его теорию некоторые изменения и дополнения. По его мнению, причиной отклоняющегося поведения считается несогласованность между целями, выдвинутыми обществом, и средствами, которые это общество предлагает для их достижения.

В рамках социологического подхода можно еще отметить *интеракционистское направление* (Ф. Танненбаум, И. Гоффман, Э.Лемерт, Г. Беккер). Согласно ему, отклонения от норм – это не свойство, внутренне присущее какому-либо социальному поведению, а следствие социальной оценки (стигматизации, «клеймения»), которую группы, обладающие властью, выносят поведению менее защищенных групп или отдельного человека. Анализ причин девиантного поведения в данном случае следует направлять на изучение процессов и факторов, определяющих приписывание статуса отклоняющегося от норм поведению, т.е. исследованием того, каким же конкретно образом формируется отношение к тем или иным людям как к девиантам.

Другое направление сложилось в рамках *теории конфликта*. Согласно этой теории культурные образцы поведения будут отклоняющимися, если они основаны на нормах другой культуры. Так считают последователи **А. Коэна**. Например, преступник рас-

смачивается как носитель определенной субкультуры, которая конфликтна по отношению к господствующему в данном обществе типу культуры.

В российской социологии популярна позиция **Я.И. Гилинско-го**. Он считает источником девиации поведения наличие в обществе социального неравенства, высокой степени различий в возможностях удовлетворения потребностей для различных социальных групп.

Психологические концепции девиантного поведения акцент делают на личностный фактор человека. Исследования показали, что сущность девиации нельзя объяснить только лишь на основе какой-то одной психологической черты или комплекса. В 1950 г. Шуэсслер и Крессли пытались доказать, что преступникам присущи особенные психологические черты, которые законопослушным гражданам не свойственны. Однако эти попытки потерпели неудачу.

В рамках этой концепции можно выделить несколько теорий.

Сторонники *ролевых теорий* уверены, что ребенок в процессе социализации должен овладеть наиболее значимыми для него ролями. В том же случае, когда нормальный ход этого процесса по каким-либо причинам нарушен, может запуститься механизм компенсации. В результате ребенок все-таки будет овладевать ролями, но уже не социально приемлемыми, а асоциальными: хулиган, наркоман, вор и т.п., которые неизбежно характеризуются определенными атрибутами.

Принятая на себя роль девианта может привести подростка сначала к социальной изоляции, затем к формированию у него девиантной структуры личности, определяющейся асоциальным самосознанием, которое либо вообще не позволяет, либо резко ограничивает возможность овладения положительными социальными ролями и полезными видами деятельности [98].

При *поведенческом подходе* к трактовке девиантного поведения главная причина отклонения от норм видится в неадекватном социальном научении.

Гуманистические теории рассматривают девиантное поведение как следствие потери ребенком согласия со своими чувствами и невозможностью найти смысл и самореализоваться в сложившихся условиях воспитания.

Однако невозможно полностью объяснить различные формы отклонений в поведении людей, не учитывая ту сложную много-

мерную социально-природную среду, в которой это поведение осуществляется, поэтому в последние годы все больше сторонников находит *теория влияния социально-экологических факторов* на возникновение девиантного поведения, описанная **Т.И. Кулапиной** [86].

Характер основных подсистем социальной среды, особенности социально-экологических региональных типов, их влияние на поведение и социально-психологические последствия этого влияния имеют существенное значение для формирования отклоняющегося поведения.

Наиболее существенное регулятивное воздействие на поведение членов общества оказывают политическая и социальные системы общества.

Исследователи обратили внимание на такой факт: существуют определенные устойчивые региональные стереотипы поведения и, соответственно, похожие варианты отклонений, которые характерны для регионов с примерно одинаковыми характеристиками или с одинаковым социальным составом людей с девиантным поведением. Это натолкнуло ученых на мысль искать причины отклоняющегося поведения в конкретных факторах среды. Однако поведение человека обусловлено средой не непосредственно, а через сложную систему опосредующих факторов социокультурного характера (ценностей, норм и т.п.). Оно обусловлено не только внешней средой, но и определенной иерархической системой его потребностей и интересов. Действие этих личностных факторов проявляется, например, в том, что не только социальные условия, характерные для данного экологического комплекса, предрасполагают к определенному виду девиантного поведения, но и сам человек с определенными установками на отклоняющееся поведение выбирает социально-экологические комплексы, соответствующие системе его ценностей, потребностей, интересов.

К числу фундаментальных социоэкологических факторов, по которым одни регионы отличаются от других, относятся: демографические показатели (плотность населения данного региона, распределение его по полу, возрасту, семейному положению, рождаемости, смертности и т.п.); экономические показатели (преобладание определенного характера труда, обусловленного спецификой производства или отраслей народного хозяйства данного региона, доля женщин в трудовых ресурсах, разделение труда между соци-

альными слоями общества и между полами, средний уровень заработной платы и наличие других источников дохода, развитие сферы услуг и т.п.). Большое значение имеет уровень развития культуры в данном регионе.

Кроме того, следует отметить, что часто отклоняющемуся поведению предшествует состояние острой или хронической неудовлетворенности своей жизнью конкретного человека-девианта. При определенных социокультурных и экономических условиях такой человек может реализовать такую неудовлетворенность в виде отклоняющихся действий, направленных либо на себя (например, пьянством или даже самоубийством), либо на других (например, агрессивные действия, направленные на окружающих). Подобная неудовлетворенность может быть вызвана реальными демографическими, экономическими, социокультурными и прочими факторами, а также недостатками социализации. В социально-психологическом плане она характеризуется неспособностью человека к активной творческой деятельности, конструктивному участию в изменяющейся общественной жизни, плохими взаимоотношениями с окружающими и т.д.

Основные характеристики окружающей среды, влияющие на уровень отклонений, виды отклонений и социальный состав людей с девиантным поведением можно разделить на две группы. Первая – это моральное состояние населения, характер и уровень социализации, преобладающий в регионе, тип субкультуры и степень ее устойчивости. Вторую группу составляют различные источники напряженности или неудовлетворенности, дополнительные адаптивные нагрузки, в частности, нарушения в биоэкологической, демографической, экономической, социальной и культурной среде. Одинаковые источники напряженности, действующие на группы, различные в моральном и культурном отношениях, приводят к различным отклонениям или различной интенсивности одних и тех же отклонений.

В целом следует отметить, что данные, полученные в результате исследований Т.И. Кулапиной, показывают существование определенной связи между показателями экологической системы и различными формами девиантного поведения. Так, наиболее грубые формы девиаций (например, насилие) проявляются главным образом в местностях с минимальной частотой социальных связей, неразвитой сетью учреждений культурно-бытового обслуживания.

Если эти характеристики региона сочетаются с быстрыми темпами социально-экономических изменений, то в таких регионах более распространены формы девиации, относящиеся к так называемому конфликтному типу. А в местностях с замедленными темпами социальных изменений, в «старых» городах, в которых смещены демографическая – возрастная и половая структуры, то есть среди населения преобладают женщины и престарелые, с наибольшей силой проявляются наиболее крайние формы такого отклоняющегося поведения, когда пострадавшим оказывается сам человек (аутоагрессия и суицид). На социальный, экономический и демографический состав людей с отклоняющимся поведением значительное влияние оказывают характеристики основных экономических подсистем региона, в частности, то, какие отрасли производства наиболее развиты в данном регионе. Дело в том, что характер разделения труда и социальных ролей между различными группами населения определяет, какой экономико-демографический или социальный слой вынужден прикладывать наибольшие усилия для нормальной социальной адаптации, то есть несет максимальную адаптивную нагрузку.

II. Неполноценность нервной системы как одна из причин формирования отклоняющегося поведения

В отечественной психологии, социологии, педагогике, криминалистике обобщено большое количество исследований о роли различных неблагоприятных социальных факторов в возникновении тех или иных видов нарушений поведения у подростков. Влиянию биологических факторов на возникновение аффективных расстройств в подростковом возрасте уделено значительно меньше внимания. Еще меньше изучен вопрос о специфике взаимодействия различных социальных и биологических факторов в формировании того или иного типа нарушений поведения у подростков, степени их выраженности.

Между тем сам факт большой частоты и разнообразие форм отклонения поведения именно у подростков требует пристального внимания к исследованию роли биологической возрастной дисгармонии в нарушениях аффективно-волевой сферы. Такое направление исследований было в свое время предложено **Л.С. Выготским** [28], который в изучении проблемы «трудновоспитуемости» боль-

шое внимание уделял исследованию состояния физиологических процессов созревания.

Подобного рода нарушения относятся, главным образом, к сфере деятельности врачей, но все-таки с некоторыми видами нервно-ности часто приходится сталкиваться воспитателям и социальным педагогам по роду своей работы, поэтому мы и уделяем им внимание. Эта тема может показаться излишне «медицинской», но есть вещи, которые специалистам, работающим с детьми (а учителя, психологи и социальные педагоги, несомненно, относятся именно к этой категории), знать необходимо, это может предотвратить многие конфликты. Кроме того, некоторые из этих нарушений могут привести к формированию в более старшем возрасте девиантного поведения.

В исследовании данной проблемы необходимо участие психологов, педагогов, врачей, физиологов, социологов и юристов. Только на основе таких совместных усилий можно решить вопросы психолого-педагогической коррекции «трудного» подростка.

Следует добавить, что здесь рассмотрены не все формы неполноценности нервной системы у детей и подростков, а только те, которые проявляются в отклонениях поведения и социальной адаптации, отражающих общепринятое обозначение – «трудный» подросток.

Нервные нарушения у детей

Нервно-психические нарушения у детей наиболее полно, на наш взгляд, описаны **А.И. Захаровым** [39]. По его мнению, по степени распространенности их можно разделить следующим образом:

1. Минимальная мозговая недостаточность (ММН).
2. Невропатия.
3. Неврозы.
4. Органические нарушения нервной системы.
5. Психическое недоразвитие, умственная отсталость.
6. Психопатии.
7. Психические заболевания.

Рассмотрим краткую характеристику этих нервно-психических нарушений, называя их для краткости, вслед за А.И. Захаровым, нервными нарушениями или нервностями*.

* Параграф написан по книге А.И. Захарова «Предупреждение отклонений в

Минимальная мозговая недостаточность (ММН). Это наиболее распространенный, хотя и не самый тяжелый вид нервноности. Ее причины разнообразны: тяжелое течение беременности (особенно ее первой половины), вредное воздействие на организм беременной женщины химических веществ, радиации, вибрации, инфекционных болезней. После родов неблагоприятное воздействие на мозг ребенка оказывают плохое питание, частые или тяжелые заболевания, ушибы мозга, отравления и неблагоприятная экологическая обстановка в регионе.

Симптомы ММН: повышенная умственная утомляемость, отвлекаемость внимания, затруднения в запоминании нового материала, плохая переносимость шума, яркого света, жары и духоты, укачивание в транспорте с появлением тошноты и рвоты.

Минимальная мозговая недостаточность не постоянна. Отмечены ее значительные колебания в связи с ухудшением или улучшением общего состояния здоровья, временем года, возрастом. 42 % родителей детей четырехлетнего возраста отмечают у своих детей признаки ММН. В максимальной степени признаки ММН проявляются в начальных классах средней школы.

В литературе вместо ММН можно встретить другую аббревиатуру – ММД (минимальная мозговая дисфункция). Для нее характерна несколько другая картина нарушенного поведения: повышенная возбудимость, непоседливость, разбросанность, отсутствие сдерживающих начал, чувства вины и переживаний. Нередко дети с подобными нарушениями, что называется, «без тормозов», ни секунды не могут усидеть на месте, вскакивают, бегут, «не разбирая дороги», постоянно отвлекаются, мешают другим. Они легко переключаются с одного занятия на другое, не доводя начатого дела до конца, легко дают и тут же забывают обещания. Для них характерны шутливость, озорство, беспечность. У таких детей ослаблен инстинкт самосохранения, что выражается в частых падениях, травмах, ушибах.

На первый взгляд может показаться, что дети с ММД просто имеют холерический темперамент. Но так бывает далеко не всегда. Скорее их непоседливость, отвлекаемость и есть проявления минимальной мозговой недостаточности, т.е. общей ослабленности мозга.

Непосредственная мозговая (церебральная) подоплека ММД – хронический алкоголизм родителей, который оказывает повреждающее действие на начальную стадию внутриутробного развития ребенка.

Невропатия – другой распространенный вид нервно-мышечной патологии у детей. Это болезненно повышенная нервная чувствительность.

Могут быть два фактора происхождения невропатии.

Первый – *конституционально-генетический*. У нервных родителей вероятность появления детей с подобными нарушениями высока. Наследоваться могут: чуткий или, наоборот, очень глубокий сон, колебания артериального давления, спазмы желудочно-кишечного тракта на нервной почве.

Второй фактор появления невропатии – *различные отклонения в течение беременности, особенно стрессы*. Этот процесс может быть вызван целым рядом неблагоприятных жизненных обстоятельств: трудности с учебой в институте в период беременности будущей мамы, отсутствие нормальных жилищных условий, конфликты с родственниками, неуверенность в прочности брака, страх перед предстоящими родами и т.п.

Стресс, обусловленный отрицательными переживаниями, приводит к гормональным изменениям в организме матери. Выбрасываемый при этом гормон беспокойства и страха – адреналин – через общую кровеносную систему попадает в развивающийся мозг плода. И плод тоже начинает беспокоиться (уже начиная со 2-3 месяца внутриутробного развития). После рождения такой ребенок вздрагивает от малейшего шума, беспокойно спит. К году проявления невропатии становятся более заметными, к 2-3 годам достигают своего максимума, а затем при благоприятном стечении обстоятельств постепенно уменьшаются и исчезают к пяти (иногда к десяти) годам. Именно с 10 лет нервная система ребенка начинает функционировать, как у взрослого.

К наиболее устойчивым, выраженным проявлениям невропатии можно отнести:

- эмоциональную неустойчивость (легкое возникновение аффектов, плача, беспокойства, перемены настроения);
- вегетососудистую дистонию (понижение давления, головокружение, озноб, повышенная потливость, плохое самочувствие при колебаниях барометрического давления);
- нарушение сна: затрудненное засыпание; чуткий, с про-

буждениями, или чрезмерно глубокий сон с энурезом (ночным недержанием мочи); плохое самочувствие утром, ранний (до 4-х лет) отказ спать днем;

– нарушение обмена веществ в виде диатезов.

Детям с невропатией присущи плохой аппетит и сниженная масса тела. Заставить их есть – это всегда проблема для родителей, нередко перерастающая в конфликт. А насильственное кормление сопровождается нарастающим отвращением к пище, а то и развитием желудочно-кишечных расстройств в виде гастрита.

Неврозы относятся к распространенному виду нервности и нередко протекают на фоне невропатии. Главное, что отличает неврозы от других видов нервности – это определяющая роль в их происхождении психогенных факторов – психических травм, переживаний и напряжений, с которыми ребенок не может справиться. Психогенный, психологически мотивированный характер происхождения неврозов подразумевает их обратимость при условии оказания своевременной квалифицированной помощи со стороны воспитателя, психолога или врача-психоневролога.

Кроме неврозов различают *невротические реакции* – относительно кратковременные аффективные переживания в ответ на действие психотравмирующих факторов. К невротическим реакциям относятся: повышенная возбудимость, капризность или заторможенность в первое время посещения дошкольного учреждения; страхи, временно ухудшающие общее состояние и сон; состояние подавленности при расставании с родителями; заостренные переживания в связи с наличием заболевания или физического дефекта.

Невротические реакции требуют скорее не лечения, а правильного педагогического и психологического подхода со стороны взрослых. Здесь важно определить источник переживания детей. При наличии эмоционального контакта с детьми невротические реакции купируются (проходят) довольно быстро. Если же они повторяются и с возрастом не уменьшаются, а увеличиваются по своей интенсивности, то не исключено состояние хронического эмоционального стресса. В этом случае требуется профессиональная психологическая и психотерапевтическая помощь.

По оценкам родителей и воспитателей, большая вероятность появления невротических отклонений в поведении – у мальчиков 3 и 5 лет и у девочек 4 и 6 лет. Эти возрасты особенно чувствительны к появлению невротических расстройств.

Органические нарушения нервной системы. Они могут иметь наследственный и приобретенный характер.

Появление органических нарушений чаще всего связано с тяжелой патологией родов, нарушающей поступление кислорода в мозг новорожденного (асфикция) или вызывающей механическое повреждение и кровоизлияние в мозг. Повреждающее действие иногда оказывает и резус-конфликт и выраженная недоношенность ребенка.

К органическим нарушениям мозга могут привести и более поздние повреждающие факторы (воздействующие главным образом до 2-х лет жизни ребенка, когда мозг особенно раним и незрел). Среди них на первом месте – механические повреждения мозга при сотрясении или ушибе, на втором – воспаления типа менингита.

По мере своего развития организм в той или иной степени компенсирует наследственные и, особенно, приобретенные нарушения ЦНС, но происходит это не сразу.

У детей с выраженными органическими нарушениями мозга обычно отсутствуют сдерживающие начала, чувство вины и переживания случившегося. Они бесцеремонны и расторможены, у них неудержимое стремление к раннему употреблению алкоголя и наркотиков, рано пробуждается и приобретает патологические формы сексуальное влечение. В общении со сверстниками таким детям свойственны постоянная конфликтность и драчливость, заметно усиливающиеся к концу дня при пребывании в группе. Таких детей надо как можно раньше забирать из детского сада или не водить в него вообще. В группе и тем более дома им нужно предоставить дополнительную возможность для снятия накапливающегося нервного напряжения: разрешить, например, самостоятельно поиграть в спортзале. Не надо забывать о необходимости оказывать таким детям медицинскую помощь (общеукрепляющие, успокаивающие и уменьшающие внутричерепное давление медикаменты).

В другом варианте органические нарушения мозга проявляются быстрой утомляемостью и истощаемостью на занятиях, заторможенностью чувств и влечений, общей пассивностью и вялостью, возникающих даже без каких-либо ощутимых нервно-психических нагрузок. Иногда утомляемость бывает настолько выраженной, что таким детям противопоказано нахождение длительное время среди большого количества сверстников.

Главное, что должны помнить взрослые: дети с органическими нарушениями мозга нуждаются в психологической помощи. Их нельзя считать вредными, упрямыми, ленивыми и вести борьбу с этими негативными качествами, поскольку тем самым можно нанести большой вред здоровью детей. Лучше всего с помощью специалистов разобраться в причинах такого негативного поведения и найти наиболее адекватный путь их устранения.

Психопатии. Это устойчивые отклонения в поведении. Они обусловлены большей частью генетическими психологическими «неполадками». Иначе говоря, это влияние аномального склада характера у родителей или прародителей ребенка, а если брать шире – их образа жизни и поведения. Патологическая наследственность нередко дает о себе знать у приемных детей, поведение которых начинает отклоняться от нормы уже в первые годы жизни, несмотря на самое хорошее к ним отношение в семье, принявшей их. И тем более способствуют усилению или проявлению генетических отклонений в поведении детей неправильное воспитание или его отсутствие вообще, что встречается в некоторых семьях.

Психопатия как патологический склад характера в полной мере заявляет о себе в подростковом и юношеском возрасте. Но уже в первые годы жизни дети с психопатическими чертами характера обращают на себя внимание расторможенностью, конфликтностью, недружелюбием и откровенной агрессивностью.

Оказать помощь таким детям можно, в первую очередь, в дошкольном возрасте, но помощь будет эффективной только в комплексе продуманных социальных, психологических, педагогических и медицинских мероприятий.

На практике иной раз очень трудно разделить все эти виды нервностей, но воспитателю и социальному педагогу важно знать об их болезненности, неестественном характере происхождения и по возможности раньше приступить к психологическим и воспитательным мероприятиям.

Психические заболевания находятся целиком в компетенции врача-психиатра и выявляются только при специальном клиническом обследовании, поэтому останавливаться на них мы не будем.

Психическая неустойчивость*

Термин «психическая неустойчивость» многозначен. Неустойчивые личности описываются под разными названиями: «безвольные», «слабовольные», «повышенно-внушаемые», «с неустойчивым настроением», «реактивно-лабильные». Одни исследователи (Э. Блейер и др.) объясняли основные проявления психической неустойчивости преимущественно лабильностью (от лат. *labilis* – скользящий, неустойчивый) эмоциональной сферы, другие (П.Б. Ганнушкин, В.С. Кулаков) придавали особое значение недоразвитию волевых проявлений; третьи (Г.Е. Сухарева и др.) отмечали выраженную неустойчивость в обеих сферах психической деятельности. **А.Е. Личко** [64] относит понятие психической неустойчивости к неустойчивости именно поведения в отличие от «эмоциональной лабильности», которую он рассматривает в рамках колебаний настроения.

Г.Е. Сухарева [107] рассматривает неустойчивых личностей в рамках вариантов задержанного развития, которое характеризуется главным образом недостаточной зрелостью аффективно-волевой сферы. При этом особо подчеркивается дисгармония психических проявлений с недоразвитием высших форм волевой деятельности, которое мешает приспособиться к требованиям окружающей среды. Для эмоционально незрелых, неустойчивых личностей характерны отсутствие сложной мотивации поступков, недостаточная способность тормозить свои влечения, удержаться от выполнения внезапно возникающих желаний.

Кроме того, под психической неустойчивостью понимается отсутствие сформированности собственной линии поведения из-за повышенной внушаемости, склонности руководствоваться в поступках жадой удовольствия, неспособности к волевому усилию, систематической трудовой деятельности, стойким привязанностям и связанную с этими особенностями социальную незрелость личности, которая проявляется в слабости и неустойчивости морально-нравственных установок.

Как показали исследования [61], к основным признакам психической неустойчивости можно отнести:

* По кн. *Лебединская К.С., Райская М.М., Грибанова Г.В.* Подростки с нарушениями в аффективной сфере. – М., 1988.

а) моральную незрелость (отсутствие чувства долга, ответственности, неспособность тормозить свои желания, подчиняться требованиям дисциплины);

б) повышенную внушаемость к неправильным формам поведения окружающих. Без стимула непосредственно получаемого удовольствия такие подростки малопродуктивны в целенаправленной деятельности;

в) быструю потерю интереса к занятиям, постоянную необходимость стимуляции извне (поощрение, напоминание, организация внимания, перемена видов деятельности) из-за неспособности к длительному волевому усилию и преодолению трудностей;

г) инфантильность, которая прежде всего обращает на себя внимание в эмоциональном образе подростков: они отличаются веселым, беззаботным настроением, общительностью без глубоких и стойких привязанностей, выраженной эмоциональной поверхностностью;

д) несоответствие возрастных психологических реакций данному возрасту (значительная часть возрастных реакций бывают не подростковыми, а детскими). Это прежде всего реакции имитации, особенно ярко проявляющиеся в условиях внешкольного окружения.

Курение, употребление алкоголя и наркотиков, соответствующий жаргон отражают усвоение внешней атрибутики уличных компаний. Психическая незрелость, слабость собственной инициативы и интеллектуальной активности обрекают таких подростков на подчиненное, зависимое положение в группах. В условиях школы нередкими манерами поведения, усвоенными в уличных компаниях, бывают бравата, демонстративное неподчинение школьному режиму, прогулы и побеги с уроков, носящие характер инфантильных (т.е. сохранившихся в психике и поведении взрослого человека особенностей, присущих детскому возрасту) реакций отказа, протеста и оппозиции, гиперкомпенсации.

Реакции, свойственные собственно подростковому возрасту, у таких подростков выражены слабо и тоже имеют отчетливый инфантильный характер. Так, подростковая реакция группирования со сверстниками и в школе проявляется в инфантильном служении лидерам-дезорганизаторам.

По уровню расстройств поведения подростков с явлениями психической неустойчивости можно условно разделить на две подгруппы.

У подростков **I подгруппы** уровень нарушений поведения можно расценить как **непатологический**. Основной мотив их поступков – жажда удовольствия, а главные интересы – игровые. Нередко у таких подростков любимые занятия – это игры с младшими детьми. Интеллектуальные интересы у них выражены недостаточно. Учебными обязанностями, длительной, систематической работой такие подростки тяготятся, а от заданий, требующих усилий, часто отказываются. Знания их, как правило, отличаются поверхностностью, отрывочностью. На уроке они легко уходят в игровую ситуацию: начинают рисовать, играть в «морской бой» и т.д. В школе их больше увлекает какая-нибудь внеклассная работа. Эти увлечения можно было бы назвать хобби-реакцией, однако они, как правило, бывают недолгими.

Такие подростки представляют трудности для педагогов из-за своей неспособности правильно вести себя на уроках: они бывают болтливими, чрезмерно подвижными, отвлекаемыми. На переменах их двигательная разрядка, выливаясь в безудержную беготню, нередко приводит к кратковременным ссорам, дракам. Частое вовлечение в конфликты обычно связано также с эмоциональной заражаемостью и повышенной внушаемостью. Обычно трусливые, они, однако, идут на поводу у более активных дезорганизаторов, легко имитируя внешние модели их поведения. Незрелые формы самоутверждения проявляются и в склонности к хвастовству, примитивным вымыслам, разоблачение которых этих подростков обычно не смущает.

Мало способные к волевому усилию, при затруднениях в учебе они нередко уходят с уроков, катаются на городском транспорте, бродят по магазинам, играют в футбол или хоккей. Эпизодические прогулы, побеги из дома и школы – одна из основных форм защитных реакций, хотя в значительной мере служат и удовлетворению инфантильной потребности в примитивных ярких впечатлениях и ощущениях (так называемая «сенсорная жажда»).

Подросткам этой подгруппы свойственны такие проявления психологических защитных реакций, как кратковременный отказ от посещения школы, связанный с непосильными для них учебными программами; роль «шута» как гиперкомпенсация своей несостоятельности в занятиях; острые аффективные реакции по типу «короткого замыкания». Однако из-за психической незрелости подростков эти реакции не имели тенденции к фиксации и общего

стиля поведения надолго не меняли.

У подростков **II подгруппы** признаки эмоционально-волевой незрелости носили **патологический** характер и чаще сочетались со значительно более отчетливыми проявлениями церебральной (от лат. cerebrum – мозговой, относящийся к головному мозгу) недостаточности.

У таких подростков учебные интересы почти отсутствуют, ученики не способны к целенаправленной работе на протяжении 2-3 уроков. В отличие от подростков первой подгруппы, им быстро надоедает даже игровая деятельность, занятия в кружках и секциях, а нарушения поведения носят у них более выраженный характер. Обращают на себя внимание вспыльчивость, конфликтность. Аффективные вспышки нередко сопровождаются импульсивной агрессивностью: подростки на виду у учителя рвут тетради с плохой оценкой, бросают в обидчика любым попавшимся под руку предметом, выкрикивают оскорбления. Подобные аффективные разряды часто заканчиваются церебрастеническими явлениями (головной болью, резкой слабостью и т. д.).

Несмотря на выраженность агрессии во время аффективной вспышки, отношение к проступку отличается поверхностностью и бездумностью, такие подростки быстро забывают о своем поведении и легко повторяют его снова. Уличенные во лжи, они не переживают. Реакции гиперкомпенсации, связанные с несостоятельностью в учебе, проявляются в желании обратить на себя внимание отрицательным поведением: открытым неподчинением нормам поведения, вызывающей грубостью, хулиганскими выходками, демонстративным паясничанием. Это, в свою очередь, способствует увеличению пробелов в знаниях, еще большему снижению школьных интересов. У подавляющего большинства этих детей к подростковому возрасту формируется выраженная педагогическая запущенность.

Неадекватным бывает и формирование уровня притязаний. Достижения, как в сфере межличностных отношений, так и в различных видах деятельности (в том числе учебной), отличаются низким уровнем. Наблюдается несформированность морально-этических понятий, слабость учебной мотивации, одностороннее развитие мотивационно-потребительской сферы с преобладанием «уличных» интересов.

При низком уровне морально-этической зрелости этих подростков их притязания в сфере общения, межличностных отношений часто оказываются завышенными.

Реакции выхода из сложных конфликтных ситуаций обычно бывают неадекватными. В тех видах деятельности, где низки притязания (например, учеба), психически неустойчивые подростки бывают склонны к уходу, отступлению, то есть к замене сложной задачи более легкой. Там же, где существует личная заинтересованность (например, в сфере общения), может проявляться и агрессивность, но она не носит характер стойкой модели поведения, а выражается в кратковременной аффективной вспышке.

При достижении какой-либо цели психически неустойчивые подростки обеих подгрупп редко бывают склонными к длительной, трудоемкой работе. Функции целеполагания, планирования и контроля над выполнением деятельности у них развиты недостаточно, поэтому достижение цели сопряжено или с поиском легких, обходных путей, или с пассивным ожиданием, когда цель будет достигнута кем-то другим, а подросток сможет воспользоваться уже готовым результатом.

У многих подростков такого типа отмечаются систематические прогулы. В связи с отсутствием каких бы то ни было стойких интересов большую часть свободного времени они проводят на улице. Из-за выраженной эмоционально-волевой незрелости и повышенной внушаемости они легко примыкают к лицам с асоциальным поведением и часто становятся соучастниками в воровстве, начинают употреблять алкоголь, наркотики, курить. Тем не менее, следует отметить, что склонность к алкоголизации, наркотизации, воровству, побегам не связана с первичной расторможенностью влечений, а возникает по механизму реакций имитации форм поведения неблагоприятного средового окружения.

У большинства подростков, которых можно отнести к этой подгруппе, имеются неблагоприятные средовые условия. Наиболее частыми среди них и наиболее значимыми для формирования психической неустойчивости являются условия гипоопеки – выраженной безнадзорности ребенка в течение многих лет. Эта безнадзорность – важный фактор в нарушении психического развития подростков с психической неустойчивостью. Безнадзорность играет ведущую роль в возникновении и развитии микросоциальной и педагогической запущенности с несформированностью навыков к

волевому усилию, систематической учебной и трудовой деятельности.

Г.Е. Сухарева, анализируя динамику развития неустойчивых личностей, подчеркивает, что их социальная адаптация значительно больше зависит от влияния окружающей среды, чем от них самих. Имеется в виду, с одной стороны, их повышенная внушаемость и импульсивность, с другой – незрелость высших форм волевой деятельности, неспособность к выработке устойчивого социально одобряемого жизненного стереотипа и как следствие этого – неорганизованность, отсутствие стремления к преодолению трудностей, склонность идти по пути наименьшего сопротивления, невыработанность собственных запретов, подверженность отрицательным внешним влияниям.

Обращает на себя внимание вот какой факт. Многие из подростков обеих подгрупп еще в 3 – 4 классах школы, ощущая свою учебную несостоятельность, самостоятельно предпринимали попытки самоутверждения на уровне доступных им видов деятельности. Например, пытались заниматься в кружках, особенно музыкальных, драматических, спортивных секциях, увлекались поделками из дерева, металла и т.д. Однако эти попытки, как ни странно, обычно пресекались взрослыми, опасющимися за и без того плохую успеваемость этих детей. Таким образом закрывались возможные пути выхода ребенка из травмирующей ситуации. Атмосфера непонимания окружающими взрослыми этих защитных потребностей ребенка, в свою очередь, рождала у него новые дополнительные реакции протеста.

Таковы клинические особенности «трудных» подростков с явлениями психической неустойчивости. Многие исследователи отмечают важность данной аномалии в социальном плане: безвольность и внушаемость неустойчивых личностей, их нецелеустремленную криминальность. По данным **Н.И. Фелинской** и **В.А. Гурьевой** [117], 17 % правонарушителей обнаруживают психическую незрелость. А другие исследования (В.А. Гурьева, Е.Я. Гиндикин) показывают, что психическая неустойчивость является почвой, на которой формируются различные варианты невротических расстройств, алкоголизм, наркомания.

Повышенная аффективная возбудимость

Аффективная возбудимость, как известно, в большей мере присуща подростковому периоду развития и при нормальном развитии. Ее возникновение тесно связано с вегетативно-эндокринной перестройкой организма, происходящей в этой возрастной фазе. На рабочей конференции Всемирной организации здравоохранения по проблеме «Психическое здоровье подростков и юношей», проходившей в 1971 году, указывалось, что феномен подросткового возраста связан с революцией, как биологической, так и психологической. Первая характеризуется эндокринной перестройкой, вторая – явлениями аффективной возбудимости со склонностью к взрывчатости и агрессии, которая нередко является причиной срывов социальной адаптации, в том числе правонарушений. Однако у психически здорового подростка, воспитывающегося в благоприятных условиях окружения, возрастная аффективная возбудимость не приводит к нарушениям социальной адаптации.

Иначе обстоит дело у подростков с разного рода церебральной недостаточностью; у подростков, находящихся в неблагоприятных условиях воспитания и окружения, а более часто при сочетании обоих факторов. Во всех этих случаях аффективная возбудимость бывает выражена значительно грубее, нередко достигает уровня патологии, вызывает нарушения социальной адаптации.

Г.Е. Сухарева относит синдром повышенной аффективной возбудимости к числу наиболее частых патологических состояний пубертатного периода. По данным В.В. Ковалева [60], этот синдром в раннем детском возрасте встречается у 18% детей, в дошкольном и младшем школьном – у 13%, а у подростков – в 36% случаев. Отмечается связь аффективной возбудимости с синдромом «гиперактивности» как проявлением ММД. Некоторые ученые (О.А. Трифонов, В.С. Кулаков, С.Б. Аксентьев и др.) отмечают связь аффективной возбудимости с влиянием неблагоприятных условий среды: дефектов воспитания, разрушения внутрисемейных связей, слабости привязанностей, неправильного заполнения досуга, контактов с асоциальными группами.

Основным критерием отнесения подростка к группе аффективно возбудимых служит преобладание в его психическом состоянии раздражительности, взрывчатости, склонности к агрессивным разрядам, повышенной конфликтности, постоянной готовности к ссорам и дракам, неуправляемости поведения в состоянии аффектив-

ных вспышек. Обусловленные повышенной аффективной возбудимостью, грубые нарушения дисциплины в школе, создавая конфликтную ситуацию, приводят к пропускам занятий, что, в свою очередь, способствует значительному снижению успеваемости. Взыскания, ограничения и запреты, исходящие от воспитателей и педагогов, вызывают у этих подростков еще более резкое агрессивное противодействие. Таким образом, формируется ситуационный порочный круг, который усиливает школьную дезадаптацию этих подростков.

Как и у подростков с явлениями психической неустойчивости, здесь тоже можно с определенной долей условности выделить 2 группы, отличающиеся по характеру нарушений поведения.

К **I группе** относятся подростки, аффективную возбудимость которых можно расценить как **непатологическую**. Она характеризуется негрубой выраженностью расстройств поведения, отсутствием немотивированных колебаний настроения, а также способностью к компенсации поведения в благоприятных условиях.

Эту группу, в свою очередь, можно разделить еще на две подгруппы. Аффективная возбудимость у подростков первой подгруппы проявляется в виде легко возникающих вспышек агрессии, сопровождающихся так называемым речедвигательным возбуждением. Агрессия, как правило, направляется на взрослых, чаще на родителей (при замечании о невыполнении уроков, запрете гулять), реже на учителей или сверстников.

Эта аффективная возбудимость часто провоцируется рядом подростковых черт: нетерпимостью к опеке, нотациям, ущемляющим самолюбие; авторитарному давлению взрослых; потребностью в эмансипации, самоутверждении. Типичны для таких подростков и непродолжительность аффективных вспышек, определенная критичность к ним самих подростков, жалобы на неумение владеть собой.

Для большинства подростков этой подгруппы характерны неблагоприятные условия в семье: безнадзорность, алкоголизм, асоциальные формы поведения родителей. Особенно значимы для таких подростков элементы деспотичности в семейном воспитании: требования беспрекословного подчинения, излишние запреты, наказания, замечания в форме приказа. Неправильное отношение со стороны взрослых, легкость провокации конфликтов приводили к возникновению у подростков реакций активного протеста, оппози-

ции, имитации. В условиях школы аффективные разряды провоцировались в ситуациях, требующих длительной выдержки, а также вынужденного замедления темпа или внезапного прекращения работы.

Кроме того, обращает на себя внимание эмоциональная заражаемость этих подростков. Ни в школе, ни дома они не могут сохранять нейтралитет в ситуации конфликта, всегда активно вступают в него и, как правило, обостряют. Уличные компании привлекают этих подростков как среда, где самоутверждение приобретает за счет физической силы. Стиль поведения, усвоенный в этих компаниях, обуславливает и ряд особенностей их поведения в школе: браваду неподчинением, демонстративность и развязность. Такая манера поведения ставит некоторых из этих подростков в центр внимания сверстников, что увеличивает их уверенность в себе, вызывает стремление к лидерству.

У подростков из второй подгруппы с непатологической аффективной возбудимостью признаков органической недостаточности нервной системы не отмечается, и их неправильное поведение определяется микросоциально-педагогической запущенностью. Наряду с аффективной возбудимостью у таких подростков резко выступают несформированность учебных навыков, систематического труда, выраженное отсутствие школьных интересов и чувства ответственности за свои поступки. Им свойственен стиль поведения, соответствующий примитивному представлению о взрослости, усвоенному в асоциальном окружении: они игнорируют не только учебу, но и правила поведения в школе, обнаруживают склонность к курению, употреблению алкоголя и наркотиков, модной одежде, причёске, повышенную тягу к подросткам противоположного пола и т.д. Поэтому эти подростки представляют трудности не только из-за аффективной возбудимости, но и из-за отсутствия установки на обучение вообще, неподатливости педагогическим влияниям. В школе они, как правило, становятся лидерами психически неустойчивых подростков, служат отрицательным примером для других, нередко бывают инициаторами драк. Бесконфликтным их поведение становится лишь при отсутствии каких-либо требований к ним, в первую очередь, связанных с учебной деятельностью, обнажающей их педагогическую запущенность.

Что касается подростков этой группы целиком – группы с непатологическим уровнем нарушений поведения – при отрицатель-

ном отношении к школьным занятиям большинство подростков данной группы обнаруживают определенную сформированность личностных установок, наличие некоторых планов на будущее, связанных с выбором профессии, своеобразную адаптацию во внеучебной жизни: направленность на ряд конкретных трудовых мероприятий, требующих затраты физической силы и энергии (ремонтные работы по школе, например), на кратковременные поручения (дежурство в раздевалке и т.п.). Умелое вовлечение их в деятельность, требующую двигательной активности, эмоционального заряда, но без необходимости соблюдать осторожность и обдумывать ситуацию, нередко способствует временной коррекции их поведения.

У подростков I группы отчетливо проявляется тенденция к взрослости, то есть желание быть, казаться, считаться взрослым, а также «чувство взрослости», чаще всего, однако, мало отражающееся на реальных знаниях и деятельности. Подавляющее большинство подростков этой группы характеризуются слабой учебной мотивацией, резкой переориентацией интересов на трудовые, желанием смены социального статуса на более взрослый, приобретения профессии, дифференцированным отношением к своим возможностям, активностью и целенаправленностью в достижении вызывающих интерес целей, попытками самоанализа.

Это позволяет оценивать рассматриваемый этап жизни подростков с непатологическим уровнем аффективной возбудимости как переходный от негативной фазы подросткового возраста к позитивной. Вступление в позитивную фазу, элементы определенной личностной зрелости указывают на нормализацию течения пубертатного периода. Несмотря на выраженную асинхронность развития, имеются тенденции к формированию положительных социальных установок, способствующих коррекции отклонений в поведении.

Ко **II группе** относятся подростки, у которых характер аффективной возбудимости и расстройств поведения можно в целом расценить как **патологический**.

В поведении подростков этой группы аффективная возбудимость носит значительно более выраженный характер и труднее поддается коррекции. Кроме того, ее проявления обнаруживают половые различия. Так, для мальчиков характерна склонность к аффективным разрядам с агрессией большой силы, нередко дохо-

дящей до приступов ярости. Обращение к такому подростку с требованием немедленно вызывает импульсивную реакцию с агрессией, во время которой он теряет контроль над собой, может вступить в драку с более сильным, даже взрослым, бросить в обидчика тяжелый предмет.

Аффективные вспышки сопровождаются выраженной вегетативно-сосудистой реакцией (резким покраснением кожи, повышенным потоотделением), а заканчиваются часто головной болью, иногда повышением температуры. Проявления аффективной возбудимости сочетаются с элементами расторможенности влечений в виде жестокости, повышенной сексуальности, тяги к алкоголю или наркотикам.

Наблюдаются и немотивированные колебания настроения, приближающиеся к *дисфориям* (от гр. *dysphoreo* – тяжело переносу, раздражен – психическое расстройство, характеризующиеся злобно-тоскливым, подавленным настроением с крайней раздражительностью, склонностью к агрессии). В эти периоды подростки становятся особенно чувствительными к различным психотравмирующим факторам, легко вовлекаются в конфликты.

У девочек значительное место занимают истероидные явления: демонстративность аффективных вспышек, стремление привлечь к себе внимание чрезмерной выразительностью и бурностью эмоциональных реакций, гротескностью поведения со склонностью к конфликтам, инсценировкам, оговорам; лживость, повышенная самовнушаемость.

Аффективная возбудимость сочетается с проявлениями «пубертатной астении»: подростки жалуются на головную боль, выраженную усталость, особенно на занятиях; чувство сонливости в первой половине дня; головокружение при езде в транспорте, перемене положения тела; плохую переносимость жары, духоты. Наряду с этим сохраняется тяга к физическому труду, повышение общего тонуса после физической нагрузки и трудовой деятельности.

У подростков этой группы наблюдается дисгармония между устойчиво завышенной самооценкой и низким уровнем притязаний и реальных достижений.

Подчеркнем, что в отличие от психически неустойчивых подростков, у которых психическая неустойчивость пронизывает всю структуру личности не только в подростковом периоде, но и на

более ранних возрастных этапах, у подростков этого типа аффективная возбудимость является как бы «болезнью роста» и тесно связана с дисгармонией протекания критической возрастной фазы.

Расторможенность влечений

Возбудимость сферы влечений даже у здоровых подростков, вызывая аффективную напряженность, нередко в определенной мере влияет на поведение. Л.С. Выготский [27], делая структурный анализ подросткового возраста, подчеркивал, что развитие интересов находится в теснейшей и прямой зависимости от процессов биологического созревания, и ритм органического созревания определяет ритм в развитии интересов; интерес проявляется на основе развития влечений, а вместе с проявлением интереса изменяется и весь характер отношений к среде.

У подростков с расторможенностью влечений особое внимание обращают на себя психосексуальные влечения. Проявления влечений, относящихся к психосексуальным, в современной подростковой психиатрии рассматриваются в рамках возрастной нормы и, по мнению А.Е. Личко, не расцениваются как патология. Так, начало сексуальной жизни до наступления юридического совершеннолетия (т.е. до 18 лет), но при наступлении достаточной физической зрелости, не считается патологическим явлением, но нежелательно с социально-психологической точки зрения (более подробно об этом будет рассказано во второй части этого учебного пособия).

Формирующееся сексуальное влечение может проявляться и опосредованно: в аффективных агрессивных реакциях, направленных на соперников, на людей, унижающих подростков в глазах объекта влечения, в демонстративных реакциях с целью привлечь к себе внимание.

Интенсивность обменно-гормональных процессов, обуславливающая бурный рост, развитие мышечной системы, скелета, требует большого количества белка, калорийной пищи. Поэтому повышенный аппетит, нередко наблюдаемый у подростков, также ошибочно может рассматриваться как проявление повышенного влечения. Некоторая агрессивная окраска аффективной возбудимости, и в норме свойственная этому возрасту, может способствовать неправильному мнению об изначальной склонности подростка к жестокости.

Таким образом, определенная дисгармония в созревании сферы влечений свойственна и здоровому подростку. Но на фоне различных акцентуаций характера, психопатических черт личности, остаточных явлений органического поражения центральной нервной системы (ЦНС), ускоренного полового развития и дисгармоничности его протекания, а также ряда отрицательных социальных влияний напряженность влечений иногда приобретает более выраженный патологический характер и нередко определяет поведение такого подростка.

Исследователи, изучавшие патологические расстройства влечений в детском возрасте (Г.Е. Сухарева, К.С. Лебединская, В.В. Ковалев и др.), относя к ним различные нарушения инстинктивной сферы, подчеркивают большую роль в их реализации неблагоприятных средовых условий. Психопатоподобные формы поведения с расторможением влечений считаются частыми патологическими состояниями пубертатного возраста. При негрубой выраженности влечений и в благоприятных условиях воспитания по окончании пубертатного периода они могут постепенно стихать. При большой тяжести и стойкости этой патологии повышенные сексуальность, аппетит, агрессивность нередко в неблагоприятных средовых условиях способствуют формированию более сложных комплексов асоциального поведения.

В ряде случаев у подростков наблюдаются и влечения, отличающиеся извращенностью (перверзностью). К ним относятся немотивированная агрессия с жестокостью, получением удовольствия от причинения боли окружающим, чаще – детям или животным; отсутствие брезгливости; пиромания – особое стремление к играм с огнем; склонность к бродяжничеству, а также патологическое тяготение к наблюдению и обсуждению различных событий и происшествий отрицательного, чаще жестокого характера (ссоры, драки, дорожные катастрофы, пожары, убийства и т.п.).

Наиболее тяжелые формы патологических влечений (импульсивные побег, поджоги, кражи, сексуальные извращения) постепенно становятся неодолимыми. Нередко они возникают как реакция на неблагоприятную ситуацию: побег – как реакция протеста и оппозиции, воровство, сексуальные извращения – как реакция имитации, и лишь в дальнейшем закрепляются как привычные акты. Сложные, так называемые «социализированные» формы нарушений влечений в виде привычного воровства, употребления алко-

голя и наркотиков обычно присоединяются позже, постепенно, с возрастом. Возникновению асоциального поведения наряду с патологией влечений в этих случаях, по мнению В.В. Ковалева, способствуют также снижение нравственных установок, утрата интересов к познавательной деятельности, отказ от учебы и работы.

А.Е. Личко, применяя понятие «делинквентное поведение», указывает на его связь как с недостатками воспитания, так и с расторможенностью влечений.

По характеру и степени тяжести синдрома расторможенности влечений, как и в предыдущих случаях, можно выделить две группы подростков.

I группа – подростки, у которых расторможение влечений отличается патологической неодолимостью и преобладанием в нарушениях поведения.

II группа – подростки, у которых расторможенность влечений возникает по механизму реакции имитации.

У подростков первой группы аффективная возбудимость занимает настолько большое место, что применительно к ним можно говорить об аффективной возбудимости как о фоне, на котором развивается патология влечений.

Как и в группе подростков с аффективной возбудимостью, здесь наблюдаются половые различия в проявлении влечений.

У девочек преобладает повышенная сексуальность. В школе они стремятся к общению со старшими мальчиками, стараются обратить на себя внимание вызывающим внешним видом (неумеренное применение косметики, вульгарность одежды, причесок и т.п.) и бравируют своей манерой поведения. Нередко они склонны к фантазиям сексуального содержания (вымыслы о поклонниках, оговоры окружающих в сексуальных притязаниях). Ведут они себя демонстративно, вызывающе, активно отстаивают свое право на «взрослый» образ жизни, более соответствующий, по их мнению, их физическому развитию. При раннем половом созревании сексуальное влечение может приводить к беспорядочным половым связям. В асоциальных компаниях такие девочки легко усваивают стиль поведения, принятый в этой среде, получают опыт употребления алкоголя и наркотиков.

У таких девочек отмечаются немотивированные расстройства настроения с резко повышенной раздражительностью, реже плаксивостью. Эти проявления нередко сопровождаются выраженными

реакциями активного протеста, стремлением выйти из-под опеки взрослых. Конфликты в семье или в школе, особенно легко возникающие в эти дни, нередко провоцируют уход из дома, длительные прогулы в школе. Однако часто возникает и беспричинное (первичное) неодолимое стремление к уходам, девочек «тянет на улицу» в круг людей противоположного пола, как правило, более старшего возраста.

Иногда неодолимость влечений проявляется особенно ярко. Тогда в ответ на запрет ухода из дома девочки могут выломать дверь, пытаться выскочить в окно, спрыгнуть с балкона, шантажировать близких намерениями самоубийства. Авторитарный нажим со стороны взрослых дома и в школе либо нравовучения, ориентированные на паспортный возраст, а не на опережающий его уровень физической и половой зрелости, еще больше усиливают оппозиционную готовность. Любая попытка со стороны семьи или школы противодействовать реализации их желаний вызывает у этих девочек бурные реакции, вспышки ярости.

У мальчиков в патологии влечений преобладает не повышенная сексуальность, а агрессия, склонность к употреблению алкоголя или наркотиков, воровству. Их поведение в школе отличается не только демонстративностью, вызывающей манерой и напускной бравадой, но и чертами садизма. Они затевают жестокие драки, настраивая детей друг против друга, испытывают удовольствие от крика, плача, страха младших детей, которых они могут исподтишка больно ущипнуть, ударить или испугать. Один подросток, например, заявлял: «Бью сильно, пока не заткнется», другой обжег руку одноклассника раскаленной железкой, «чтобы посмотреть, что будет», третий, не отрицая совершенного жестокого поступка, спокойно утверждал, что его вину доказать нельзя: «Мы просто так играли». Родителей и учителей они иногда и вне конфликта могут довести до слез холодным издевательским тоном.

Расторженность сексуального влечения, как уже говорилось, у мальчиков встречается реже, чем у девочек, но в случае возникновения проявляется рано, в 14 – 15 лет, и отличается большой напряженностью. Такие мальчики, как правило, умеют добиваться его реализации.

Для подростков этой группы типично делинквентное поведение, такая его форма, как хулиганство с высокой степенью агрессии или реакции имитации асоциальных форм поведения.

При экспериментальном исследовании самооценки у таких подростков выявляется незаинтересованность в положительной оценке окружающими их личностных качеств, способностей, черт характера. Самооценка у них слабо дифференцирована и чаще всего неадекватна: у большинства – завышена, с низким уровнем критичности, причем она обычно сочетается с завышенным уровнем притязаний.

Учебная деятельность для этих подростков не представляет интереса. В большинстве случаев резко выступает однозначно отрицательное отношение к школе, стремление к самостоятельному образу жизни, бытовой и материальной независимости. У девочек отчетливо преобладает бытовая ориентация – стремление иметь семью, детей, опекать младших.

Такая переориентация интересов этих подростков усугубляет их несостоятельность в учебе, и в то же время они остаются беспомощными перед такой привлекательной для них «взрослой» жизни.

Все эти нарушения поведения у девочек и мальчиков так же, как и у подростков с явлениями аффективной возбудимости наглядно проявляются, как правило, на фоне очень интенсивного и нередко, особенно у девочек, раннего полового созревания. Однако примерно у половины элементы патологических влечений могут наблюдаться и до подросткового возраста. Так, рано выявляются упорные капризы, аффективная реакция на наказание с озлобленностью, негативизмом и агрессией. Проявления жестокости (стремление мучить животных, исподтишка избивать младших, интерес к играм с огнем) нередко обнаруживаются даже в дошкольном возрасте. Реже, но встречается ранняя повышенная сексуальность: обостренное половое любопытство, высказывания, жесты, рисунки сексуального содержания, принуждение детей младшего возраста к обнажению, стремление прижаться, дотронуться до разных частей тела детей и взрослых.

Описанный вариант нарушения поведения с преобладанием грубой патологии влечений наиболее труден для адаптации в школьном коллективе. Повышенные и напряженные влечения, глубокая педагогическая запущенность часто делают пребывание этих подростков в школе по существу формальным.

Ко II группе можно отнести подростков, у которых влечения выступают на почве психической неустойчивости, не имеют характер

неодолимости и расцениваются как **непатологические**. У этих подростков отмечается склонность к реакции имитации с повышенной внушаемостью.

Особенности сексуального поведения у девочек – рассуждения на эротические темы, влюбленность в старших своего и противоположного пола, самооговоры в ранних половых связях – являются для них одним из источников развлечений и ярких ощущений, отражающих не физиологически повышенные влечения, а их расторможенность в связи с личностной незрелостью, склонностью к подражанию, отсутствием волевого противовеса и контроля. Встречаются и истероидные черты характера – стремление быть на переднем плане, склонность к вымыслам, бездумность, интеллектуальная поверхностность, отсутствие стойких эмоциональных привязанностей.

Эмоциональную незрелость таких подростков отражает и воровство. Объектами краж девочек-подростков становятся украшения, предметы косметики, у мальчиков – бутылка вина в магазине, карманные деньги, которые тратились на приобретение спиртных напитков, которые затем распивались в уличных асоциальных компаниях.

Желание легких развлечений, попытка самоутверждения незрелой личности – таковы мотивы алкоголизации подростков этой группы. В этих же асоциальных компаниях подростки бродяжничают, бездумно совершают мелкие кражи, чаще бывая лишь пособниками воровства.

Таковы основные нервно-психические особенности «трудных» подростков, в нарушениях поведения которых преобладает расторможенность влечений.

Задержка психического развития

К патологическим факторам, способствующим нарушениям поведения у детей и подростков относятся и явления умственной отсталости. Так, олигофрения (от гр. *oligos* – немногий, незначительный, *phren* – ум – различные формы врожденного или приобретенного в раннем детстве психического недоразвития) диагностируется у подростков-правонарушителей в 3 – 5 % случаев. Легкие формы умственной отсталости, по данным разных исследователей (В.В. Гроховского; Н.И. Фелинской и В.А. Гурьевой;

В.Я. Гиндикина), встречаются у подростков-правонарушителей в 7 раз чаще, чем среди всех подростков данного возраста вообще.

Однако значительно чаще речь идет не об олигофрении, а о различной степени задержки психического развития (ЗПР) на почве органической недостаточности нервной системы, о нарушениях познавательной деятельности, связанных со слабой учебной мотивацией, с низким психическим тонусом вследствие повышенной истощаемости, с недостаточностью памяти, внимания. Стойкая школьная неуспеваемость, возникающая у этих детей с начала обучения в обычной школе, явления педагогической запущенности, часто оставление на второй год становятся причиной затяжной травмирующей ситуации, сопровождающейся формированием резко отрицательного отношения к учебе и школьному коллективу, реакциями протеста и оппозиции, поисками авторитетов и самоутверждения в асоциальной среде и социально неодобряемых формах поведения. В нарушениях поведения этих детей и подростков часто играют роль и аффективно-волевые расстройства, связанные с недостаточностью нервной системы.

По данным на 1988 год [74] (о проведении более поздних исследований нам не известно), около половины неуспевающих учеников младших классов обычных общеобразовательных школ, или почти 6 % всех учащихся этих классов, составляют дети с задержкой психического развития. Она проявляется в незрелости эмоционально-волевой сферы и личности в целом с преобладанием игровых интересов и мотивов; несформированности навыков интеллектуальной деятельности, невыраженности учебных интересов; недостаточности запаса знаний, ограниченности представлений, необходимых для усвоения школьных предметов, относительной бедности словарного запаса. Однако достаточная сообразительность в пределах имеющихся знаний и умение использовать помощь свидетельствуют против умственной отсталости.

В основу классификации ЗПР, предложенной **Т.А. Власовой, М.С. Певзнер** [23], были положены два ведущих фактора, определяющие эту аномалию развития:

- 1) незрелость эмоционально-волевой сферы в виде психического и психофизиологического инфантилизма, как неосложненного, так и осложненного недоразвитием познавательной сферы, речи;
- 2) нарушения познавательной деятельности, обусловленные стойкими церебрастеническими состояниями и повышенной пси-

хической истощаемостью, снижающей интеллектуальную работоспособность.

К.С. Лебединская выделяет 4 варианта ЗПР:

- 1) ЗПР конституционального происхождения;
- 2) ЗПР соматогенного происхождения;
- 3) ЗПР психогенного происхождения;
- 4) ЗПР церебрально-органического происхождения.

При ЗПР *конституционального происхождения* эмоционально-волевая сфера детей находится как бы на ранней ступени развития нормального ребенка, характеризуясь повышенным фоном настроения, непосредственностью и яркостью эмоций, игровым характером интересов.

В хороших средовых условиях такие дети большей частью постепенно адаптируются в условиях обычной школы.

ЗПР *соматогенного происхождения* обусловлена длительными заболеваниями (хроническими инфекциями, аллергическими состояниями, врожденными и приобретенными пороками развития внутренних органов и т.д.). В ЗПР этих детей ведущая роль принадлежит стойкой астении – повышенной утомляемости, резко снижающей работоспособность. Задержка эмоционального развития обусловлена неуверенностью, боязливостью, капризностью, возникающими из-за ощущения своей физической неполноценности, а иногда и режимом определенных ограничений и запретов, в котором находится ослабленный или больной ребенок.

ЗПР *психогенного происхождения* связана с длительными неблагоприятными условиями воспитания. Чаще это хроническая безнадзорность, при которой у ребенка не формируются волевые навыки, способность сдерживать аффект, желания, влечения. И наоборот, фиксируются черты импульсивности, повышенной внушаемости. Реже в условиях деспотического воспитания, жестокости, агрессии к детям и другим членам семьи психогенно обусловленная незрелость эмоционально-волевой сферы ребенка проявляется в малой самостоятельности, слабой активности, инициативе. Обе эти разновидности психогенной инфантилизации препятствуют формированию интеллектуальной активности.

ЗПР *церебрально-органического происхождения* встречается чаще других вариантов этой аномалии развития, обладает большей стойкостью и выраженностью нарушений эмоционально-волевой сферы и познавательной деятельности, чаще требует специальных

условий и методов обучения, а также медикаментозного лечения.

Причина этого варианта ЗПР чаще всего недостаточность нервной системы ребенка, обусловленная патологией беременности и родов, инфекциями и травмами первых лет жизни, реже – генетическими пороками развития нервной системы. Поэтому при обследовании таких детей обычно выделяются признаки ММД.

Замедление смены возрастных фаз психического развития (запаздывание формирования двигательных функций, речи, навыков опрятности, этапов игровой деятельности) часто появляются уже в дошкольном возрасте. К школьному возрасту обычно выявляется общая ЗПР, включающая как несформированность эмоционально-волевой сферы, так и незрелость познавательной деятельности.

При несформированности эмоционально-волевой сферы отсутствуют живость и яркость эмоций. Характерны слабая заинтересованность в оценке, низкий уровень притязаний. Игру характеризуют бедность воображения и творчества, определенная монотонность и однообразие.

Изучение психолого-педагогической структуры ЗПР в отечественной дефектологии проводилось, в основном, у младших школьников. Внимание исследователей было сосредоточено на познавательной деятельности и разработке коррекционных методов обучения этих детей. Такая возрастная ориентация связана с наибольшей актуальностью проблемы ранней диагностики ЗПР именно в младшем возрасте в связи со сложностью определения критериев отбора детей в специальную школу.

В последние годы, в связи с появлением в школах для детей с ЗПР старших классов, возникла необходимость изучения особенностей их развития в подростковом возрасте. **В.Ф. Палладий** и **Г.А. Деева** [80], отмечая у подростков с ЗПР трудности поведения и даже асоциальные поступки, ставят вполне правомерный вопрос о необходимости разработки адекватных форм и методов трудового обучения и профориентации учащихся старших классов с ЗПР как одного из факторов профилактики правонарушений и реальной помощи в социальной и трудовой адаптации выпускников специальных школ для детей с ЗПР.

III. Отрицательное влияние семьи на формирование поведения ребенка

Факторы, определяющие влияние семьи на формирование поведения ребенка

Проблемы отклонений в поведении подростков невозможно решать без участия в них семьи. Семья – это тот изначальный воспитательный коллектив, где ребенок впервые усваивает нормы общечеловеческой морали, правила общежития, получает навыки совместного труда, где формируются его жизненные идеалы.

К сожалению, встречаются семьи, нравственная атмосфера которых отрицательно влияет на воспитание детей. «Дефекты воспитания, – пишет детский психиатр И.И. Буянов, – это и есть первейший и главнейший показатель неблагополучной семьи. Ни материальные, ни бытовые, ни престижные показатели не характеризуют степень благополучия или неблагополучия семьи, – только отношение к ребенку». Не случайно Дж. Боулби вводит термин «патогенное родительское воспитание» (*pathogenic parenting*), определяя его как ключевой фактор многих невротических симптомов, личностных расстройств, семейных и супружеских проблем [45].

С учетом достаточно большого количества причин, обуславливающих функциональную несостоятельность семьи, существуют разнообразные подходы к типологии и классификации таких семей. С.А. Беличева [10] в качестве системообразующего критерия при составлении типологии функционально-несостоятельных семей использует характер десоциализирующего влияния, оказываемого такими семьями на детей. Нам этот подход кажется заслуживающим наибольшего внимания.

Десоциализирующее влияние семей можно разделить на две большие группы: прямое и косвенное.

Семьи с **прямым десоциализирующим влиянием** демонстрируют асоциальное поведение и антиобщественные ориентации, выступая, таким образом, институтами десоциализации. К ним можно отнести **криминально-аморальные семьи**, в которых преобладают криминальные факторы риска, и **аморально-асоциальные семьи**, которые характеризуются антиобщественными установками и ориентациями.

Наибольшую опасность по своему негативному воздействию на детей представляют криминально-аморальные семьи. Жизнь детей в таких семьях из-за жестокого обращения, пьяных дебошей, сексуальной распушенности родителей, отсутствия элементарной заботы не о воспитании даже, а просто об элементарном содержании детей зачастую находится под угрозой. Такие дети относятся к категории социальных сирот (сирот при живых родителях), которых, как правило, ждут побеги из дома, раннее бродяжничество, полная социальная незащищенность как от жестокого обращения в семье, так и от криминализирующего влияния преступных группировок.

К асоциально-аморальным семьям чаще всего относят семьи с откровенными стяжательскими ориентациями, живущие по принципу «цель оправдывает средства». Внешне обстановка в таких семьях может выглядеть вполне благопристойной, уровень жизни достаточно высок, но духовные ценности подменены исключительно стяжательскими ориентациями с весьма неразборчивыми средствами их достижения (С.И. Ожегов в своем Словаре русского языка определяет слово стяжательство как образ действия стяжателя, т.е. корыстолюбивого, стремящегося к наживе человека). Такие семьи, несмотря на внешнюю респектабельность, своими искаженными моральными представлениями тоже оказывают на детей прямое десоциализирующее влияние, прививая им антиобщественные взгляды и ценностные ориентации.

Семьи с *косвенным десоциализирующим влиянием* испытывают затруднения социально-психологического и психолого-педагогического характера, выражающиеся в нарушениях супружеских и детско-родительских отношений. Это так называемые **конфликтные и педагогически несостоятельные семьи.**

Конфликтные семьи могут быть как шумными, скандальными, где повышенные тона, раздраженность становятся нормой взаимоотношений членов семьи, так и «тихими», где отношения характеризуют полное отчуждение, стремление избегать всякого взаимодействия. Но в обоих случаях конфликтная семья отрицательно влияет на формирование личности ребенка и может послужить причиной различных асоциальных проявлений.

В конфликтных семьях десоциализирующее влияние проявляется не прямо через образцы аморального поведения или антиобщественные убеждения родителей, здесь имеет место косвенное десоциализирующее влияние, оказываемое за счет хронически ос-

ложненных, нездоровых отношений между членами семьи, чаще всего между родителями.

В педагогически несостоятельных семьях, то есть в семьях, где при относительно благоприятных условиях (здоровая семейная атмосфера, ведущие социально одобряемый образ жизни и проявляющие заботу о детях родители) неправильно формируются взаимоотношения с детьми, совершаются серьезные педагогические просчеты, приводящие к различным асоциальным проявлениям в сознании и поведении детей. По данным С.А. Беличевой, 45 – 60 % подростков, стоящих на учете в милиции, – из педагогически несостоятельных семей.

Педагогически несостоятельные, как и конфликтные, семьи не оказывают на детей прямого десоциализирующего влияния. Формирование антиобщественной ориентации у детей в таких семьях происходит потому, что за счет педагогических ошибок, тяжелой морально-психологической атмосферы здесь утрачивается воспитательная роль семьи, и она по степени своего воздействия начинает уступать другим институтам социализации, играющим отрицательную роль.

Можно выделить ряд факторов влияния семьи на воспитание ребенка.

Важным условием формирования социально ценной личности ребенка является **родительский контроль**. Проблеме родительского контроля в педагогической литературе не уделяется должного внимания, этот вопрос до сих пор изучен недостаточно. В криминологической литературе сходный вопрос изучался **А.Б. Кашелкиным** и **В.С. Овчинским**, но они употребляли термин и изучали понятие «семейный надзор». Естественно, что надзор в понимании криминолога и юриста отличается от контроля в понимании педагога и в профессиональном толковании, и в структурном построении, и в методике достижения конечных результатов.

Родительский контроль в понимании педагога складывается из взаимодействий таких понятий, как: интерес ребенка к ведущим сферам деятельности (игра, учеба, труд, увлечения); знание родителями внесемейной сферы общения ребенка (формальной и неформальной); повседневное внутрисемейное общение (так называемые «беседы за круглым столом»). В связи с этим выделяются такие виды родительского контроля:

- взаимодоверительный (демократичный);

- жесткий (контроль постоянный, ежедневный, ограничительный);
- эпизодический (контроль от случая к случаю);
- бесконтрольность (практическое отсутствие контроля).

Исследования **Ю.И. Юрички** [132] показали, что в семьях школьников с отклонениями в поведении преобладают эпизодический контроль и бесконтрольность, а взаимодоверительный контроль почти отсутствует.

Разные категории семей относятся к родительскому контролю по-разному. Так в семьях школьников-правонарушителей, где номинально оба родителя занимаются воспитанием детей, контроль за ними в основном эпизодический, то есть слабый (61 %) или вообще отсутствует (17 %). Жестко контролируются дети в 20 % семей. Значительно хуже осуществляется контроль в семьях, где воспитанием детей занимается одна мать. Причем в эту группу входят не только семьи с матерями-одиночками, разведенными или вдовами, но и те полные семьи, где отцы в силу разных причин (алкоголизм, наркомания, отбывание наказания в местах лишения свободы, выезд на заработки и т.п.) не занимаются воспитанием детей. Естественно, что в таких семьях мать не может справиться с контролирующими функциями семьи, поэтому эпизодический контроль и бесконтрольность встречаются здесь чаще (65 % и 19 % соответственно), чем в семьях, где эти обязанности выполняют оба родителя.

В семьях дисциплинированных подростков более половины родителей (58 %) строят свой контроль на взаимодоверительных основах, а еще почти треть родителей (31 %) считают, что за детьми в семье нужен жесткий контроль. Это, по их мнению, залог успешного воспитания детей в семье.

Сравнительный анализ степени родительского контроля за детьми в разных типах семей показывает, что в тех семьях, где родители злоупотребляют спиртным, наркотиками, не имеют постоянной работы, ведут аморальный образ жизни контроль за детьми слабый или его нет совсем. Более того, резкое снижение степени контроля за детьми происходит и в обычных семьях по мере учащения приема алкоголя.

Результаты исследований ученых показывают, что возникновение правонарушений несовершеннолетних в большинстве случаев связано с отрицательной средой, с аномалиями внутрисемейных взаимоотношений.

Под внутрисемейными взаимоотношениями следует понимать:

- а) систему отношений родителей между собой;
- б) систему отношений детей между собой;
- в) взаимоотношения родителей и детей [132].

Отношения в этих трех звеньях внутрисемейных взаимоотношений, в свою очередь, тоже можно разделить на три группы:

- 1) хорошие, искренние;
- 2) безразличные, равнодушные;
- 3) плохие, конфликтные.

Анализ таких семей, проведенный Ю.И. Юричкой, показывает, что в подавляющем большинстве из них господствуют плохие, конфликтные взаимоотношения между родителями (74%) и безразличные, равнодушные (25%). В результате несложных подсчетов получается, что на долю хороших отношений приходится только 1% семей.

Остроконфликтные отношения между родителями в неблагополучных семьях возникают чаще всего тогда, когда один из родителей еще морально устойчив и не хочет мириться с моральным падением другого. В результате в таких семьях возникают ссоры, скандалы и т.п.

Однако в воспитательном отношении для детей гораздо хуже такие семейные условия, когда оба родителя морально неустойчивы, нарушают нормы и правила общественного поведения. Большинство семей с низким моральным уровнем находится на грани распада. С педагогической точки зрения, деформированные до такой степени отношения между родителями оказывают отрицательное влияние на формирование личности ребенка. Для подростков, которые выросли в неблагополучных семьях, риск совершения преступления возрастает в 4-5 раз по сравнению с их сверстниками из обычных семей.

При анализе влияния семьи на формирование криминального поведения нельзя не учитывать и такой факт: исследования Медника и его коллег позволяют сделать вывод о том, что *склонность к криминальному поведению может наследоваться, и склонность мальчиков к совершению преступлений напрямую связана с судимостью их биологических родителей* [17].

Неблагополучные семьи формируют детей по своему образу и подобию. Именно из таких семей чаще всего выходят люди с циничным отношением к нравственным ценностям, нарушающие

нормы поведения и правопорядок. В окружающей их среде они часто бравируют своим неуважительным отношением к требованиям дисциплины, систематически создают криминогенные ситуации и совершают правонарушения. В преступных группах несовершеннолетние выходцы из таких семей играют активную роль, часто являясь их лидерами или входя в их «мозговой центр».

Таким образом, отрицательный микроклимат неблагополучной семьи, асоциальное поведение ее взрослых членов способствуют тому, что дети, воспитывающиеся в таких семьях, не просто перебирают отрицательные образцы поведения, но и усваивают ценностные ориентации, реализуя их уже в личном антиобщественном поведении.

Следует отметить, что довольно высок процент с равнодушными, безразличными взаимоотношениями между родителями в обычных семьях (12 %). Внешне, формально такая семья кажется благополучной: родители не ссорятся между собой, «на людях» стараются показать благополучие своих внутрисемейных отношений с помощью приторной показной внимательности друг к другу. Однако систематической воспитательной работы с детьми в таких семьях не проводится, а успехи детей часто поощряются материально.

Анализ ситуации в таких семьях показывает, что эгоистическая, собственническая атмосфера, гипертрофирование роли материальных благ, царящие в таких семьях, – это благоприятная почва для формирования у детей потребительско-собственнической ориентации, направленной на стремление побольше взять у общества и поменьше ему отдать. Так впоследствии происходит формирование у подростков криминальной мотивации как результат невоспитанности в семье. Деньгами и подарками такие родители пытаются использовать воспитанную у детей материальную заинтересованность как средство воспитания.

Формально такая внешне благополучная семья – это чаще всего семья с ограниченным уровнем духовных интересов и потребностей, увлечений и проведением досуга. Свободное время детей не контролируется. Подростки вынуждены искать удовлетворение своих отклоняющихся от социальной нормы потребностей в неформальном уличном общении. В таких ситуациях вероятность выбора криминального варианта поведения очень высока, тем более, что ребята часто объединяются в компании, где начинает действовать «стадный инстинкт», законы группового поведения. Реакции

со стороны окружающих составляют для подростка-правонарушителя источник его поведения. Для таких несовершеннолетних не важно, положительно или отрицательно реагируют окружающие на его поведение, соответствует или нет его поведение требованиям общества. Для этих подростков гораздо важнее одобрение со стороны той субкультуры, которая его окружает.

Для подростков этой категории неразвитость социально ценных качеств личности неизбежно проявляется в «шатающейся» ориентации деятельности, в неумении сориентироваться и объективно оценить сложившуюся ситуацию, в давлении стереотипов поведения группы и оценки вариантов путей достижения цели.

Таким образом, определенная скрытость и завуалированность в подобной семье деформированных нравственных ценностей и ориентиров еще не означает полной защищенности ребенка от перехода на противоправное поведение. Отсутствие системы целенаправленного формирования социально ценных качеств личности неизбежно приводит подростка к отчуждению от семьи, выходу из-под ее влияния и попаданию в сферу отрицательного внешнего влияния.

Микроклимат семьи во многом зависит и от взаимоотношений между детьми. К сожалению, эти взаимоотношения очень редко изучаются и самими педагогами, и родителями. Между тем это является существенным недостатком семейного воспитания. Отношения между детьми в семье имеют очень сложную структуру, игнорирование которой приводит к отрицательным последствиям.

Искренние, хорошие отношения, связанные с большой привязанностью детей друг к другу, возникают, как правило, в тех случаях, когда их разница в годах невелика (1–3 года). Хорошие отношения между детьми, но уже с оттенком заботы старших о младших, наблюдаются при значительном возрастном неравенстве (свыше 10 лет). В таких случаях старшие дети чувствуют себя на положении «вторых родителей», охотно принимают на себя заботы о младших, так как это позволяет им скорее утвердиться в роли взрослого человека, помогает в какой-то мере повысить свою самооценку и сказывается на воспитании чувства собственного достоинства.

Иначе могут обстоять дела в семьях, где разница в возрасте детей составляет 4 – 9 лет. Такая разница в возрасте накладывает свой отпечаток на интересы, склонности и увлечения детей, поэтому отношения между ними могут быть безразличными. Часто рав-

нодушные отношения объясняются и тем, что старшие дети сильно загружены учебой или работой, поглощены своими взрослыми интересами и времени для малышей у них просто не остается [132].

При исследовании психологической атмосферы в семье прослеживается любопытная тенденция. В абсолютном большинстве семей отношения между детьми строятся по принципу родительских взаимоотношений. Микроклимат семьи отражается на отношениях детей между собой. В семье, где семейные отношения деформированы, взаимоотношения детей тоже бывают конфликтными. Они вызываются преимущественно неодинаковым отношением родителей к детям, семейными неурядицами, разногласиями и ссорами. Часто в неблагоприятных семьях старшие дети враждебно, неприязненно относятся к младшим. Так они проявляют своеобразный протест против плохого отношения к ним родителей. Нередко конфликтные отношения между детьми обостряются тогда, когда в семье появляется новый ребенок, особенно, если один из родителей приходится старшему ребенку неродным.

Семью следует рассматривать прежде всего как фактор, определяющий психофизиологическую полноценность или ущербность ребенка, которая в значительной мере может отражаться на эффективности его обучения и воспитания. Неблагополучная семья может оказывать прямое разлагающее воздействие на формирующуюся личность, препятствовать ее нормальному развитию.

Не меньший вред развитию ребенка наносит педагогически индифферентная позиция отца и матери. У многих подростков с отклоняющимся поведением не было или утеряно чувство родительского дома, психологической защищенности в семье, желание поделиться с родными своими радостями или переживаниями, утрачена надежда быть понятыми, прощенными и поддержанными в трудную минуту. Нарушение психологического контакта с самыми близкими людьми особенно остро переживаются подростками, которые начинают осознавать противоречия жизни взрослых. Озлобленность, доходящая до отчаяния или жестокости, недоверие к людям, пренебрежение к социальным нормам, цинизм, равнодушные к общественно значимым явлениям – таков далеко не полный перечень внутренних установок подростка, пережившего размовку или развод родителей, живущего в условиях пьянства, наркомании, разврата, не прекращающихся ссор, конфликтов, невежества и взаимного безразличия.

Тема влияния взаимоотношений в семье на формирование поведения подростка настолько важна, что мы рассмотрим ее более подробно.

Нарушение процесса воспитания в семье

Причины негармоничного воспитания в семье различны. Порой это определенные обстоятельства в жизни семьи, мешающие наладить адекватное воспитание. Однако нередко основную роль в нарушении воспитательного процесса играют личностные особенности самих родителей.

Э.Г. Эйдемиллер считает, что особую роль при формировании отклонений в семейном воспитании играют две группы причин: отклонения в личности самих родителей и существование у них психологических проблем, которые они пытаются решить за счет ребенка.

Отклонения в личности родителей. Акцентуации характера и психопатии родителей нередко определяют определенные нарушения в воспитании детей. Так, при неустойчивой акцентуации родители (или один из них) чаще склонны проводить воспитание, характеризующееся гипопротекцией, пониженным удовлетворением потребностей ребенка, пониженным уровнем требований к нему. Эпилептоидная акцентуация родителей обуславливает доминирование, жесткое обращение с ребенком. Стиль доминирования может также обуславливаться чертами тревожной мнительности. Истероидная акцентуация нередко предрасполагает к противоречивому типу воспитания: демонстрируемые забота и любовь к ребенку при зрительях и эмоциональное отвержение при отсутствии таковых.

Таким образом, чтобы лучше понять причины формирования девиантного поведения и особенности воспитания детей в неблагополучных по психологическому климату семьях, нужно выделить неблагоприятные черты личности родителей, прежде всего матерей (потому что они оказывают большее влияние на формирование поведения ребенка), обладающих более выраженными личностными и невротическими изменениями по сравнению с отцами. У матерей более ярко выражены:

- сензитивность (повышенная эмоциональная чувствительность, склонность все принимать близко к сердцу, легко расстраиваться и волноваться);

- аффективность (эмоциональная возбудимость или неустойчивость настроения, главным образом в сторону его ухудшения);
- тревожность (склонность к беспокойству, недостаточная внутренняя согласованность чувств и желаний);
- доминантность (стремление играть значимую ведущую роль в отношениях с окружающими);
- эгоцентричность (фиксация на своей точке зрения, отсутствие гибкости суждений);
- гиперсоциальность (повышенная принципиальность, утрированное чувство долга, трудность принятия компромиссов) [128].

А.И. Захаров считает, что условно можно выделить несколько психологических типов или образов матерей в семьях с неблагоприятным психологическим микроклиматом.

1. **Царевна Несмеяна.** Всегда чем-то озабочена и обеспокоена, повышено принципиальна и честолюбива, сдержана в выражении чувств и эмоций, доброты и отзывчивости. Не признает детской непоседливости, шума и веселья, считает это пустым времяпрепровождением. Никогда не смеется, но любит едко иронизировать. Имеет навязчивую потребность делать замечания, стыдить, читать морали, выискивать недостатки. Больше всего боится избаловать ребенка. Часто поступает подчеркнуто правильно, но, что называется, «без души» и учета реальных обстоятельств.

2. **Снежная королева.** Повелевающая, держащая всех на расстоянии, жесткая и непреклонная, внешне холодная и неотзывчивая, расчетливая и эгоистичная, равнодушная к страданиям других, считающая ошибки заблуждениями, недостатки – пороками, а любую критику в свой адрес – злым умыслом.

3. **Спящая красавица.** Склонна к мечтательности, депрессивному мироощущению и пессимизму, заторможенная, нарцисстическая (самовлюбленная натура), пребывающая в плену своих идеализированных представлений, ждущая своего принца, разочарованная и усталая, погруженная в свои мысли и переживания, отстраненная от ребенка и его потребностей, обращающаяся с ним, как с живой куклой.

Между этими тремя такими на первый взгляд непохожими психологическими типами матерей есть, тем не менее, немало общего:

- они всегда считают себя молоденькими и прекрасными;
- они исключительно много времени уделяют себе;
- они всегда исходят только из своей точки зрения;

- они хотят покровительствовать;
- они высокомерны по отношению к другим;
- они стремятся во что бы то ни стало господствовать или доминировать над окружающими;
- они не переносят невнимания к себе и больше всего на свете боятся остаться без восхищения и признания со стороны других.

4. **Унтер Пришибеев.** Недостаточно чуткая, часто грубая и безапелляционная, всю командует детьми, понукает, принижает их чувство собственного достоинства, с недоверием относится к их опыту, самостоятельности, легко раздражается и выходит из себя, гневлива, придирчива и нетерпима к слабостям и недостаткам, часто прибегает к физическим наказаниям, долго помнит плохое.

5. **Суматошная мать.** Неустойчивая, взбалмошная, неугомонная, противоречивая и непоследовательная. В своих действиях и поступках бросается из одной крайности в другую, часто взрывается, кричит, любит пустяк превращать в трагедию, из ничего создавать проблемы и на них же бурно реагировать.

6. **Наседка.** Жертвенная, тревожно-беспокойная, во всем опекает, не отпускает детей от себя, сопровождает каждый их шаг, предохраняет от любых, в основном кажущихся, трудностей; стремится заменить собой сверстников ребенку, все делает за него, но только не способствует его самостоятельности и активности.

7. **Вечный ребенок.** Это мать, которая сама не стала взрослой. Она по-детски капризна и обидчива, драматизирует любые события, жизнь считает невыносимой, своих детей – обузой, себя – жертвой обстоятельств, постоянно ищет помощь и поддержку, чьенить покровительство. Она не может справиться с самыми обычными проблемами детей, охотно отдает их на воспитание кому-либо (чаще всего бабушкам), страдая при этом от чувства своего бессилия и беспомощности.

Эти психологические портреты матерей надо интерпретировать скорее как определенные психологические образы или тенденции в отношениях матерей с детьми, чем как застывшие личностные структуры [39].

В семьях с неблагоприятным психологическим микроклиматом у детей часто развиваются неврозы, которые могут стать предпосылками девиантного поведения. В таких семьях и у матерей, и у отцов есть общие черты: недостаточная уверенность в себе или, если

брать шире, неадекватный уровень самооценки; проблемы личностного самоопределения, в том числе чувство внутренней неудовлетворенности: неустойчивость, противоречивость личности.

По наблюдениям А.И. Захарова, оказывается, что при пике неблагополучия в отношениях с детьми средний возраст матери составляет 34 года, а отца – 37 лет. В этом возрасте возникает наибольшая внутренняя напряженность, обусловленная проблемами самоопределения и взаимоотношений в браке, своего рода личностным кризисом, когда нужно взглянуть на себя со стороны, осознать недостатки своего характера, перестроить отношения и стать более зрелой и созидающей личностью. Подобный кризис личностного развития, как определенный этап развития самосознания и обусловленный им кризис супружеских и родительских отношений в подобных семьях, не преодолевается конструктивным образом, а сопровождается компенсаторным нарастанием внутренней напряженности, которая, чем меньше проявляется внешне, тем более сказывается на отношениях с детьми увеличением крайностей воспитания и использованием их в качестве источника регулирования нервного напряжения, а также вымещения родителями своих взаимных обид и недовольства. Таким образом, родители «преодолевают» свой личностный кризис, по существу, ценой развития невроза у ребенка, который можно расценить как клиническое отражение неадекватных способов разрешения родителями своих личностных проблем [39].

Психологические (личностные) проблемы родителей, решаемые за счет ребенка. В этом случае, по мнению Э.Г. Эйдемиллера, в основе негармоничного воспитания лежит какая-то личностная проблема, чаще всего носящая характер неосознаваемой проблемы, потребности. Родитель пытается разрешить ее (удовлетворить потребность) за счет воспитания ребенка. Попытки разъяснительной работы, уговоров изменить стиль воспитания оказываются неэффективными. Перед психологом встает трудная задача выявить психологическую проблему родителя, помочь ему осознать ее, преодолеть действие защитных механизмов, препятствующих такому осознанию.

Выделяют такие личностные проблемы, которые родители стараются решить за счет ребенка: *расширение сферы родительских чувств, предпочтение в подростке детских качеств, воспитательная неуверенность родителей, фобия утраты ребенка, нераз-*

витость родительских чувств, проекция на ребенка собственных нежелательных качеств, вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания, сдвиг в установках родителя по отношению к ребенку в зависимости от пола ребенка.

А теперь рассмотрим их более подробно, воспользовавшись описанием, сделанным Э.Г. Эйдемиллером [128].

Расширение сферы родительских чувств. Обусловливаемое нарушение воспитания – повышенная протекция (потворствующая или доминирующая). Данный источник нарушения воспитания возникает чаще всего тогда, когда супружеские отношения между родителями в силу каких-либо причин оказываются нарушенными: супруга нет – смерть, развод либо отношения с ним не удовлетворяют родителя, играющего основную роль в воспитании (несоответствие характеров, эмоциональная холодность и др.). Нередко при этом мать, реже отец, сами того четко не осознавая, хотят, чтобы ребенок, а позже подросток стал для них чем-то большим, нежели просто ребенком. Родители хотят, чтобы он удовлетворил хотя бы часть потребностей, которые в обычной семье должны быть удовлетворены в психологических отношениях супругов – потребность во взаимной исключительной привязанности, частично – эротические потребности. Мать нередко отказывается от вполне реальной возможности повторного замужества. Появляется стремление отдать ребенку (подростку) – чаще противоположного пола – «все чувства», «всю любовь». В детстве стимулируется эротическое отношение к родителям – ревность, детская влюбленность. Когда ребенок достигает подросткового возраста, у родителя возникает страх перед самостоятельностью подростка. Появляется стремление удержать его с помощью потворствующей или доминирующей гиперпротекции.

При гиперпротекции родители уделяют ребенку крайне много времени, сил и внимания, и воспитание его становится центральным делом их жизни. При потворствующей гиперпротекции ребенок находится в центре внимания семьи, которая стремится к максимальному удовлетворению его потребностей. Этот тип воспитания содействует развитию демонстративных (истероидных) и гипертимных черт личности подростка.

При доминирующей гиперпротекции ребенок также в центре внимания родителей, которые отдают ему много сил и времени, однако, в то же время, лишают его самостоятельности, ставя многочисленные ограничения и запреты. У гипертимных подростков

такие запреты усиливают реакцию эмансипации и обуславливают острые аффективные реакции *экстрапунитивного типа* (экстрапунитивность – склонность перекладывать вину за свои неудачи на других людей). При тревожно-мнительном (психастеническом), сенситивном, астеническом типах акцентуаций личности доминирующая гиперпротекция усиливает астенические черты.

Стремление к расширению сферы родительских чувств за счет включения эротических потребностей в отношениях матери и ребенка, как правило, ею не осознаются. Эта психологическая установка проявляется косвенно, в частности, в высказываниях, что ей никто не нужен, кроме сына, и в характерном противопоставлении идеализированных ею собственных отношений с сыном не удовлетворяющим ее отношениям с мужем. Иногда такие матери осознают свою ревность к подругам сына, хотя чаще они предьявляют ее в виде многочисленных придинок к ним.

Предпочтение в подростке детских качеств. Обусловливаемое нарушение воспитания – потворствующая гиперпротекция. В этом случае у родителей наблюдается стремление игнорировать повзросление детей, стимулировать у них сохранение таких детских качеств, как непосредственность, наивность, игривость. Для таких родителей подросток все еще «маленький». Нередко они открыто признают, что маленькие дети вообще им нравятся больше, что с большими не так интересно. Страх или нежелание повзросления детей могут быть связаны с особенностями биографии самого родителя (он имел младшего брата или сестру, на которых в свое время переместилась любовь родителей, в связи с чем свой старший возраст воспринимался как несчастье).

Рассматривая подростка как «еще маленького», родители снижают уровень требований к нему, создавая потворствующую гиперпротекцию, тем самым стимулируя развитие психологического инфантилизма.

Воспитательная неуверенность родителя. Обусловливаемое нарушение воспитания – потворствующая гиперпротекция либо просто пониженный уровень требований. Воспитательную неуверенность родителя можно было бы назвать «слабым местом» личности родителя. В этом случае происходит перераспределение власти в семье между родителями и ребенком (подростком) в пользу последнего. Родитель идет «на поводу» у ребенка, уступает даже в тех вопросах, в которых уступать, по его же мнению, никак нельзя.

Это происходит потому, что подросток сумел найти к своему родителю подход, нащупал его «слабое место» и добивается для себя в этой ситуации «минимум требований – максимум прав». Типичная комбинация в такой семье – бойкий, уверенный в себе подросток (ребенок), смело ставящий требования, и нерешительный, винящий себя во всех неудачах с ним, родитель.

В одних случаях «слабое место» обусловлено психастеническими чертами личности родителя. В других – определенную роль в формировании этой особенности могли сыграть отношения родителя с его собственными родителями. В определенных условиях дети, воспитанные требовательными, эгоцентричными родителями, став взрослыми, видят в своих детях ту же требовательность и эгоцентричность, испытывают по отношению к ним то же чувство «неоплатного должника», что испытывали раньше по отношению к собственным родителям. Характерная черта высказывания таких родителей – признание ими массы ошибок, совершенных в воспитании. Они боятся упрямства, сопротивления своих детей и находят довольно много поводов уступить им.

Фобия утраты ребенка. Обусловливаемое нарушение воспитания – потворствующая или доминирующая гиперпротекция. «Слабое место» – повышенная неуверенность, боязнь ошибиться, преувеличение представления о «хрупкости» ребенка, его болезненности и т.д.

Один источник таких переживаний родителей коренится в истории появления ребенка на свет – его долго ждали, обращения к врачам-гинекологам ничего не давали, родился хрупким и болезненным, с большим трудом его удалось выводить и т.д.

Другой источник – перенесенные ребенком тяжелые заболевания, если они были длительными. Отношение родителей к ребенку или подростку формировалось под воздействием страха его утраты. Этот страх заставляет родителей тревожно прислушиваться к любым пожеланиям ребенка и спешить удовлетворить их (потворствующая гиперпротекция), в других случаях – мелочно опекать его (доминирующая гиперпротекция).

В типичных высказываниях родителей отражена их ипохондрическая боязнь за ребенка: они находят у него множество болезненных проявлений, свежи воспоминания о прошлых, даже отдаленных по времени переживаниях по поводу здоровья подростка.

Неразвитость родительских чувств. Обусловливаемые нарушения воспитания – гипопротекция, эмоциональное отвержение (крайний вариант – воспитание по типу «Золушки»), жестокое обращение. При гипопротекции (гипоопеке) ребенок предоставлен самому себе, родители не интересуются им и не контролируют его. Такое воспитание особенно неблагоприятно при акцентуациях гипертимного и неустойчивого типов.

В ситуации эмоционального отвержения ребенок может ощущать себя помехой в жизни родителей, которые устанавливают в отношениях с ним большую дистанцию. Эмоциональное отвержение формирует и усиливает черты инертно-импульсивной (эпилептоидной) акцентуации личности и эпилептоидной психопатии, ведет к формированию невротических расстройств у подростков с эмоционально-лабильной и астенической акцентуациями.

Адекватное воспитание детей и подростков возможно лишь тогда, когда родителями движут какие-либо достаточно сильные мотивы: чувство долга, симпатия, любовь к ребенку, потребность «реализовать себя» в детях, «продолжить себя».

Слабость, неразвитость родительских чувств нередко встречается у родителей подростков с отклонениями личностного развития. Однако это явление очень редко ими осознается, а еще реже признается как таковое. Внешне оно проявляется в нежелании иметь дело с ребенком (подростком), в плохой переносимости его общества, поверхностности интереса к его делам.

Причиной неразвитости родительских чувств может быть отвержение самого родителя в детстве его родителями, то, что он сам в свое время не испытал родительского тепла. Другой причиной неразвитости родительских чувств могут быть личностные особенности родителя, например, выраженная шизоидность.

Замечено, что родительские чувства нередко значительно слабее развиты у очень молодых родителей, имея тенденцию усиливаться с возрастом (пример любящих бабушек и дедушек).

При трудных, напряженных, конфликтных отношениях в семье на ребенка часто перекладывается значительная доля родительских обязанностей – тип воспитания «повышенная моральная ответственность» (сочетание высоких требований к ребенку с пониженным вниманием к его потребностям, стимулирует развитие черт тревожно-мнительной акцентуации личности), либо к нему возникает раздражительно-враждебное отношение.

Типичные высказывания родителей содержат жалобы на то, насколько утомительны родительские обязанности, сожаление, что эти обязанности отрывают от чего-то более важного и интересного. Для женщин с неразвитым родительским чувством довольно характерны эмансипационные устремления и желание любым путем «устроить свою жизнь».

Проекция на ребенка (подростка) собственных нежелательных качеств. Обусловливаемые нарушения воспитания – эмоциональное отвержение, жестокое обращение. Причиной такого воспитания нередко бывает то, что в ребенке родитель как бы видит черты характера, которые чувствует, но не признает в себе. Это могут быть: агрессивность, склонность к лени, влечение к алкоголю, те или иные склонности, несдержанность и т.д. Ведя борьбу с такими же, истинными или мнимыми, качествами ребенка, родитель (чаще всего отец) извлекает из этого эмоциональную выгоду для себя. Борьба с нежелательным качеством в ком-то другом помогает ему верить, что у него данного качества нет. Родители много и охотно говорят о своей непримиримой и постоянной борьбе с отрицательными чертами и слабостями ребенка, о мерах и наказаниях, которые они в связи с этим применяют. В высказываниях родителя сквозит неверие в ребенка, нередко инквизиторские интонации с характерным стремлением в любом поступке выявить «истинную», т.е. плохую причину. В качестве таковой чаще всего выступают качества, с которыми родитель неосознанно борется.

Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания. Обусловливаемые нарушения воспитания – противоречивый тип воспитания – соединение потворствующей гиперпротекции одного родителя с отвержением или доминирующей гиперпротекцией другого.

Конфликтность во взаимоотношениях между супругами – нередкое явление, даже в относительно стабильных семьях. Зачастую воспитание превращается в «поле битвы» конфликтующих родителей. Здесь они получают возможность наиболее открыто выражать недовольство друг другом, руководствуясь «заботой о благе ребенка». При этом разница во мнениях родителей чаще всего бывает диаметральной: один настаивает на весьма строгом воспитании с повышенными требованиями, запретами и санкциями, другой же родитель склонен «жалеть» ребенка, идти у него на поводу.

Характерное проявление этого типа проблем родителей – выражение недовольства воспитательными методами другого супруга. При этом легко обнаруживается, что каждого интересует не столько то, как воспитывать ребенка, сколько то, кто прав в воспитательных спорах.

Сдвиг в установках родителя по отношению к ребенку в зависимости от пола ребенка. Обуславливаемые нарушения воспитания – потворствующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение.

Нередко отношение родителя к ребенку обуславливается не действительными особенностями ребенка, а такими чертами, которые родитель приписывает его полу, т.е. «вообще мужчинам» или «вообще женщинам». Так, при предпочтении женских качеств наблюдается неосознаваемое неприятие ребенка мужского пола. В таком случае приходится сталкиваться со стереотипными суждениями о мужчинах вообще: «Мужчины в основном грубы, неопрятны. Они легко поддаются животным побуждениям, агрессивны и чрезмерно сексуальны, склонны к алкоголизму. Любой же человек, будь то мужчина или женщина, должны стремиться к противоположным качествам – быть нежными, деликатными, опрятными, сдержанными в чувствах». Именно такие качества родитель со сдвигами в установках на пол ребенка видит в женщинах. Примером проявления установки может служить отец, видящий массу недостатков у сына и считающий, что таковы же и все его сверстники. В то же время этот отец «без ума» от дочери – младшей сестры мальчика, т.к. находит у нее одни достоинства. В этом случае в отношении ребенка мужского пола формируется тип воспитания «эмоциональное отвержение». Возможен противоположный перекокс с выраженной антифеминистской установкой, пренебрежением к матери ребенка, его сестрам. В этих условиях по отношению к мальчику может сформироваться воспитание по типу «потворствующей гиперпротекции».

Отклонения в семейных отношениях

Многие из черт характера и поведения детей, замеченных в девиантном поведении, формируются в результате отклонений в семейных отношениях.

Понять причину различных семейных аномалий помогает взгляд на девиантное поведение детей и подростков как на отраже-

ние проблем в семье в трех поколениях: прародителей (дедушки и бабушки), родителей и детей. Центром психологических и неврологических отклонений в такой семье, состоящей из трех поколений, будут представители среднего поколения – родители детей с девиантным поведением. Именно изменения личности родителей и неврозы у матерей часто предшествуют развитию неврозов и девиантного поведения у детей.

Где же первичное звено семейных повреждений? Для того чтобы разобраться в этом вопросе, надо рассмотреть схему прародительских и родительских отношений. Рассмотрим это на примере из практики, описанном А.И. Захаровым (типичном, надо сказать, примере) [39].

Первичное звено семейных повреждений чаще всего – бабушка ребенка по материнской линии, обладающая авторитарными чертами личности (властность, стремление доминировать в отношениях с окружающими, навязывание своего мнения); ее излишняя категоричность суждений, их безапелляционность и в то же время повышенная чувствительность в сочетании с упрямством, нетерпимостью к другому мнению, подозрительностью и недоверчивостью.

Авторитарность бабушки предопределяла в свое время такие черты воспитания дочери (в нашем примере – уже мамы, представительницы среднего поколения рассматриваемой семьи) как несколько формальный, недостаточно теплый эмоциональный контакт; навязывание своего мнения и диктат своих решений; однозначность суждений и их категоричность; повышенная требовательность; нетерпимость к чужому мнению и предвзятость оценок (другими словами, такая мама всегда права); недоверие к собственной дочери в том, что она может быть самостоятельной и сумеет постоять за себя; убежденность в наличии постоянной, идущей извне опасности, от которой во что бы то ни стало нужно защитить детей всеми доступными способами, в том числе чрезмерной опекой и контролем; негибкость решений, их односторонность.

Проявлением авторитарных черт характера бабушки был и недостаточный индивидуальный подход в отношениях с более эмоциональной и чувствительной дочерью, непонимание своеобразия формирования ее личности (как сказала одна бабушка: «Со своими детьми я познакомилась, когда они стали взрослыми. Только тогда я поняла, какие они...»).

Кроме этих черт характера бабушка обладала и высокой тревожностью, склонностью к беспокойству, что и провоцировало развитие страхов у дочери, которая, став матерью, перенесла их на своих детей.

Типичным для бабушки было и обостренное чувство долга, обязательность, повышенная принципиальность, т.е. комплекс гиперсоциализированных черт характера, подчеркивающих своего рода «заданность» в отношениях с дочерью, недостаток в выражении теплых чувств.

Отношения в прародительской семье отличались жестким доминированием бабушки и зависимой позиции дедушки. Образуя с дочерью обособленную диаду, бабушка ревниво воспринимала эмоциональный контакт с похожей на отца (дедушку) дочерью (мамой в нашем примере). Положение усугублялось занятостью отца (дедушки) на работе («зарабатывание денег»), и поэтому его эмоциональным невключением в жизнь семьи.

Еще более существенным было чрезмерно сильное психологическое давление матери (бабушки) на дочь, которое в сочетании с постоянной тревожностью по поводу возможных опасностей и отношением к дочери (даже уже ставшей взрослой) как к маленькому ребенку порождало у дочери (мамы) неуверенность в себе, противоречивость чувств и желаний. Если жесткость и властность – неотъемлемые черты характера бабушки, то у дочери (матери ребенка в нашем примере) они были внутренне неприемлемы, несовместимыми с ее собственным характером. Но полностью осознать и тем более освободиться от них дочь не могла. А поэтому она непроизвольно повторяла в воспитании своего ребенка многое из отношения своей матери к ней в детстве, пусть и в ослабленном виде. Вместе с тем, мать не могла уже быть такой последовательной, как бабушка, поскольку в ней постоянно боролись как бы два человека: один – с ее собственным характером и жизненным опытом, другой – с характером, внушенным, навязанным в процессе общения и воспитания в родительской семье.

Сложные, нередко конфликтные отношения были у матери (бабушки) и с ее мужем (дедушкой), отцом ребенка (мамы). Если в начале брака она в известной мере идеализировала мужа, восполняя нереализованный эмоциональный контакт со своим отцом в детстве, то в дальнейшем реальность жизни заставила ее пересмот-

реть некоторые из ранее неосознанных установок в браке, что вырождалось в виде недовольства менее активным, чем она, мужем.

Если мать (бабушка) вступала в открытый конфликт с мужем (дедушкой), то ребенок отчасти был защищен от некоторых крайностей отношений со стороны обоих родителей, разряжающих друг на друга свою нервную энергию. Если же ребенок (мама) вовлекался в конфликт между родителями, являясь в ряде случаев его незримым эпицентром, то взаимное недовольство родителей переносилось на ребенка. Тогда один родитель запрещал делать то, что разрешал другой.

Отец в такой семье (впрочем, как и мать) оказывался несостоятельным в роли воспитателя. Его мать не обладала авторитарными чертами личности, как мать жены, но тоже была тревожной и еще более опекающей (иначе он не «нашел» бы себе такой жены). Всем этим она невротически «привязывала» к себе сына, в чем-то способствуя формированию у него впоследствии несамостоятельной позиции в решении своих семейных вопросов и проблем. Зависимость от матери подчеркивалась незначительным влиянием на сына отца. Недостаточный опыт общения с отцом и отсутствие приемлемой модели мужской идентификации ослабляли формирование у мальчика и юноши отцовских чувств, что в дальнейшем неблагоприятным образом сказывалось на воспитании собственных детей.

В приведенной схеме прародительских семейных отношений обращает на себя внимание диссонанс мужского и женского влияния на формирование личности будущих супругов и родителей. Недостаточное мужское и отцовское влияние контрастирует с избыточным женским (материнским) влиянием, что способствует возникновению трудностей в супружеских отношениях и с воспитанием своих детей.

Таким образом, получается, что мать ребенка из подобной семьи из-за отсутствия эмоционального контакта со своим отцом в детстве оказывалась несостоятельной прежде всего в роли супруги, предъявляя повышенные, нередко аффективно-заостренные требования к мужу. А муж, в свою очередь, оказывался несостоятельным в роли отца, поскольку не имел опыта общения со своим отцом в детстве.

Получается, что недостаток отцовского или, другими словами, мужского влияния в обеих прародительских семьях неблагоприят-

но сказывается на отношениях в родительской семье (в нашем примере это мать и отец) как в области супружеских отношений (со стороны матери), так и в области воспитания (со стороны отца).

Особое внимание, считает А.И. Захаров, следует обратить на детей, матери (именно матери!) которых работают инженерно-техническими работниками. Количество детей с девиантным поведением в таких семьях очень высоко. Это подчеркивает не только некоторый рационализм в воспитании детей у матерей, имеющих высшее техническое образование, но и их стремление к более активной внесемейной роли, что, в свою очередь, увеличивает психологическую нагрузку на женщин и обедняет их эмоциональный контакт со своими детьми.

Кроме того, женщины, имеющие высшее образование, чаще в одностороннем порядке разрывают отношения с мужем (особенно часто это происходит в том случае, если в семье есть сын). Если в семье есть дочь, разводы бывают реже, потому что мать образует с дочерью эмоционально обособленную диаду, даже находясь в конфликтных отношениях с мужем. Образовать такой союз с мальчиком сложнее, поскольку мальчик стремится к общению с отцом. Только разводясь с мужем (или, в исключительных случаях, становясь вдовой) мать получает возможность безраздельно доминировать в отношениях с сыном. При этом она нередко выходит из материнской роли, заменяя собой отца.

Такие матери, будучи чрезмерно занятыми и принципиальными, не могут дать душевного тепла сыновьям, относясь к ним излишне формально и нередко так, как если бы они были строгими, не признающими никаких слабостей отцами. В таких семьях мальчики вырастают недостаточно самостоятельными и активными в преодолении трудностей. Во многом это вызвано тревожной опекой не только со стороны матери, но и бабушки. Подобное одностороннее женское влияние составляет социально-психологическую структуру такой фактически псевдосемьи, искажающей нормальный ход эмоционального развития мальчиков.

Перестановка ролей в семье находит свое отражение и в полных семьях, когда отношение матери к ребенку отличается большей строгостью и принципиальностью, более частыми принуждениями и физическими наказаниями, чем отношение к ребенку отца. В такой семье мать обычно занята на работе больше, чем отец. Одновременно она доминирует и в сфере супружеских отношений.

Нервно-психическая перегрузка, связанная с работой, конфликтные отношения в семье, подмена социальных ролей в семье – это источники невротизации прежде всего матерей. В свою очередь, невротическое состояние матери еще в большей степени осложняет семейные отношения и увеличивает проблемы в отношениях с детьми.

Сексуальное насилие над ребенком в семье

Этот вид отклонений в семейных отношениях в силу его важности и тяжести последствий для ребенка мы рассмотрим отдельно.

Представители различных теоретических направлений указывают на патогенное влияние физического и психологического насилия, в том числе сексуальных домогательств, телесных наказаний, манипуляторства родителей на личность и психику ребенка. В нашей стране эту проблему изучает, в частности, **С.В. Ильина** [45]. Однако эта проблема, несмотря на всю ее важность и актуальность, является относительно новой в психологии. Она стала разрабатываться только в 60-е годы XX века, но до сих пор не имеет единого теоретического и исследовательского основания, хотя в мире уже общепризнана проблема *сексуального эбьюза (sexual abuse)* – *использование родителями ребенка в качестве сексуального объекта*. До этого времени существование явлений *инцеста (половой связи между ближайшими родственниками)* и изнасилований детей в семье фактически отрицалось, и сопротивление исследованиям, ведущимся в этом направлении, было огромным. Кроме того, отсроченные последствия насилия, пережитого в детстве, лишь в последнее время становятся объектом эмпирических исследований в психологии. Большая часть публикаций по этой тематике представляет собой описание психотерапевтических клинических случаев, отсутствует анализ, недостаточно статистических данных.

Традиционно основное внимание уделяется инцестуозной связи «отец-дочь», который исследован и описан наиболее полно. Сравнительно мало работ касаются других форм сексуального насилия, в частности, плохо изучены последствия сексуального насилия над мальчиками.

Разноречивость исследовательских данных, в том числе и статистических, обусловлена также и отсутствием универсального представления о том, что считать насилием. Исследования, бази-

рующиеся на различных критериях, дают чрезвычайно широкий разброс результатов относительно распространенности сексуального насилия в семье. В последние годы эти цифры колеблются от 6 до 62% применительно к женщинам и от 3 до 31% – к мужчинам в Европе [Г. Тейлор, цит. по [45]. С.В. Ильина считает, что в нашей стране показатели такого рода еще более противоречивы и неоднозначны, так как лишь в последние 5-6 лет мы стали более информированными о проблеме сексуального насилия в отношении несовершеннолетних. По утверждению известного российского сексолога И.С. Кона, криминальная статистика не заслуживает доверия, так как приуменьшает реальные цифры до 5-7%. При обработке результатов анонимных опросов эти цифры возрастают до 15-17%. А опросы подростков, живущих в крупных российских городах (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Нижний Новгород), проводившиеся в 1993-1995 гг., показали, что жертвами сексуального насилия стали 22% девочек и 2% мальчиков [35].

Таким образом, проблема насилия в семье далека от разрешения и требует новых исследовательских программ, оригинальных методических приемов и специфического подхода к людям, пережившим насилие в семье, в психотерапевтической практике.

В настоящее время большинство исследователей сходятся в том, что результатами пережитого в детстве сексуального насилия становятся нарушения Я-концепции, чувство вины, депрессия, трудности в межличностных отношениях и сексуальные дисфункции. И все же главным последствием детской сексуальной травмы современные исследователи считают, по мнению С.В. Ильиной, *утрату базового доверия к себе и миру*. Если внимательно рассмотреть любую ситуацию, в которой фигурирует сексуальное насилие, то становится очевидным, что опыт жертвы в каждом таком случае оказывается многоплановым. Так, для детей, пострадавших от инцеста, неизбежным является сопутствующее ему разрушение семейной любви и доверия, манипуляторское отношение, а зачастую и запугивание со стороны родителя-насильника (психологическое насилие), часто при этом встречается и избиение (физическое насилие), и угрозы убить или покалечить (эмоциональное насилие).

С позиций современного психоанализа *этиология* (причина возникновения болезни или патологического состояния) такого психосексуального расстройства, как садомазохизм, коренится в опыте насилия в детстве. У ребенка на физиологическом уровне

фиксируется схема взаимоотношений «насильник – жертва», по которому базовые потребности можно удовлетворить, только переживая насилие или совершая его (A. Stevens, Y. Price, 1996, цит. по [45]).

Подтверждают это и данные, полученные в ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского при изучении «феномена Чикатило». В *анамнезе* (сведениях об условиях жизни, а также начале и развитии заболевания, сообщаемые больным (или подвергающимся медицинскому обследованию) либо его близкими) серийных убийц преобладают случаи жестокого обращения и сексуального насилия, пережитого ими в детстве [35].

Исследования последних лет показывают, что возникновение множественного личностного расстройства, при котором «субъект имеет несколько отчетливых и отдельных личностей, каждая из которых определяет характер поведения и установок за период времени, когда она доминирует» [Г.И. Кэплан, Б. Дж. Сэдок, цит. по [35], прослеживается в раннем детском опыте интенсивного длительного насилия как физического, так и психологического. В этом случае жертва сталкивается прежде всего с неизбежностью повторения травмирующей ситуации, и у нее возникает необходимость выработки стратегии защитного поведения, в буквальном смысле «стратегии выживания». Такой защитой для личности становится *диссоциация* (нарушение связности психических процессов). Так как тело подвергается насилию, и жертва не в состоянии предотвратить это, единство личности сохраняется путем отщепления Я от собственного тела. Результатом этого становятся переживание «ощепенения», дереализация (ощущение нереальности происходящего) и частичная *амнезия* (нарушение памяти, при котором невозможно воспроизведение ранее образовавшихся понятий, представлений).

Лишение родительской любви в младенческом или отроческом возрасте, с одной стороны, способствует развитию у ребенка неутолимого эмоционального голода, а с другой – неумолимо искажает формирующийся образ Я. Нестабильность и «ненадежность» эмоциональных отношений делает перцептивный (воспринимаемый) образ Другого полярно изменяющимся в восприятии ребенка от «тотально плохого» (отвергающего и наказывающего) к «тотально хорошему» (любящему и принимающему) или навсегда становится чужим и потенциально угрожающим. «Крайним выраже-

нием» эмоциональной *депривации* (психологического состояния, вызванного недостаточным удовлетворением жизненных потребностей в течение длительного времени и в серьезной степени) становится для ребенка сексуальное насилие со стороны близких, создающее еще более благоприятные условия для развития «расколотой» картины мира, расщепленного образа Я. «Эмоционально голодный», ищущий поддержки ребенок в случаях инцеста часто не способен распознать эротическую природу проявляемого к нему интереса. Этому препятствует психологическая зависимость ребенка от взрослого, совершающего инцест, сильная потребность в любви и принятии, хрупкость и проницаемость границ Я. А будучи осознанными, акты соблазнения и сексуального посягательства могут переживаться ребенком как обретение внимания, признания, любви, а возникающие у него при этом чувства страха, гнева, унижения – как необходимая «плата» за любовь Другого» [Е.Т. Соколова, В.В. Николаева, цит. по [45].

Вопрос о влиянии насилия на личностное развитие ребенка – это прежде всего вопрос о времени, о возрасте ребенка, на который «падает» насилие. Установлено, что только к 4-5 годам физическое развитие ребенка достигает того уровня, когда он становится способным представлять сексуальный интерес для взрослого. Случаи сексуальных домогательств и физических атак по отношению к детям более младшего возраста фиксируются достаточно редко [Е.И. Цымбал и соавт. см. [35].

Сравнительное изучение статистических данных по внутри- и внесемейному насилию показало, что средний возраст жертв инцеста составляет 6-7 лет, тогда как средний возраст пострадавших от изнасилования значительно выше – 13–14 лет [35]. Но даже эти цифры нельзя считать абсолютно достоверными, так как психотерапевтическая практика и практика работы служб экстренной психологической помощи показывают, что пострадавшие от изнасилования и члены их семей значительно чаще обращаются за помощью, чем жертвы инцеста. Последние часто испытывают не только стыд, но и страх наказания за раскрытие семейной тайны.

Тем не менее становится все более очевидным, что дошкольный и подростковый возрастные периоды являются «возрастами риска» в отношении насилия, в том числе и семейного. К 15-17 годам вероятность стать жертвой сексуального насилия снижается в четыре раза, к 18 годам – в десять раз [35].

Отмечают несколько факторов, которые делают дошкольников и подростков такими уязвимыми к насилию, объединяя в этом отношении столь непохожие возрастные периоды. Прежде всего, оба эти периода являются *критическими в развитии ребенка*, причем с 4 до 16 лет это два основных кризиса, характеризующиеся формированием ряда новообразований: за очень короткий срок ребенок меняется весь в целом. А общими чертами кризисов, по мнению Л.С. Выготского, являются непокорность и непослушание. Как следствие этого, у родителей может возникнуть стремление перевоспитать, переделать, исправить ребенка, что зачастую реализуется в неадекватных воспитательных установках. Это может проявляться в виде эмоционального отвержения, для которого характерны жесткий контроль и регламентация родителями жизни ребенка, навязывание ему единственно верного, с точки зрения родителей, способа поведения. Другой вариант – гиперсоциализирующее воспитание – характеризуется тревожно-мнительной концентрацией родителей на успехах и достижениях ребенка, причем его реальные психофизиологические возможности недооцениваются или совсем не учитываются.

Подобные воспитательные воздействия, квалифицируемые как психологическое насилие, в период кризиса могут переживаться ребенком особенно остро, травмировать его психику особенно глубоко. Кроме того, не следует забывать, что «плохое поведение» ребенка, неизбежное в период критических изменений, во многих случаях влечет за собой «плохое обращение» с ним, то есть телесные наказания.

Следующий фактор – *личностные изменения*. В возрасте 6–7 лет поведение ребенка теряет непосредственность, в его поступках появляется интеллектуальный компонент. Фигура взрослого приобретает для ребенка значение старшего товарища, учителя, и на первый план выходит собственно интерактивный (взаимодействующий) смысл общения. Похожая ситуация наблюдается и в подростковом возрасте, когда общение становится ведущей деятельностью, и доверительные отношения со взрослыми приобретают для подростка большое значение.

Но особо нам бы хотелось выделить те факторы развития дошкольников и подростков, которые делают их уязвимыми именно к сексуальному насилию и провоцируют такое насилие [45].

Во-первых, это *изменение телесного облика*. Пубертатный период (период полового созревания) – это время значительных и интенсивных телесных изменений, иногда оказывающихся неожиданными не только для самого подростка, но и для окружающих его людей. Развитие вторичных половых признаков может придавать облику подростка не только свойственные этому периоду угловатость и нескладность, но и сексуальную привлекательность. Кризис семи лет также характеризуется сильными физиологическими изменениями (пропорции тела становятся более гармоничными и более близкими к пропорциям тела взрослого человека).

Во-вторых, (этот фактор нередко упускается из виду исследователями) – это фактор *психосексуального развития ребенка*, которое иногда не соответствует календарному возрасту. В этих случаях ребенок, обгоняющий в сексуальном развитии своих сверстников (особенно это касается девочек-подростков, чье половое развитие и так начинается на два года раньше, чем у мальчиков), способен сам проявлять интерес к эротическому контакту, кокетничать, даже флиртовать, не отдавая себе отчет, что таким образом можно спровоцировать акт насилия. Статистические данные показывают, что более 37 % случаев насилия совершались при наличии любопытства, кокетливого поведения со стороны ребенка, его вовлеченности в «игру» [В.В. Нагаев, см. [35]. Как отмечает И.С. Кон [см. там же], субъективные реакции детей на сексуальное совращение неоднозначны, и если 52 % американских студентов, имевших такого рода опыт, восприняли его отрицательно, то остальные 48% – нейтрально или даже положительно. Даже если ребенок не понимает содержание совершаемых действий, он вполне способен понять их эмоциональный характер, воспринимая их либо как собственно грубое насилие, либо как позитивное внимание и интерес со стороны взрослого, собственную избранность или исключительность. То же в полной мере касается и подростков, ведь зачастую осужденные за изнасилование обвиняют несовершеннолетнюю жертву в «излишней» женственности, кокетстве, зрелости форм, броскости одежды, которые, по мнению насильника, и стали действительными виновниками преступления.

Таким образом, вероятно, можно говорить о «сензитивных к насилию» периодах в жизни ребенка, когда анатомо-физиологические, гормональные, эмоционально-личностные и психосексуальные изменения делают жертву более травмируемой. Эти пе-

риоды опасны в отношении как сексуального насилия, так и жестокого обращения с ребенком, телесных наказаний, психологического насилия. Изменившийся физический облик и поведение ребенка не только становятся провоцирующими для потенциального насильника, но и вызывают у родителей стремление немедленно исправить ставшего вдруг непослушным ребенка.

Анализ данных анонимных социологических опросов позволил **Дж. Герману** и **Л. Хиршману** в 1981 г. выделить и описать основные группы женщин – жертв инцеста. К ним можно отнести: жертв хронической сексуальной или физической травматизации во взрослом возрасте (например, пострадавшие от нескольких изнасилований или жертвы так называемого домашнего насилия, а также женщины, демонстрировавшие в детстве и подростковом возрасте такую форму девиантного поведения, как побег из дому); женщины, страдающие от алкогольной или наркотической зависимости; женщины, чьи матери имели тяжелое соматическое заболевание или длительно отсутствовали дома; усыновленные или взятые на воспитание третьим лицом в раннем детстве. Вероятность фактов насилия у таких людей намного выше среднестатистической [45].

Подводя итог сказанному, можно отметить, что ситуации насилия вряд ли являются случайными для жертвы. Вероятнее, что она окажется подготовленной всей предыдущей историей жизни ребенка и прежде всего – историей его взаимоотношений с родителями. Иногда к этому добавляются и ошибки семейного воспитания, которые, впрочем, могут выступать и самостоятельными предпосылками девиантного поведения.

Ошибки семейного воспитания

На практике педагогически несостоятельные семьи оказываются труднодоступными для выявления причин и неблагоприятных условий, оказавших негативное воздействие на детей. Чтобы выявить неблагоприятные факторы семейного воспитания в такой семье, обычно необходимо длительное знакомство, установление воспитателем доверительных отношений и с детьми, и с родителями. Обобщение длительных наблюдений, которые велись в процессе индивидуальной социально-педагогической работы с «трудными» подростками, позволили выделить наиболее типичные неправильные педагогические стили в функционально несостоятельных семьях, плохо справляющихся или вовсе не справляющихся с

воспитанием детей. Таких стилей, по мнению **С.А. Беличевой**, несколько.

Попустительско-снисходительный стиль. Родители не придают значения проступкам детей, не видят в них ничего страшного, считают, что «все дети такие». В подобных случаях воспитателю бывает трудно изменить благодушное самоуспокоенное настроение таких родителей, убедить их серьезно реагировать на проблемные моменты в поведении их ребенка.

Демонстративный стиль. Родители, чаще мать, не стесняясь, жалуются, что называется, первому встречному, на своего ребенка, рассказывают о его проступках, явно преувеличивая при этом степень их опасности, заявляя во всеулышанье, что «сын растет бандитом». Это приводит к утрате ребенком стыдливости, притупляет чувство раскаяния за совершенные проступки, мешает формированию внутреннего контроля за своим поведением, способствует озлоблению ребенка.

Позиция круговой обороны. Родители строят свои отношения с окружающими по принципу «наш ребенок всегда прав». Такие родители весьма агрессивно настроены ко всем, кто указывает им на неправильное поведение их детей. У детей из таких семей обнаруживаются особенно тяжелые дефекты морального сознания, они лживы и жестоки, очень трудно поддаются перевоспитанию.

Педантично-подозрительный стиль. Родители не доверяют своим детям, не верят им, подвергают оскорбительному, а нередко даже унижительному тотальному контролю, стремятся абсолютно контролировать все свободное время ребенка, круг его интересов, занятий, общения.

Жестко-авторитарный стиль. Родители злоупотребляют физическими наказаниями. К такому стилю воспитания больше склонны отцы, стремящиеся по любому, порой совершенно незначительному поводу, жестоко избить ребенка, считающие, что существует лишь один действенный воспитательный прием – физическое наказание. В подобных семьях дети обычно растут агрессивными, жестокими, обижают более слабых и преклоняются перед более сильными.

Увещательный стиль. Это противоположность жестко-авторитарному стилю: родители проявляют по отношению к своим детям полную педагогическую беспомощность, постоянно увещивают, уговаривают, не применяя никаких наказаний или даже просто волевых воздействий.

Отстраненно-равнодушный стиль. Такой стиль воспитания возникает, как правило, в семьях, где родители (чаще мать) поглощены устройством своей личной жизни. Главная цель для таких матерей – вторично (или в очередной раз) выйти замуж, а добившись этой цели, мать не находит ни времени, ни душевных сил для ребенка от первого брака. Такой ребенок предоставлен сам себе, чувствует себя лишним, стремится как можно меньше бывать дома, с болью воспринимает равнодушно-отстраненное отношение матери.

Непоследовательный стиль. У родителей, особенно у матери, не хватает выдержки, самообладания для осуществления последовательной воспитательной тактики в семье. Возникают резкие эмоциональные перепады в отношениях с детьми – от наказания, ругани до умилительно-ласкательных проявлений, что приводит к потери родительского влияния на детей. Подросток становится неуправляемым, непредсказуемым, пренебрегающим мнением старших [10].

Перечисленными примерами далеко не исчерпываются недостатки семейного воспитания. Те или иные поведенческие навыки часто закрепляются у ребенка из-за того, что они входят в состав типичных *ролей*, определенных для него в семье. Поскольку речь идет о девиантном поведении, и роли эти выделены на примерах «трудных» семей, их можно назвать **ошибками семейного воспитания**. А.И. Захаров описывает несколько видов таких ошибок.

1. Кумир семьи. Ребенок вызывает общее восхищение домашних, как бы он ни вел себя. Обращаются к нему главным образом умилительным тоном. Любая или почти любая его прихоть немедленно исполняется взрослыми членами семьи, а тот из них, кто этого не сделал, вызывает нарекания остальных. Жизнь семьи как бы целиком посвящена ребенку.

Родители, сотворившие из ребенка кумира семьи, будут весьма убедительно доказывать, что они «живут для детей». Казалось бы, это хорошо. Но! В такой атмосфере ребенок вырастает капризным, своевольным, упрямым, не признающим запретов и не понимающим, что финансовые возможности родителей не безграничны. Но самое главное – такой ребенок вырастает эгоистичным, поскольку с малолетства привык ставить свою персону в центр мироздания.

Иногда такая «беспредельная» любовь к ребенку не так бескорыстна, как кажется. Бывает, что возведение ребенка в кумиры –

это отображение соперничества взрослых. Каждый из взрослых – мама, папа, бабушка и т.д. путем демонстрации исключительной привязанности к ребенку пытается утвердить свое главенство в семье. При этом величина «вклада» каждого взрослого члена семьи в заботу о ребенке оказывается своего рода козырем в «игре» взрослых.

Возможен и другой вариант: ребенок – «кумир семьи», сам того не зная, исполняет роль цементирующего фактора, который поддерживает семью в условиях мнимого сотрудничества взрослых членов семьи. Истинного взаимопонимания в такой семье нет, но все заинтересованы в сохранении видимого благополучия, и общее восхищение ребенком превращается в символ семейного «единства».

2. Мамино (папино, бабушкино и т.п.) сокровище. Это похоже на роль кумира семьи, но в данном случае ребенок не всеобщий, а чей-то личный кумир.

За навязыванием ребенку подобной роли может таиться немало сложных психологических причин. Например (пример взят из практики), мама глубоко неудовлетворена своим супружеством и бессознательно пытается «излить» на ребенка всю присущую ее натуре страстность и нежность (то же самое иногда происходит и с папой). Ребенок при этом ставится в сложное положение. Он прекрасно чувствует особое отношение к себе кого-то одного из взрослых, но и не менее остро воспринимает отсутствие такого же отношения со стороны других взрослых членов семьи.

Мальчик – «мамино сокровище» – вынужден сносить насмешки других членов семьи как «маменькин сынок». Девочка – «папино сокровище» – может расцениваться остальными членами семьи как «папенькина дочка». Для ребенка очень трудно «разрываться» между несколькими старшими, сознавая при этом, что с одними надо вести себя не так, как с другими.

Роль чьего-то любимца, которую навязывают ребенку, часто свидетельствует об остром соперничестве между взрослыми в семье. Самый худший вариант использования «любимчика» в порядке соперничества между членами семьи выглядит так: мама образует с ребенком (чаще с мальчиком) своеобразную «коалицию» против папы. При этом мама недальновидно радуется, когда ребенок отзывается о папе пренебрежительно или не слушается его. Встречается в жизни и сходный союз папы с дочерью против мамы.

Соперничество взрослых обычно проявляется в традиционном вопросе к ребенку: «Кого ты больше любишь – папу или маму?». Удовлетворяя таким образом свое тщеславие, взрослые при этом травмируют ребенка.

Если в семье создан «разнополюый альянс» (мама с сыном или папа с дочерью), то мальчик в результате этого долгое время не способен освоить в жизни традиционно мужскую роль, а девочка – традиционно женскую. Это одна из причин формирования женоподобных безвольных мужчин и мужеподобных, цинично-рациональных женщин.

А в «однополюых альянсах» (дочь с мамой против отца или сын с папой против матери) дети усваивают крайне искаженные представления о лицах противоположного пола. А это может впоследствии помешать им наладить личную жизнь.

За приписыванием ребенку роли чьего-то сокровища может скрываться и изолированность кого-либо из старших членов семьи. Например, бабушка, которую собственные взрослые дети не балуют вниманием, ищет утешение во внуках, компенсируя недостаток эмоционального тепла к ней в семье.

3. Паинька. Это послушный, примерный, воспитанный ребенок, мечта многих мам. Но! За попыткой взрослых сделать ребенка безукоризненным часто скрывается атмосфера недостаточного сотрудничества в семье. Люди не умеют и не считают нужным делиться в семье сокровенным и наболевшим. Они считают, что лучше сделать вид, что конфликтов нет, чем искать способы их разрешения. От ребенка же ждут, в первую очередь, соблюдения правил приличия. Именно за это он и вознаграждается старшими. А каково действительное содержание внутренней жизни ребенка – до этого никому из взрослых членов семьи нет дела. В результате лицемерие становится для ребенка нормой на всю жизнь.

В жизни не так уж редки случаи, когда ребенок, образцовый дома, неожиданно совершает противоправные поступки, к искреннему удивлению и недоумению всей семьи.

4. Гиперопека (эмоциональный симбиоз родителей и детей). Это особый вид воспитания, при котором ребенка лишают самостоятельности, подавляют его инициативу, не дают развернуться его возможностям.

Эмоциональный симбиоз (от греч. *symbiosis* – совместная жизнь) – это экстремальная форма взаимозависимости, связанная

с переживаниями полного «слияния» и «растворения» в другом человеке, когда границы своего Я утрачиваются.

У участников симбиотических отношений отсутствует потребность в собственной индивидуальности, так велико у них желание «утонуть» в Другом. Симбиотическая связь матери и ребенка характеризуется отсутствием, стиранием в сознании родителя границ между «Я» и «мой ребенок». При этом затрудненным оказывается вторичное, когнитивное (познавательное) самоопределение, так как ответить на вопрос «кто я?» можно, только отделяя и отличая от Другого себя и свои границы. Такой тип взаимоотношений порождает импульсивную предельную открытость границ своей личности и провоцирует любое вторжение Другого – физическое, сексуальное, психологическое. Причем само вторжение может переживаться не только как насильственный акт, но и как желанное заполнение интрапсихического «вакуума», обретение объекта для слияния.

Таким образом, симбиоз как форма психологического насилия, оказывает не только исключительно неблагоприятное воздействие на формирующийся у ребенка образ Я и картину мира, но и создает психологический базис, особую готовность для других форм вторжения, в частности, физического и сексуального. И если в случае детско-родительского симбиоза кроме психологического родительского давления ребенку довелось пережить более жесткие формы насилия, такие как инцест или избиения, то в результате у него формируется особая личностная структура, характеризующаяся зависимостью самооценки от оценок других значимых для него людей. В этом случае ведущий защитный механизм личности – расщепление – позволяет параллельно сосуществовать внутри самосознания двум Я: хрупкому, слабому, зависимому Я и агрессивному, грандиозному Я. Причем в зависимости от внешних условий такое «двойное» Я может актуализироваться как позиция «жертвы», «слабенького», «маленького», так и позиция «агрессора», «преследователя», «палача».

В результате гиперопеки многие дети вырастают нерешительными, слабовольными, неприспособленными к жизни. Они привыкают к тому, что за них кто-то решает и делает.

5. Больной ребенок. Это вариант гиперопеки. Конечно, в жизни есть немало детей, чье здоровье требует особого внимания и заботы. Но в реальной жизни можно видеть и такую картину: ре-

бенок, который долго болел, уже выздоровел и хочет видеть себя равным со всеми другими детьми, однако кто-то из взрослых в семье продолжает видеть в нем слабого и больного и требует от других такого же обращения с ребенком. Вот тут-то и раскрывается «выгода» болезненности ребенка для кого-то из членов семьи. То ли это своеобразный козырь в чьей-то игре, то ли средство самоутверждения.

Иногда взрослые не хотят или не могут ломать сложившийся стереотип взаимоотношений с ребенком. Гораздо легче обращаться с ним, как с больным, продолжая привычно хлопотать вокруг него (режим, лекарства), чем искать новые формы общения. К тому же, миссия опекающего продлевает родительскую власть над подрастающим ребенком.

6. Воспитание по типу кронпринца. Этот тип уродливого воспитания известен очень давно и характерен чаще всего для богатых семей, члены которых занимают высокое положение в обществе. Такие родители уделяют слишком много внимания своей карьере и слишком мало времени уделяют своим детям. Они откупаются от воспитания дорогими подарками и разрешением делать все, что детям заблагорассудится. Часто таких детей перепоручают родственникам или нянькам, а то и вообще случайным людям, лишь бы дети не мешали им делать карьеру или заниматься бизнесом. В результате вместо родительской заботы такие дети получают суррогаты эмоций и вырастают избалованными, не терпящими отказа и с большими амбициями.

7. Гипоопека. В этом случае ребенок предоставлен сам себе, никем не контролируется. У него никто не формирует навыков социальной жизни, никто не обучает пониманию, «что такое хорошо и что такое плохо».

8. Ужасный ребенок. В этом случае ребенок воспринимается в семье как субъект, создающий одни лишь хлопоты и напряженные ситуации. Он непослушен, своеволен, расхлябан, лишен чувства долга. Многие его поступки можно рассматривать как действия «назло взрослым». Все в семье только и делают, что призывают его к порядку бесконечными выговорами и наказаниями. Но поскольку это часто не дает положительного эффекта, ребенок кажется взрослым еще более «ужасным». Он становится **мучителем**.

Да, есть дети, исходный психологический склад которых представляет немало трудностей для воспитания. И все же дело не всегда в самом ребенке.

В одном случае из плохого поведения ребенка делается своего рода фетиш, которая, как ни странно, сплачивает холодно относящихся друг к другу людей. В другом случае речь идет о внутрисемейном соперничестве: взрослые перекладывают друг на друга вину за «распущенного» ребенка и тем самым подсознательно добиваются самоутверждения в семье.

Подобный ход может служить и способом самоустранения кого-то из взрослых от воспитания ребенка («Вы его распустили, вы за него и отвечайте!»). А можно таким способом изолировать кого-то из членов семьи, скажем, отца или бабушку под предлогом того, что те, дескать, попустительствуют капризам ребенка.

Самый тяжелый случай, когда приписывание роли «ужасного ребенка» – это способ изолировать от семьи самого ребенка. Так бывает, если в семье есть ребенок от первого брака одного из родителей, и рождается новый, уже общий.

«Ужасный ребенок» может выступать и в роли **козла отпущения** для семьи. Для всех ее членов он однозначно плох, а это дает им право разряжать на нем свою агрессивность. Это ведь безопаснее, чем разряжать ее друг на друге.

При таком обращении ребенок из «ужасного» может превратиться в **забитого**: он начинает бояться наказания за любое свое действие или высказывание. Иногда от страха он пытается стать даже **паинькой**, но это ему не помогает, – роль козла отпущения устраивает семью!

«Ужасному ребенку» иногда приходится играть еще одну роль – **путающегося под ногами**: он чувствует, что всем мешает и вызывает у домашних одно лишь раздражение.

9. Воспитание по типу Золушки. В этом случае из ребенка откровенно делают прислугу в доме, а все лучшее принадлежит в семье другим детям или взрослым. Переживая враждебную им действительность, такие дети много фантазируют, мечтают о сказочном принце или необыкновенном случае, которые избавят их от всех сложностей, с которыми они сталкиваются в реальной жизни.

Вырастают такие дети приниженными, неуверенными в себе, завистливыми и несамостоятельными.

Но **Золушки** – это крайний пример того, как взрослые корыстно используют ребенка в выгодной для себя функции.

Итак, мы рассмотрели ошибки семейного воспитания, которые совершаются взрослыми подсознательно, а иногда даже и с глупо-

ким убеждением, что именно таким образом ребенку делают добро. Взрослые рассуждают примерно так: «Я помню, как меня самого воспитывали. Меня тоже «гоняли» и «шпыняли», иногда били. Но ведь человеком-то сделали!».

И мало кто из таких взрослых родителей решится признать, что его можно было сделать человеком и получше... Во всяком случае, это был не единственный возможный способ воспитания.

Приведенные примеры, конечно, заострены для наглядности. Тот или иной дефект воспитания в жизни проявляется не так явно и не так последовательно. И все же подобные ошибки в воспитании вызывают искажения характера ребенка [39].

IV. Особенности формирования девиантного поведения в подростковом возрасте

Влияние возрастных особенностей на формирование девиантного поведения несовершеннолетних

Молодежь всегда встречала недопонимание со стороны людей старших поколений. Для доказательства этого приведем любопытный, на наш взгляд, пример.

«Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие». Актуальное высказывание, не правда ли? Остается добавить, что сказано это было ... Сократом, который жил, напомним, в 470 – 399 годах до нашей эры, т.е. почти 2,5 тысячи лет назад.

Подростковый период часто называют периодом диспропорций в развитии. Этот возраст характеризуется интенсивными преобразованиями во всей психической сфере подростка. В этом возрасте увеличивается внимание к себе, к своим физическим особенностям, обостряется реакция на мнение окружающих, повышается чувство собственного достоинства и обидчивость, а физические недостатки часто преувеличиваются. Подросток не всегда соответствует требованиям, которые общество предъявляет к нему, к выполнению им определенных социальных функций. Сам же он, в свою очередь, считает, что не получает от общества того, на что вправе рассчитывать.

Существенные сдвиги происходят в формировании интеллектуальной деятельности. Этому возрасту особенно свойственны стремление к познанию, формирование абстрактного мышления, творческий подход к интеллектуальным проблемам. Восприятие, память, внимание достигают уровня высокой производительности и избирательности. Интенсивное развитие приобретает волевые черты: настойчивость, упорство в достижении цели, умение преодолевать препятствия и трудности, способность к целенаправленной волевой деятельности. Активно формируются самосознание и самооценка, возникает повышенный интерес к оценке окружающими своих личностных качеств.

Происходят существенные сдвиги в интересах, развиваются духовные потребности, строится иерархия ценностных ориентаций, начинает выработываться собственное мировоззрение, отношение к обществу, людям и себе. Идет интенсивное формирование нравственных убеждений и идеалов, развиваются моральные чувства. В восприятии действительности большое место начинает занимать эстетический компонент.

В отечественной педагогике и психологии одно из ведущих мест отводится проблемам воспитания и трудовой подготовки подрастающего поколения. Связанные с этим задачи наиболее актуальны для работы со школьниками предпододросткового и подросткового возраста. Воспитание полноценного члена общества требует комплекса мероприятий, способствующих правильному формированию личности подростка, социализации его интересов, системы потребностей, трудовых установок.

В реализации этих мероприятий значительное место принадлежит проблеме так называемых трудных подростков, у которых нарушения поведения или нарушения в аффективной сфере становятся причиной школьной дезадаптации. Задачи профилактики и коррекции нарушений поведения в данном возрасте требуют дальнейшего углубления знаний о структуре этих явлений, причинах и условиях их происхождения. Проблема нарушений поведения у подростков привлекает все большее внимание широкого круга исследователей (психологов, социологов, педагогов, физиологов, врачей и т.п.).

Изучение неблагоприятных социальных факторов, играющих ведущую роль в формировании трудностей поведения у подростков, включает исследование особенностей окружения, воспитания

и обучения, препятствующих процессу правильного формирования личности подростка.

Как видим, сложности подросткового возраста были раньше и остаются сейчас серьезной педагогической проблемой. Ее **первая** объективная основа – в значительных различиях между требованиями, предъявляемыми обществом к детям и взрослым, различия в их обязанностях и правах. Известно, что «взрослая» жизнь сложнее, чем жизнь детей, и далеко не все взрослые могут поддерживать гармоничные отношения с окружающими. Подростку же приходится в относительно короткий период осваивать эту сферу человеческих взаимоотношений во всей ее сложности.

Психологические особенности подросткового периода, когда они резко выражены, получили название пубертатного кризиса. Широко распространение в западной психологии получила концепция Э. Эриксона о «кризисе идентичности» как о главной особенности подросткового периода. Формирование «идентичности» рассматривается как результат распада «детского Я» и необходимости синтеза нового «взрослого Я». Именно этот процесс, а не факторы окружающей среды рассматриваются как первоисточник всех трудностей и всех нарушений поведения у подростков. В отечественной психологии большое внимание уделялось характерному для этого возраста кризису самосознания и формированию чувства взрослости (И.С. Кон, Д.И. Фельдштейн и др.).

Усложнение социального бытия подростков протекает в период бурной физиологической перестройки организма. Изменения активности эндокринной системы приводят к выраженным колебаниям вегетативных функций (потливость, покраснение, побледнение, похудание, ожирение и т.п.). Подростки под влиянием этих физиологических процессов становятся эмоционально неустойчивыми, ранимыми. При неблагоприятных обстоятельствах такого рода реакции легко фиксируются и даже приобретают патологические формы.

Так, например, семиклассник – интеллектуальный и физически сильный лидер класса – на уроке без видимых причин почувствовал неприятные ощущения в области груди, «сердце будто остановилось», как позже вспоминал он сам. Возникла мысль: «А вдруг меня спросят?» – и ... его действительно вызвали к доске. Он растерялся, стал запинаться, не мог ничего связно сказать, «мысли все исчезли».

На следующий день его снова спросили. Он стал отвечать заикаясь. Учитель расценила это как упрямство, поставила «двойку» и добавила (при всем классе): «Стоишь, мямлишь...». Это замечание вызвало смех у присутствующих в классе учеников. Подросток стал тревожно спать, утром просыпался с «тяжелой» головой, при подходе к школе испытывал сильную тревогу. Заикание у него зафиксировалось.

Особенно часто соматические изменения (типа зафиксировавшегося заикания) наступают при выраженных проявлениях акселерации. Явления соматической акселерации обнаруживаются во всех возрастах, но особенно они заметны в период полового созревания. Несовпадение ускоренного физического и раннего полового развития с отставанием социальной зрелости (ограниченность выполнения общественных функций и полная материальная зависимость от родителей) создает большие психологические и межличностные трудности.

Таким образом, **второй** объективной основой сложности подросткового возраста является исключительно быстрый темп происходящих в этом периоде изменений: в физическом и психологическом состояниях подростка, в характере его реакций на внешние воздействия и т.д. Можно сказать, что подросток и взрослые живут в разном масштабе времени, а отсюда происходят и все различия в оценках одних и тех же событий или явлений. При этом для взрослого в поведении подростка многое оказывается неожиданным, непонятным, тем более, что все это оказывается неожиданным и непонятным часто и для самого подростка. Действительно, с подростком начинают происходить изменения, смысл, а главное, необходимость которых для него не всегда ясны. Стараясь объективно взглянуть на себя со стороны, он не может себя узнать; у некоторых подростков возникает ощущение как бы насилственности происходящих изменений.

Следует подчеркнуть также и значение больших различий в индивидуальных темпах развития подростков: различия в степени зрелости между отдельными школьниками, учениками одного и того же класса могут достигать 3 – 4 лет.

Третья причина сложности подросткового возраста связана с психологическими сдвигами, происходящими в ходе полового созревания. В сознании и поведении подростка значительную роль приобретают сексуальные интересы. Появляется повышенное вни-

мание к своей внешности, интенсивно усваиваются стереотипы поведения, связанные с осознанием своей половой принадлежности. Закрепляются особенности половых различий восприятия, эмоциональной сферы, интеллектуальной направленности, общих личностных установок, отличающие подростков-девочек от подростков-мальчиков. Так, для девочек характерны более выраженные эмоциональная восприимчивость и реактивность, более гибкое приспособление к конкретным обстоятельствам, большая конформность поведения. У девочек значительно более высок интерес к своей внешности. В повседневной деятельности девочки, как правило, более аккуратны, исполнительны и терпеливы, чем мальчики. В школе они лучше успевают по гуманитарным предметам. Мальчики менее конформны, чем девочки; более раскованны в поведении, хуже подчиняются общепринятым требованиям.

Именно в подростковом возрасте половая принадлежность обретает для человека реальное социальное значение. До этого периода различия между мальчиками и девочками менее выражены, и к тому же степень различий за 3 – 4 года совместного обучения и за предшествующие школе годы стала для детей привычной. В период полового созревания эти различия быстро и резко усиливаются. Достаточно указать хотя бы на различия в степени физической зрелости, которые достигают между мальчиками и девочками в подростковом возрасте полутора-двух, а порою и более лет.

В процессе полового созревания меняется самовосприятие подростка. В ходе полового созревания многие качества начинают оцениваться впервые, другие переоцениваются. К тому же подростки становятся объектом специфического внимания некоторых взрослых, особенно это касается девочек. Это порождает свои проблемы. Еще вчера, казалось, на девочку никто не обращал внимания, и мир взрослых был для нее недоступен. А сегодня вдруг взрослые мужчины не только снисходят до внимания к ней, но и начинают ухаживать. Одной девушке это льстит, другую пугает, и поведение девушек в связи с этим может быть разным.

Четвертая объективная основа сложности подросткового возраста связана с постепенным осознанием подростками различий их положения в семье. В каждой семье есть свой уклад, и требования к детям в разных семьях неодинаковы. Одному разрешают приходить домой поздно, другого чуть ли не за руку водят в школу и насильно кормят манной кашей. Одному предоставлена большая самостоя-

тельность, и родители ему доверяют, другого мелочно опекают и дергают по пустякам.

До подросткового возраста эти различия обычно не замечаются, во-первых, потому, что, в отличие от подростков, дети младшего возраста не обладают достаточно выраженной способностью к анализу и сравнению характера взаимоотношений между людьми, а во-вторых, потому, что классный коллектив складывается постепенно, и именно в подростковом возрасте начинает особенно заметно проявляться интерес школьников к событиям коллективной жизни, усиливается обмен мнениями между ними по разным вопросам, а взаимоотношения между людьми становятся объектом внимания. В результате формирования в классе общественного мнения, относительно независимого от мнения взрослых, подростки начинают сознавать преимущества и недостатки своего положения в семье.

Пятой объективной основой сложностей подросткового возраста является накопление к этому возрасту *дефектов воспитания*, которые ранее отчетливо не проявлялись из-за недостаточной самостоятельности ребенка и относительно неширокой сферы его деятельности и общения. Многие из того, что делает ребенок, он делает по прямому побуждению взрослых. Система внутренних побуждений формируется у него постепенно. Подросток же все в большей степени должен действовать, исходя из своих внутренних побуждений, а деятельность его оценивается окружающими строже, чем деятельность ребенка [72].

Психическое созревание подростка, по мнению ряда зарубежных исследователей (К. Рейнигер, Х.Бюлер, Стензингер), включает в себя две следующие друг за другом фазы психических изменений: *негативную* (12 – 15 лет) и *позитивную* (16 – 18 лет). Негативная фаза характеризуется внешне отрицательными психологическими сдвигами, большой дисгармонией, особенно в сфере эмоций. Наблюдается сочетание повышенной чувствительности и ранимости в отношении собственных переживаний и интересов с определенной черствостью к другим, застенчивости и тормозимости с развязностью и самоуверенностью. Критицизм, оппозиционная готовность во взаимоотношениях с окружающими, в первую очередь, с родителями, невыносимость опеки, гипертрофированное стремление к самостоятельности иногда приобретают характер реакции протеста.

Повышенный интерес к своей внешности обуславливает обостренную реакцию на ее оценку другими, отсюда возникают переживания, нередко конфликты, связанные с пробуждением сексуального влечения. Для подростков типичны эмоциональная неустойчивость, лабильность (быстрота и легкость возникновения) аффектов.

В этой фазе подросток отличается повышенной внушаемостью к стилю поведения внешне эффектных случайных авторитетов и резко противостоит авторитету родителей, учителей и других взрослых, которые еще недавно были для него значимы. Свойственная негативной фазе импульсивность поступков, нетерпеливость в достижении цели при неблагоприятных средовых условиях либо у незрелых личностей приводит к легкому возникновению реакций оппозиции и отказа.

Повышение активности в неинтеллектуальной деятельности в сочетании со снижением в интеллектуальной способствует, по мнению **В.С. Кулакова** [56], появлению педагогической запущенности.

В последующей позитивной фазе происходит постепенное уравнивание эмоционально-волевой сферы личности подростка, сглаживание непредсказуемости его поведения. На первый план выступают значительные изменения в сфере мышления, развития личности в целом. Формируется мировоззрение, оформляется осознание собственного «я», дифференцируются интеллектуальные интересы, растет самосознание. Эта фаза «положительна» по своей направленности. Однако и для нее характерна определенная противоречивость тенденций. Бескомпромиссность, связанная с высокими идеалами, по-прежнему нередко обуславливает нетерпимость и конфликты с окружающими; стремление к мудрствованию, решение мировоззренческих задач часто соседствует с протестом по отношению к школьным занятиям.

Заострение перечисленных психологических особенностей подросткового возраста, дисгармоничность протекания его фаз под влиянием различных биологических или социальных факторов формируют варианты так называемых подростковых кризов.

Л.С. Выготский, называя подростковый возраст одной из самых сложных критических эпох в онтогенезе человека, характеризовал его как период, в котором равновесие, сложившееся в предшествующем детском возрасте, нарушено в связи с появлением мощного фактора полового созревания, а новое еще не обретено [27]. В

этом определении выдающегося психолога акцентируются два момента, ключевые для понимания биологической стороны проблемы подростковых кризов: роль процесса полового созревания и роль неустойчивости различных физиологических систем, в первую очередь, нервной.

К биологическим факторам, играющим роль в нарушениях поведения подростков, некоторые современные исследователи относят и дисгармоническое протекание периода полового созревания: как его ускорение, так и задержку. При этом речь в одних случаях идет о физиологической акселерации или, наоборот, конституциональных формах замедленной динамики полового развития (рост, вес, пропорции), предрасполагающих к отклонениям поведения; а в других – о нарушениях сроков и темпа полового созревания, связанных с неполноценностью нервной системы. В настоящее время большое значение придается *ретардации* (замедлению) темпа полового развития. Задержка полового созревания у «трудных» подростков встречается в 3 – 4 раза чаще, чем среди всех подростков данного возраста.

Сочетание двух факторов – напряженности протекания полового созревания и некомпенсированности различных видов недостаточности ЦНС – приводит к тому, что в подростковой фазе развития чаще, чем в других критических возрастных фазах детства, выявляются психические заболевания; заостряются патологические черты характера и психические отклонения, связанные недостаточной компенсацией органической недостаточности ЦНС; возникают «возрастные» синдромы, типичные для патологического ускорения либо задержки самого темпа полового созревания; повышается склонность к патологическим реакциям, обусловленным ситуационно.

Психофизиологическое повзросление практически ничего не меняет в социально-экономическом положении подростков. Социальные статусы родителей и подростков по-прежнему несовместимы. Родители зарабатывают на жизнь, несут моральную и правовую ответственность за детей, участвуют в общественной и производственной жизни. Взрослые – собственники, опекуны, производители, законодатели, защитники и т.п. А подростки экономически несамостоятельны, они все еще требуют социальной защиты и не выступают участниками правоотношений. Их *ролевой диапазон* еще очень ограничен. Они не являются собственниками, произво-

дителями, законодателями. Они лишь потребители. Но хотя в правовом смысле подростки еще не могут принимать жизненно важные решения, в психологическом плане они уже созрели для них. Но родители ограничивают их в этом.

В связи с этим социологи говорят о *ролевой бесправии* подростков – меньшим объемом прав и обязанностей по сравнению со взрослыми [54].

Подобный сплав биологических и социальных факторов затрудняет социальную адаптацию юных, выделяя их в группу риска девиантного поведения.

Говоря о специфике подросткового возраста при формировании девиантного поведения нельзя упускать из виду и еще один важный психологический момент, связанный с самоуважением подростков. Как показали исследования американского психолога **Говарда Кэплана** (см. [50]), *пониженное самоуважение* связано у юноши практически со всеми видами девиантного поведения – от нечестности до суицида, потому что при конфликтных ситуациях в семье и школе главным диктатором поведения подростка нередко становится асоциальная группа. Желание самоутвердиться в данной группе – частая причина вовлечения подростка в девиантные и делинквентные действия.

Дело в том, что такие подростки постоянно чувствуют себя неудачниками. Их негативное самовосприятие складывается из 3 различных видов опыта:

- они считают, что не имеют личностно-ценных качеств и обладают отрицательными чертами характера;
- они уверены, что значимые для них другие люди относятся к ним отрицательно;
- они не обладают совсем или не умеют эффективно использовать механизмы психологической защиты, позволяющие снять или смягчить последствия двух вышеназванных элементов субъективного опыта.

Потребность в самоуважении у таких подростков особенно сильна, но поскольку она не удовлетворяется социально приемлемыми способами, то они обращаются к девиантному поведению. *На первых этапах девиантное поведение способствует повышению самооценки*, так как:

- в состоянии алкогольного или наркотического опьянения подросток может даже гордиться собой;

– принадлежность к преступной или антисоциальной группировке дает социально ущербному индивиду новые критерии и способы самоутверждения, позволяющие видеть себя в благоприятном свете не за счет социально положительных качеств, в которых он ранее оказался несостоятельным, а за счет социально отрицательных черт характера и поступков.

Социальное осуждение, а затем и отчуждение способствует активизации общения такого подростка с девиантной средой и дальнейшему усилению отклоняющегося поведения. В результате, девиантное поведение, которое **всегда** в начале бывает **немотивированным** (т.е. подросток *хочет* соответствовать требованиям общества, но *не может*), становится **мотивированным**, то есть осознанным, целенаправленным.

Предпосылки и причины девиантного поведения несовершеннолетних

Предпосылки девиантного поведения несовершеннолетних можно разделить на несколько категорий [10].

1. Психобиологические предпосылки

Необходимость рассмотрения психобиологических предпосылок девиантного поведения диктуется, прежде всего, тем, что они имеют специфические отличительные особенности, как по своей природе, так и по тем мерам превентивного характера, которые должны приниматься к ним с целью профилактики асоциальных отклонений.

Можно выделить относительно самостоятельные группы неблагоприятно характеризующихся особенностей подростков, которые в случае отсутствия специальных корректирующих воздействий могут обусловить различные асоциальные отклонения несовершеннолетних.

Прежде всего, к такого рода неблагоприятным индивидуальным особенностям следует отнести некоторые кризисные явления, характеризующие психофизиологическое развитие в подростковом возрасте, которые обуславливают известную трудновоспитуемость подростков.

На основе анализа многочисленной психологической, медицинской и педагогической литературы о подростковом возрасте, к возрастным психофизиологическим предпосылкам трудновоспитуемости и девиантного поведения несовершеннолетних можно

отнести некоторые кризисные явления в организме, психике и взаимоотношениях подростков.

Во-первых, это ускоренное и неравномерное развитие организма подростка в период полового созревания. Оно проявляется в неравномерности развития сердечно-сосудистой и костно-мышечной систем (это отягощает физическое и психологическое самочувствие подростка) и в так называемой «гормональной буре», вызванной повышенной активностью эндокринной системы в период полового созревания и проявляющейся в повышенной возбудимости, эмоциональной неустойчивости и непредсказуемости настроения.

Во-вторых, это изменения в характере взаимоотношений со взрослыми, выражающиеся в повышенной конфликтности. Эта повышенная конфликтность подростков, в свою очередь, объясняется такими причинами, как:

- так называемым «конфликтом моралей», когда «мораль подчинения», характеризовавшая до этих пор отношения ребенка и взрослого, сменяется «моралью равенства»;

- чувством взрослости, реакцией эмансипации, освобождением от влияния взрослого (у подростков появляется повышенная критичность по отношению к взрослым при одновременном повышении внимания к мнению сверстников).

В-третьих, это изменения в характере взаимоотношений со сверстниками как с представителями своего, так и противоположного пола. Это тоже имеет свое объяснение:

- активное формирование потребности общения со сверстниками обостряет стремление к самоутверждению, что в определенных неблагоприятных условиях может проявляться в различных уродливых формах социального поведения;

- половое созревание вызывает весьма серьезные проблемы в сфере взаимоотношения полов в подростковом возрасте (первая любовь, повышенный интерес к вопросам интимной жизни), что также может служить толчком к асоциальным проявлениям в сфере сексуальной жизни подростка.

Особое место среди неблагоприятных индивидуальных характеристик, составляющих психофизиологические предпосылки асоциального поведения, занимает отставание в умственном развитии (олигофрения), обусловленная либо врожденным характером, либо наступившая в результате черепно-мозговых травм или заболеваний центральной нервной системы, перенесенных в возрасте до 2-3 лет.

В отдельных случаях в роли психобиологических предпосылок девиантного поведения могут выступать различные физические недостатки, дефекты речи, внешняя непривлекательность.

В роли психобиологических предпосылок девиантного поведения могут выступать извращенные биологические потребности.

Кроме того, социальную адаптацию детей и подростков могут затруднять различные нервно-психические заболевания и отклонения.

2. Социальные предпосылки

Можно выделить четыре большие группы социальных предпосылок девиантного поведения.

1. *Социально-экономические предпосылки* (низкий материальный уровень жизни, плохие жилищные условия).

2. *Медико-санитарные предпосылки* (хронические заболевания родителей и отягощенная наследственность, антисанитария и пренебрежение санитарно-гигиеническими нормами).

3. *Социально-демографические предпосылки* (неполные или многодетные семьи, семьи с престарелыми родителями, семьи с повторными браками и сводными детьми).

4. *Социально-психологические предпосылки* (семьи с деструктивными эмоционально-конфликтными отношениями, педагогическая несостоятельность родителей и их низкий общеобразовательный уровень).

Следует отметить, что наличие того или иного фактора социального риска не означает обязательного возникновения социальных отклонений в поведении подростков. Оно лишь указывает на большую степень вероятности этих отклонений. При этом часть факторов социального риска проявляет свое негативное влияние довольно стабильно и постоянно, другая часть с течением времени усиливает или ослабляет свое влияние. Так, довольно стабильно соотношение семей, где есть подростки-правонарушители и семей с низким прожиточным уровнем. По результатам одного из исследований [34], среди нарушителей правопорядка 41 % составляли подростки, воспитывающиеся в семьях, где доход на одного человека не превышал прожиточного минимума, в то время как среди семей их благополучных сверстников правонарушителей было только 4%.

Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что влияние социально-экономических предпосылок девиантного поведения

подростков особенно усиливается, когда низкий материальный достаток семьи сочетается с низким общекультурным и общеобразовательным уровнем родителей. Иными словами, в семье, имеющей скромные доходы, но достаточно высокий уровень духовной культуры, значительно больше шансов воспитать нормального ребенка, чем в семье, где высокий жизненный уровень, но низкая духовная культура и неблагоприятный психологический климат.

Можно выделить несколько основных причин возникновения девиантного поведения.

Психологической причиной отклоняющегося поведения трудновоспитуемого подростка может оказаться его неспособность социально приемлемым способом компенсировать свою неспособность к социальному окружению, имеющийся органический порок или другого рода дефект, «нарушения нервной деятельности... которые, оставаясь в пределах нормы, тем не менее представляют серьезнейшие трудности, мешающие правильному процессу воспитания, общественной трудовой деятельности, личной, семейной жизни человека» [28].

Трудности воспитания опосредованно связаны с недостаточным развитием общих способностей подростка. Такие учащиеся не уясняют в достаточной мере требований, затрудняются своевременно и адекватно реагировать на замечания, не проявляют должной сообразительности при выполнении поручений, правил поведения. Постоянный неуспех заостряет их негативное отношение к товарищам, учителям, родителям, заставляет искать «психологические заменители», которые компенсируют дефицит положительных эмоций. Параллельно с этим происходит развитие трудновоспитуемости, усиление сопротивления воспитательным воздействиям.

Нарушения в дошкольном воспитании. Сюда относятся: нарушение требований программы дошкольного воспитания, слабая методическая подготовка отдельных воспитателей, недобросовестное отношение к своим обязанностям некоторых воспитателей. Это приводит к тому, что их воспитанники оказываются труднообучаемыми и трудновоспитуемыми в школе. **В.К. Котырло** пишет (см. [110]), что учителя жалуются на неорганизованность и беспомощность детей в выполнении правил поведения, отмечают, что первоклассникам не хватает самостоятельности, ответственности, способности преодолевать трудности собственными силами, дисциплинированности и т.п. Далекое не у всех детей развиты про-

извольные психические процессы – восприятие, внимание, память, мышление, воображение и т.п., способность владеть собой и своим поведением. Это объясняется недостатками воспитания в дошкольном возрасте: излишней регламентированностью, которая подбивает какую-либо инициативу или, наоборот, тормозит проявления организованности. Эти недостатки оборачиваются неспособностью детей обходиться без дополнительных указаний и персональной опеки, игнорированием конкретных требований к учебной деятельности и правилам поведения.

Недостатки внутришкольного воспитания. Школа для ребенка начинается с учителя, воспитателя. Самые совершенные программы, учебники, технические средства обучения не могут компенсировать душевную черствость, бестактность, психологическую неподготовленность педагога. Отметим, что в данном случае предметом нашего разговора является анализ не системы образования в целом и сложившегося в нашей стране, особенно в последние годы, отношения к образованию, а только некоторые звенья образовательной системы, порождающие в связи с недостаточной работой пробелы в воспитании личности школьника.

Как негативный факт следует отметить неудовлетворительные знания отдельными классными руководителями условий жизни учащегося, склонного к нарушениям дисциплины, уровня его интеллектуального и эмоционально-волевого развития, интересов, круга общения, положения в семье, в коллективе класса, школы. В результате этого возможности индивидуального подхода в работе с трудными подростками используются не в полной мере.

В школах не всегда на должном уровне осуществляется анализ причин отклоняющегося поведения учащихся, не устанавливается преемственность с дошкольным воспитанием и обратная связь с послешкольным периодом жизни молодого человека, который стоит на учете в отделе по пресечению и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних. Поэтому в большинстве случаев отсутствует обстоятельный анализ недостатков и путей совершенствования профилактической работы, снижаются возможности прогнозирования всевозможных ЧП.

Трудности воспитания следует также связывать с уровнем методического обеспечения воспитательного процесса. Учителя, воспитатели испытывают значительные трудности при необходимости определения основных методов воспитания и перевоспитания под-

ростков, выяснения сущности и конкретного предназначения каждого из них. Чрезмерно сложным для некоторых педагогов представляется вопрос о взаимосвязи отдельных методов, их соподчиненности и логике использования при решении тех или иных воспитательных задач. В результате поиск методов воспитания осуществляется путем проб и ошибок, а вместо их системы в распоряжении педагога нередко обнаруживается лишь один – два приема «на все случаи жизни».

Причиной возникновения и роста случаев трудновоспитуемости и девиантного поведения следует признать встречающийся порой в работе отдельных школ разрыв обучения и воспитания. Педагогически неоправданным представляется в этом плане чрезмерное увлечение отдельных учителей модными системами обучения, внедрением новинок науки без внесения соответствующих корректив в содержание и форму воспитательного процесса. Творческий поиск учителя, безусловно, необходим, но разрыв обучения и воспитания, как и подмена второго первым, рождают скрытые и потому крайне опасные последствия педагогического экспериментирования, которые не могут быть компенсированы высокой успеваемостью.

Некоторых учителей, однако, вполне удовлетворяет хорошая успеваемость учащихся, и поэтому совершаемые ими проступки не замечаются, остаются безнаказанными. Коррективы вносятся лишь тогда, когда мелкие нарушения школьной дисциплины начинают перерастать в серьезные проступки и даже правонарушения. Степень трудновоспитуемости при этом значительно возрастает, и нередко школа своими силами не в состоянии справиться с прогулами, драчливостью, хулиганскими выходками и другими отклонениями в поведении благополучных прежде ребят.

Недостатки внешкольной воспитательной работы. Как известно, ученик занят в школе 6 – 8 часов в сутки, остальное время он проводит в кругу семьи, среди друзей, занимается в кружках, спортивных секциях. Кроме того, более 150 дней в году занимают каникулы, выходные и праздничные дни. Таким образом, общий объем внеурочного времени у школьников достаточно велик, однако бессодержательное его использование, бесконтрольность порождают в ряде случаев примитивные формы досуговой деятельности учащихся, превращают свободное время из потенциального фактора развития личности в фактор ее социальной деградации.

Внеурочные занятия трудных подростков носят чаще всего развлекательный, пассивно-созерцательный характер, а увлечения спортом, кружковой работой – нестабильны. Пребывание в «членах» у таких подростков вскоре сменяется либо ролью «зрителя», либо ролью все отвергающего и порицающего критика чужих ошибок и промахов.

Трудным подросткам бывает довольно сложно самоутвердиться, завоевать положительный статус или лидерство в сфере организованного досуга, в среде сверстников, которые, как правило, имеют более развитый интеллект, более сильную волю и устойчивые эмоции. В то же время свою ориентацию на физический труд, увлечение техникой, туризмом трудным подросткам часто не удается реализовать из-за того, что эти кружки и секции бывают хуже всего представленными в работе внешкольных учреждений. К тому же лишь в очень редких случаях клубы, кружки или секции проявляют заинтересованность при вовлечении в общественно полезную, досуговую деятельность неблагополучных учащихся, склонных к нарушениям дисциплины и правонарушениям, особенно, если занятия проводятся бесплатно.

Особенности поведенческих реакций девиантных подростков

Одновременное присутствие черт детскости и взрослости с очевидностью выступает в типичных для подросткового возраста психологических реакциях, возникающих при взаимодействии с окружающей средой. Ситуационные личностные реакции у детей и подростков стали изучаться и описываться психиатрами, начиная с 30-х годов XX века, однако номенклатура этих форм до сих пор в психиатрической литературе не унифицирована.

Ситуационные личностные реакции проявляются у всех в подростковом возрасте, но у педагогически запущенных подростков они нередко развиваются в стойкие асоциальные проявления. К основным формам ситуационных личностных реакций можно отнести: реакции эмансипации, «отрицательной имитации», группирования со сверстниками, увлечения и реакции, обусловленные формирующимся сексуальным влечением [65].

Реакция эмансипации проявляется различными (чаще непатологическими) изменениями поведения, в основе которых лежит утрированное стремление подростков к самостоятельности, неза-

висимости от опеки взрослых. Однако при неблагоприятных условиях среды такие реакции ведут к социальной дезадаптации (бродяжничество, преждевременное начало половой жизни), а иногда приобретают патологический характер.

Реакция «отрицательной имитации». Она проявляется в поведении, контрастном по отношению к неблагоприятному поведению членов семьи, и отражает становление реакции эмансипации, борьбу за независимость.

Реакция группирования со сверстниками типична для подростков, особенно мужского пола. Она выражается в стремлении подростков к образованию неформальных групп, что в ряде случаев способствует групповым формам асоциального и делинквентного поведения.

Реакция увлечения (хобби-реакция). Она отражает особенности внутренней структуры личности подростка и в основе имеет склонность к сверхценным интересам и увлечениям. Она объединяет чрезмерные увлечения подростков спортом, азартными играми, коллекционированием и т.п. и обычно не относится к патологии поведения, хотя нередко ведет к социальной дезадаптации и может приобретать патологический характер («патологическое хобби»).

Реакции, обусловленные формирующимся сексуальным влечением, включают пубертатную мастурбацию, преходящее гомосексуальное поведение, преждевременное начало половой жизни и т.п. Большинство из них не относится к патологии поведения, но при определенных микросоциальных условиях и акцентуированных чертах характера могут стать основой ряда форм сексуальной патологии.

В подростковом возрасте часто сохраняется склонность и к поведенческим реакциям, которые обычно характерны для более младшего возраста. К ним относятся:

1. Реакция протеста и оппозиции. Она проявляется в противопоставлении своего поведения требуемому и может выражаться в зависимости от особенностей формирующейся личности, а также от возраста либо в виде непослушания, грубости, агрессивного поведения, стремления делать назло (реакции активного протеста), либо в различных формах избегания конфликтной ситуации. Например, регрессивные реакции с инфантильным поведением, псевдоутратой навыков опрятности, уходами из дома или из школы,

нередко перерастающие в синдром уходов и бродяжничество (реакции пассивного протеста). Особое место в этом ряду занимает аутоагрессивное поведение со стремлением к нанесению самоповреждений и к суицидальным поступкам.

Реакция протеста и оппозиции в подростковом возрасте чаще встречается в тех случаях, когда аналогичные эпизоды имели место и в детстве, но может возникнуть и впервые.

2. Реакция отказа. Она проявляется относительно редко, выражается в отказе от обычных форм поведения: привычных контактов, выполнявшихся раньше домашних обязанностей, учебы и характеризуются переживаниями «потери перспективы», отчаянием, отказом от естественных желаний, снижением активности, «бездумными» ответами. Эту реакцию В.В. Ковалев связывает с «ситуациями фрустрации», вызываемыми резкими переменами привычных условий жизни (отрыв от семьи, перемена школы).

3. Реакция имитации – относительно стойкие и длительные изменения поведения, связанные с подражанием поведению окружающих. У подростков объектом для подражания чаще всего становится взрослый, теми или иными качествами импонирующий его идеалам (например, подросток, мечтающий о театре, подражает в манерах любимому актеру). Реакция имитации характерна для подростков лично незрелых, попавших в асоциальную среду, поэтому она нередко выражается непатологическим девиантным поведением (сквернословие, нарушение школьной дисциплины, курение, употребление алкоголя и др.). Иногда некоторые реакции имитации (мастурбация, алкоголизация, употребление токсических и наркотических веществ) могут приобретать патологический характер.

4. Реакция гиперкомпенсации. Это гипертрофированные и обычно ведущие к социальной дезадаптации защитные формы поведения, в основе которых лежат переживания собственной физической или психической неполноценности. Реакция гиперкомпенсации обусловлена стремлением добиться успеха именно в той области, в которой ребенок или подросток обнаруживает наибольшую несостоятельность (например, настойчивое стремление к спортивным достижениям при физической слабости, к общественной деятельности при стеснительности, ранимости и т.д.). Если в качестве компенсаторной реакции избраны асоциальные проявления, то возникают нарушения поведения. Так, неуспевающий по

учебным дисциплинам подросток может пытаться добиться авторитета у одноклассников грубыми, антидисциплинарными выходками. В качестве компенсаторной реакции может быть выбрано и гиперкомпенсаторное фантазирование.

Все эти поведенческие реакции могут быть представлены в вариантах поведения, как нормальных для данного возрастного периода, так и патологических, которые не только приводят к школьной и социальной дезадаптации, но и нередко требуют лечебной коррекции.

Необходимо разграничивать патологические и психологические (непатологические) ситуационные личностные реакции. Наиболее частые источники школьной дезадаптации, по мнению В.В. Ковалева, – непатологические формы нарушения поведения.

Психологическая реакция представляет собой преходящее ситуационно обусловленное изменение поведения ребенка или подростка, которое проявляется только в определенной микросоциальной среде, имеет четкую психологическую направленность (мотивацию) и не ведет к длительным нарушениям социальной адаптации.

Патологические ситуационные реакции проявляются в стереотипных отклонениях поведения (по типу клише), которые возникают в разных психотравмирующих ситуациях, имеют склонность превышать определенный «потолок» нарушений поведения, возможный у сверстников [78]. Такие реакции чаще развиваются постепенно на основе психологических реакций, однако у детей и подростков с психопатическими чертами характера эти реакции могут возникать сразу как патологические.

Дифференциация патологических и непатологических форм хотя и представляет известную сложность, но чрезвычайно важна, так как непатологические формы нарушений поведения нуждаются, в первую очередь, в педагогической, социальной коррекции, в отличие от форм патологических, требующих совместных усилий педагога и врача, медикаментозной терапии.

В.В. Ковалев критериями патологичности поведенческих реакций, свойственных детскому и подростковому возрасту, считает распространенность этих реакций за пределы той ситуации и микрогруппы, где они возникли, присоединение невротических расстройств, подростковой дезадаптации [47].

В зависимости от природы, характера и степени выраженности С.А. Беличева выделяет патогенную, психосоциальную и социальную дезадаптацию подростков [10].

Патогенная дезадаптация вызвана отклонениями, патологиями психического развития и нервно-психическими заболеваниями, в основе которых лежат функционально-органические поражения центральной нервной системы.

Психосоциальная дезадаптация связана с половозрастными и индивидуально-психологическими особенностями подростков, которые обуславливают их определенную нестандартность, требующую индивидуального педагогического подхода и в отдельных случаях специальных психолого-педагогических коррекционных программ, которые, однако, могут быть реализованы в условиях общеобразовательных учебно-воспитательных учреждений. По своей природе и характеру различные формы психосоциальной дезадаптации делятся на устойчивые и временные.

К *устойчивым формам* психосоциальной дезадаптации можно отнести акцентуации характера (подробно о них мы будем говорить отдельно), различные неблагоприятные и индивидуально-психологические особенности эмоционально-волевой, мотивационно-познавательной и волевой сфер, включая такие дефекты, как безволие, податливость чужому влиянию, импульсивность, расторможенность, неоправданное упрямство. В этом же ряду следует упомянуть и опережение отдельными учащимися своих сверстников в интеллектуальном развитии. Эта категория подростков редко проявляет себя в асоциальных поступках, но такая форма психосоциальной дезадаптации может сопровождаться такими чертами, как эгоизм, зазнайство, пренебрежительное отношение к старшим и сверстникам.

К *временным неустойчивым формам* психосоциальной дезадаптации можно отнести прежде всего психофизиологические половозрастные особенности кризисного периода развития подростка, различные проявления неравномерного психического развития (задержка или опережение отдельных познавательных процессов, опережающего либо отстающего психосексуального развития и т.п.).

Социальная дезадаптация (или нарушение социализации), которая и представляет для нас наибольший интерес и на которой в силу ее актуальности для педагогов и психологов мы остановимся

более подробно, проявляется в нарушении норм морали и права, в асоциальных формах поведения и деформации системы внутренней регуляции, ценностных ориентаций и социальных установок. При этом нарушения социализации могут быть вызваны как прямым десоциализирующим влиянием, когда ближайшее окружение демонстрирует образцы асоциального, антиобщественного поведения и установок, выступая, таким образом, в качестве института десоциализации, так и косвенным десоциализирующим влиянием, когда происходит снижение значимости ведущих институтов социализации, в частности, семьи и школы.

В зависимости от степени и глубины деформации содержательной и функциональной стороны процесса социализации можно выделить две стадии социальной дезадаптации.

Стадия школьной дезадаптации представлена *педагогически запущенными учащимися*, у которых основные деформации связаны со школьным учебно-воспитательным процессом, отношением к учебной деятельности, учителям, нормам школьной жизни и школьного распорядка. Педагогическая запущенность характеризуется хроническим отставанием по ряду предметов учебной программы, сопротивлением педагогическим воздействиям, дерзостью с учителями, негативным отношением к учебе и различными асоциальными проявлениями (сквернословие, курение, хулиганские поступки, пропуски занятий и т.п.).

Вместе с тем, и это необходимо отметить для четкого понимания сути педагогической запущенности, несмотря на отставание в учебе, значительная часть педагогически запущенных учащихся отличается трудолюбием, имеет достаточно четкие профессиональные намерения, владеет различными трудовыми навыками, стремится к экономической самостоятельности.

Следствием неправильного подхода к воспитанию и перевоспитанию педагогически запущенных учащихся, усугубляющим социальную дезадаптацию, выступает *социальная запущенность*. Социально запущенные учащиеся не только плохо учатся, имеют хронические отставания по предметам учебной программы и оказывают сопротивление педагогическим воздействиям, но, в отличие от педагогически запущенных, профессионально не ориентированы, у них не сформированы полезные навыки и умения, сужена сфера интересов. Они характеризуются глубоким отчуждением от семьи и учебных заведений, их формирование и социальное раз-

витие идет в основном под влиянием асоциальных, криминогенных подростковых групп. Для социально запущенных подростков характерны различные серьезные социальные отклонения, такие как бродяжничество, токсикомания, наркомания, пьянство, аморальное поведение.

V. Роль акцентуаций характера в ряду причин девиантного поведения несовершеннолетних

С серьезными проблемами сталкиваются педагоги при воспитании подростков с акцентуациями характера: чрезмерной возбудимостью, тревожностью, демонстративностью, педантичностью и т.п. У таких детей не исключены положительные социальные контакты и вполне социально одобряемые реакции, когда они пребывают в психологически благоприятной среде, которая не способствует актуализации обостренных черт личности. Если же ситуация неблагоприятна или резко меняется в своем значении для ребенка, можно ожидать соответствующих изменений его поведения, эмоционально-волевых реакций.

Понятие и типология акцентуаций характера

Для характеристики людей, у которых есть какие-то выраженные особенности, выделяющие их из среды гармоничных субъектов, используется понятие **акцентуация характера**.

Характерологические особенности акцентуированных подростков лучше всего, на наш взгляд, описаны и объяснены в категориях концепции характера петербургского ученого А.Е. Личко [64; 65], который дает такое определение акцентуации характера:

Акцентуации характера – это крайние варианты его нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий («места наименьшего сопротивления» в структуре акцентуаций, так называемые «негативные» свойства акцентуаций) при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим («позитивные свойства» акцентуаций характера).

Оформляясь к подростковому возрасту, акцентуации характера, как правило, со временем сглаживаются, компенсируются. И лишь при сложных психогенных ситуациях, длительно воздействующих

на «слабое звено» характера, могут не только стать почвой для острых аффективных реакций, неврозов, но и явиться условием формирования психопатического развития. Понятие «акцентуация характера», на наш взгляд, можно изобразить в виде рисунка, где понятие «личность» представлено в виде круга с размытым краем, так как границы нормы трудно определить. За границами нормы в силу действия ряда факторов, которые будут описаны ниже, идет психопатическое развитие личности.

Поскольку акцентуации характера граничат с соответствующими видами психопатических расстройств, их типология базируется на детально разработанной в психиатрии классификации психопатий, отражая, однако, и свойства характера психически здорового человека. Такой типологический подход, в соответствии с которым допускается переход от клинических типов психопатий к анализу «вариантов нормы», критикуется в отечественной психологии, так как за ним, по мнению С.Л. Рубинштейна, скрыто представление о характере как о конституционально запрограммированной статичной структуре.

В специальной литературе описаны классификации акцентуированных личностей, разработанные Э. Кречмером, К. Леонгардом, А.Е. Личко. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что у названных ученых классификационные группы отличаются своими наименованиями, но в их содержании много общего. В работе с подростками удобнее всего пользоваться классификацией А.Е. Личко.

На акцентуации следует обратить самое пристальное внимание, потому что, по мнению известного немецкого психолога Карла Леонгарда, который впервые заговорил об этой проблеме, в развитых странах более половины населения можно отнести к акцентуированным личностям.

Выделяют две степени акцентуации характера:

- явная акцентуация (крайний вариант нормы);
- скрытая акцентуация (обычный вариант нормы).

Явная акцентуация отличается наличием выраженных черт определенного типа характера. Наблюдение за поведением подростка среди сверстников, сведения, полученные от его близких, позволяют распознать этот тип акцентуаций, однако выраженность черт какого-либо типа обычно не препятствует удовлетворительной социальной адаптации. Акцентуированные черты характера обычно

хорошо компенсируются, хотя в пубертатном периоде они заостряются и могут обуславливать временные нарушения адаптации.

Скрытая акцентуация отличается тем, что в обычных условиях черты определенного типа характера выражены слабо или не видны совсем. Даже при продолжительном наблюдении и детальном знакомстве с биографией очень трудно бывает составить четкое представление об определенном характере. Однако черты этого типа ярко выступают, порой совершенно неожиданно для окружающих, под воздействием некоторых ситуаций или психических травм, (но только тех, которые предъявляют повышенные требования к «месту наименьшего сопротивления»). Проявление в подобном случае акцентуированных черт, как правило, не приводит к заметной дезадаптации или она бывает кратковременной.

Акцентуации характеров большинства типов именно в подростковом возрасте оказываются наиболее выраженными, что, как правило, не препятствует удовлетворительной социальной адаптации. К концу подросткового периода проявления акцентуации могут сгладиться или быть компенсированы настолько, что, кроме как при особых обстоятельствах, не выявятся вовсе. Явные же акцентуации по прошествии подросткового возраста могут стать скрытыми. Подростки с явными акцентуациями составляют группу «повышенного риска»: они податливы к определенным пагубным влияниям среды или психическим травмам. Если психологический удар придется по «слабому месту» данного типа акцентуации, то соответствующие черты характера могут проявиться совершенно в другом свете и заостриться до психопатического уровня. Однако изменение травмирующей обстановки, сглаживание следов психической травмы, разрешение конфликтной ситуации вернет все в привычное состояние.

В отличие от этого неразрешенная конфликтная ситуация, продолжающаяся длительная психическая травматизация «места наименьшего сопротивления» влекут за собой повторение психопатических реакций и перерастание их в психопатию. Иногда в подобных случаях имеют место и основные аффективные реакции, возникающие в ответ на индивидуально-значимые психические травмы и психологически труднопереносимые ситуации. Такие реакции кратковременны (не более суток). Аффект разряжается агрессией на окружающих, аутоагрессией (агрессией по отношению к самому себе), бегством от аффектогенной ситуации или разыгрыванием бурных сцен.

В подростковом возрасте наиболее частыми нарушениями на фоне акцентуаций характера бывают так называемые *транзиторные непсихотические девиации* – делинквентность, алкоголизация, наркомания, токсикомания, суицидальное поведение. Смена обстановки на более благоприятную, как правило, устраняет эти нарушения.

Причины возникновения акцентуаций характера

Вопрос о том, что является первопричиной возникновения аномалий характера, стал предметом споров ученых с первых шагов зарождения учения о психопатиях. **В.М. Бехтерев** (1886) полагал, что причинами могут быть как неблагоприятная наследственность, так и тяжелые нравственные условия, неправильное воспитание, дурной пример родителей, тяжелые общие заболевания.

На основе систематики формирования психопатий **П.Б. Ганнушкина** [29], мы систематизировали факторы, влияющие на возникновение и развитие акцентуаций характера у подростков (см. рис. 1).

Рис. 1. Схема влияния факторов на развитие акцентуаций характера

Среди **биологических факторов**, приводящих к акцентуациям характера, выделяют:

1. Действия пренатальных, натальных и ранних постнатальных вредностей на формирующийся в раннем онтогенезе мозг (онтогенез – процесс развития индивидуального организма от зачатия до смерти). К таким вредностям относят тяжелые токсикозы беременности, родовые травмы, внутриутробные и ранние мозговые инфекции, тяжелые истощающие соматические (от гр. *soma* – тело) заболевания.

2. Неблагоприятная наследственность, которая включает в себя определенный тип высшей нервной деятельности (ВНД), алкоголизм родителей, предопределяющий тип акцентуации характера.

3. Органические повреждения головного мозга, т.е. черепно-мозговые травмы, мозговые инфекции и т.п.

4. «Пубертатный криз», обусловленный неравномерностью развития сердечно-сосудистой и костно-мышечной системы, отягощенный физическим самочувствием, повышенной активностью эндокринной системы и уже упоминавшейся среди предпосылок девиантного поведения «гормональной бурей».

К социально-психологическим факторам следует отнести:

1. Нарушения воспитания подростка в семье.

Влияние семейной среды на формирование личности является наиболее важным в силу того, что семья служит основным общественным институтом социализации личности.

2. Школьную дезадаптацию.

В подростковом возрасте падает интерес к учебе в силу изменения ведущего вида деятельности (согласно теории возрастной периодизации Д.Б. Эльконина).

В психологии предпринимались попытки выделения специфических школьных трудностей. С точки зрения одного из исследователей этой проблемы **Д. Скотта**, «... характер дезадаптации ребенка в школе можно определить по форме дезадаптированного поведения, а именно: по депрессивному состоянию, по проявлениям тревожности и враждебности по отношению к взрослым и сверстникам, по степени эмоционального напряжения, по отклонениям в физическом, умственном и сексуальном развитии, а также по проявлениям асоциальности под влиянием неблагоприятных условий среды».

3. Подростковый кризис.

В 12-14 лет в психологическом развитии наступает переломный момент – «подростковый кризис». Это пик «переходного периода от детства к взрослости». Согласно Э. Эриксону, происходит «кризис идентичности – распад детского «Я» и начало синтеза нового взрослого «Я». В этот период процессу познания самого себя придается всеподавляющее значение. Именно этот процесс, а не факторы окружающей среды, рассматриваются как первоисточник всех трудностей и всех нарушений у подростков. У них развивается самосознание, стремление к самоутверждению; их не устраивает отношение к себе как к детям, что приводит к аффективным вспышкам и конфликтам, которые могут быть как межличностными, так и внутриличностными.

4. Психическую травму.

Психосоциальную дезадаптацию могут вызвать отдельные психические состояния, спровоцированные различными психотравмирующими обстоятельствами (конфликты с родителями, друзьями, учителями, неконтролируемое эмоциональное состояние, вызванное влюбленностью, переживанием семейных разладов и т.п.).

Таким образом, причинами патологического изменения личности подростка являются социальные и биологические факторы, которые действуют не изолированно, а тесно взаимодействуют.

Типы акцентуаций характера в подростковом возрасте и их влияние на возможные отклонения в поведении

Приведем описание типов акцентуаций характера у подростков (по А.Е. Личко), выделяя наиболее важные, ключевые моменты, опираясь на которые психологи и социальные педагоги могут дать объективную оценку характерологических особенностей, распознать наличие акцентуаций и разработать приемы и методы коррекционной работы. Отметим, что в нашей стране для диагностики акцентуации характера наиболее популярен «Патохарактерологический диагностический опросник» (ПДО) А.Е. Личко и Н.Я. Иванова, который предназначен для определения типов акцентуации характера в подростковом возрасте (14-18 лет). А.Е. Личко выделяет такие типы акцентуаций характера [64].

Гипертимный (возбудимый) тип.

Основные признаки: с раннего детства подвижность, общительность, чрезмерная самостоятельность, склонность к озорству,

легкость общения и быстрота усвоения учебного материала. Любят компании сверстников, в которых стремятся командовать.

Главная черта гипертимов – у них почти всегда хорошее настроение. Лишь изредка они могут проявлять гнев, агрессию, причинами которых, как правило, служат противодействия со стороны окружающих, стремление «укротить» детей. Иногда у гипертима гнев может вызываться осознанием собственных неудач.

Гипертимы плохо переносят одиночество и жесткий режим, поэтому первые трудности в психологическом плане у таких детей возникают при поступлении в школу – они неусидчивы, отвлекаемы. Учатся гипертимы очень неровно.

Привлекательные черты характера: энергичность, оптимизм, щедрость, стремление помочь людям, инициативность, разговорчивость, жизнерадостность, причем настроение почти не зависит от того, что происходит вокруг. Но высокий жизненный тонус, брызжущая энергия, неудержимая активность и жажда деятельности сочетаются с тенденцией разбрасываться и не доводить начатое дело до конца.

Отгаливающие черты характера: поверхностность, неспособность долго сосредоточиваться на каком-либо конкретном деле или мысли, постоянная спешка (стремление заняться чем-то более интересным в данный момент), перескакивание с одного дела на другое (может записаться сразу в несколько кружков или секций, но ни в один из них больше 1-2 месяцев не ходит); неорганизованность, фамильярность, легкомысленность, готовность на безудержный риск, грубость (но без всякого зла), склонность к прожектерству и аморальным поступкам (в которых, впрочем, он сразу же готов покаяться).

«Слабое звено»: не переносит однообразной обстановки, монотонного труда, требующего тщательной кропотливой работы, или резкого ограничения общения; угнетает одиночество или вынужденное безделье.

Формы нарушения поведения. По отношению к законам гипертимы очень четко прослеживают грань дозволенного и недозволенного, поэтому делинквентное поведение проявляется у них обычно в форме мелких асоциальных поступков и правонарушений, чаще всего для показа сверстникам своей смелости. Данному типу свойственно раннее начало половой жизни вследствие рано созревающего полового влечения, возможны беспорядочные сексуальные связи.

Гипертимы отличаются особой неустойчивостью к влиянию компаний в отношении соблазна злоупотребления алкоголем, наркотиками и другими психоактивными веществами. Алкоголь вызывает у них выраженную эйфорию. Гашиш воспринимается как средство, способствующее групповой коммуникации, сплочению группы («сигарета по кругу»). Этот же мотив может сделать заманчивым в младшем подростковом возрасте злоупотребление ингалянтами (токсикоманию).

К внутривенным вливаниям опиатов гипертимы менее расположены: опиумный «кайф» в бездеятельном одиночестве для них не очень соблазнителен. Транквилизаторы тоже мало привлекают гипертимов: расслабленность и сонливость им ни к чему.

Главная отличительная черта подростков этого типа – возможность длительного злоупотребления без развития зависимости. Это относится как к алкоголю, так и к другим психоактивным веществам. Возможно, что присущие гипертивам высокий биологический тонус, постоянное стремление к деятельности, живой интерес к окружающему препятствуют быстрому развитию индивидуальной психической зависимости при том, что групповая зависимость может возникать легко. Зато у гипертимов нередко выражен первичный поисковый полинаркотизм.

Для гипертимов не характерна лживость.

14-18 лет – самый благоприятный возраст для проявления гипертимности. Примерно каждый десятый юноша и каждая двадцатая девушка гипертимны на уровне психопатии. Главная причина этого – семья.

Циклоидный тип.

Основные признаки: чередование фаз хорошего и плохого настроения с различным периодом. Чаще всего это скрытый тип. В детстве циклоиды ничем не отличаются от сверстников, но с наступлением подросткового возраста у них возникает первая субдепрессивная фаза (субдепрессия – это маловыраженная депрессия, для которой характерны склонность к апатии, вялость, ощущение, что все валится из рук). В этот период циклоиды начинают тяготиться обществом и компанией, у них резко снижается работоспособность. Серьезные неудачи в период субдепрессии могут вызвать аффективную реакцию и суицидальные попытки.

Субдепрессивная фаза длится 2-3 недели, после чего настроение повышается, циклоиды становятся по поведению гипертивами

и начинают наверстывать упущенное в период субдепрессивной фазы. Такое состояние подъема настроения сразу же после субдепрессивной фазы называется *гипоманией*.

Привлекательные черты характера: инициативность, жизнерадостность, общительность в периоды гипомании, когда циклоиды похожи на гипертима.

Отталкивающие черты характера: непоследовательность, неуравновешенность, безразличие, вспышки раздражительности, чрезмерной обидчивости и придирчивости к окружающим (в периоды подъема настроения). Грусть, задумчивость, вялость, упадок сил, трудности в учебе и в жизни, раздражаемость компаниями сверстников, еще недавно привлекавшими (во время спада). Ошибки, мелкие неприятности, которые случаются с ними в этот период из-за плохого самочувствия, переживаются ими очень тяжело, тем более, что есть, с чем сравнивать, ведь еще день-два назад все легко получалось. На реплики и замечания отвечают с недовольством и грубостью, хотя в глубине души сильно переживают эти внезапные для них изменения. Но чувства безысходности не бывает, поскольку они понимают, что пройдет определенной время, и все снова станет хорошо.

«Слабое звено»: трудно переносят эмоциональное отвержение со стороны значимых для них людей и коренную ломку жизненных стереотипов.

Формы проявления дезадаптации. Субдепрессия или депрессия с раздражительностью и придирчивостью не только к старшим, но и к сверстникам, с утомляемостью, вялостью, стремлением к домохозяйству, ощущением собственной несостоятельности и неуверенностью.

Циклоидам не свойственна делинквентность и грубые формы нарушения поведения. Девиантное поведение появляется в периоды подъема настроения.

В гипертимной фазе они ведут себя соответствующим образом и в отношении алкоголя и других психоактивных веществ. Но когда эта фаза кончается, прекращается и злоупотребление.

В субдепрессивной фазе может появиться желание поднять настроение. Но попытки сделать это с помощью стимуляторов или алкоголя чаще всего ожидаемого эффекта не дают (характерная черта циклоидов в отношении алкоголя – они не употребляют его «с горя» в период субдепрессивной фазы, только в период гипоман-

нии). Алкоголь может даже усугублять депрессию. Стимуляторы способны вызвать внутреннее беспокойство и тревогу. Зато транквилизаторы несколько улучшают настроение, поэтому во время субдепрессивной фазы циклоиды могут даже пристраститься к какому-либо транквилизатору. Но когда эта фаза минует, они легко прекращают его прием.

Лабильный тип.

Основные признаки: резкая смена настроений в зависимости от ситуации. В детстве лабильный ребенок тоже ничем не отличается от сверстников, но у него есть склонность к невропатии, – отмечается крайняя изменчивость настроения по ничтожным поводам.

Лабильному типу свойственна преданная дружба, от друга они ждут понимания и способности выслушать их, когда им хочется «поплакаться в жилетку». Друг у таких детей обычно бывает один.

Похвала таким детям совершенно не вредна, – она не приводит к заносчивости. В компаниях сверстников такие дети любят быть баловнями.

Привлекательные черты характера: общительность, добродушие, чуткость и привязанность, искренность и отзывчивость (в периоды приподнятого настроения). Лабильного подростка отличают глубокие чувства, искренняя привязанность к тем, с кем он в хороших отношениях, причем эта привязанность сохраняется, несмотря на изменчивость его настроения.

Отталкивающие черты характера: раздражительность, вспыльчивость, ослабленный самоконтроль, склонность к конфликтам (в периоды подавленного настроения). Во время простого разговора может вспыхнуть, у него на глазах могут навернуться слезы, готов сказать что-нибудь дерзкое, обидное.

«Слабое звено»: сильно переживает эмоциональное отвержение со стороны значимых для него людей, утрату близких или разлуку с теми, к кому привязан.

Формы проявления дезадаптации: переживания самого пессимистичного характера по незначительным поводам, унылое и мрачное расположение духа в ответ на неловкую шутку, которой взрослые не предали внимания и забудут мгновенно. Возможные острые аффективные реакции, депрессии, неврозы.

Девиантное поведение лабильным подросткам не свойственно. Эта акцентуация сама по себе мало благоприятствует и злоупотреблению психоактивными веществами: чаще всего средством зло-

употребления оказываются ингалянты (в младшем и среднем подростковом возрасте). Вовлечение в алкоголизацию или употребление других психотропных веществ чаще всего связано с влиянием компании.

Астеноневротический тип.

Основные признаки: быстрая утомляемость, раздражительность, склонность к депрессиям и ипохондрии (повышенному вниманию к своему здоровью). С детства характерны признаки невропатии (капризность, ночные страхи, заикание), повышенная утомляемость, раздражительность. Такие дети раздражаются по любому поводу, но потом быстро раскисают. Дети с такой акцентуацией плохо переносят поездки в общественном транспорте, быстро устают от компании. Они не стремятся к близким отношениям из-за своей пугливости и неуверенности в себе, не проявляют инициативы. Круг друзей у них ограничен, прежде всего, из-за их внезапной раздражительности и частых капризов.

Привлекательные черты характера: аккуратность, дисциплинированность, скромность, покладистость, исполнительность, дружелюбие, незлопамятность.

Отталкивающие черты характера: капризность, плаксивость, неуверенность в себе, вялость, забывчивость. Такие подростки робки, стеснительны, с явно заниженной самооценкой, не могут постоять за себя. Они испытывают большую тревогу в случае изменения внешних обстоятельств, ломки стереотипов, так как у них одним из механизмов психологической защиты является привыкание к одним и тем же вещам или укладу жизни.

Слабое звено: сильная утомляемость и раздражительность, которые могут привести к аффективным вспышкам.

Формы проявления дезадаптации. Девиантное поведение астеноневротикам не свойственно, более того, они отличаются даже повышенной устойчивостью в отношении алкоголизации, наркомании и употребления других психоактивных веществ. Лишь в некоторых условиях, например на Крайнем Севере, когда полярная зима с неизбежным световым голодом сменяется солнечной весной, у них может обнаружиться тяготение к транквилизаторам.

Сензитивный (тревожный) тип.

Основные признаки: повышенная впечатлительность, боязливость, обостренное чувство собственной неполноценности. Подростков этого типа отличают чрезмерная чувствительность и высокие

моральные требования к себе. В детстве они пугливы, стараются избегать чрезмерно подвижных игр, предпочтение отдают тихим играм или играм с малышами, очень замкнуты среди посторонних. Чрезвычайно привязаны к родным. У них рано формируется чувство долга, поэтому учатся они очень старательно, но побаиваются контрольных.

Привлекательные черты характера: доброта, спокойствие, внимательность к людям, чувство долга, высокая внутренняя дисциплинированность, ответственность, добросовестность, самокритичность, повышенная требовательность к себе, стремление преодолеть свои слабые стороны.

Отталкивающие черты характера: мнительность, пугливость, замкнутость, склонность к самобичеванию и самоуничижению, растерянность в трудных ситуациях, повышенная обидчивость и конфликтность на этой почве. Внутренняя неуверенность в себе может компенсироваться внешней бравадой.

«Слабое звено»: не переносит насмешек или подозрения в неблагоприятных поступках, недоброжелательное внимание или публичные обвинения.

Формы проявления дезадаптации: отгороженность от сверстников, избегание общения с новыми людьми в детские годы. В 16-19 лет характер может преобразиться: девочки из робких и застенчивых могут превратиться в заводил на дискотеках; мальчики могут начать бравировать своими недостатками перед учителями и родителями для преодоления внутреннего чувства неполноценности. Такие подростки (и мальчики, и девочки) могут стремиться стать старостами или редакторами стенных газет, но, потерпев неудачу, дезадаптируются, так как не могут подтвердить своих амбиций в силу заниженности самооценки и неспособности утвердить себя.

У таких подростков часты реакции компенсации и гиперкомпенсации. Так, например, в конфликты и драки они могут вступать для преодоления внутренней неуверенности в себе. Нарушения поведения возникают чаще в результате психических травм. Особенности сексуального поведения состоят в выраженных переживаниях и самообвинении по поводу онанизма, чувства сексуальной неполноценности.

Данному типу свойственно совершать суицидальные попытки под влиянием длительных переживаний неудач, чувства собственной неполноценности.

Делинквентность не свойственна.

Сензитивные подростки отличаются даже повышенной устойчивостью относительно соблазнов употребления психоактивных веществ.

Психастенический тип.

Основные признаки: высокая тревожность, мнительность, нерешительность, склонность к самоанализу и постоянным сомнениям, тенденция к образованию ритуальных действий.

В детстве робкие, пугливые, склонные к рассуждательству. В начальной школе у них появляются *фобии* (страхи) и *абсессии* (навязчивости). Критический период в их развитии – начальная школа. От таких детей нельзя требовать дополнительных занятий, посещения секций, кружков.

В подростковом возрасте у них проявляется нерешительность, тревожная мнительность. Принять решение или сделать выбор – это для них самая трудная задача, причем даже после принятия решения вновь следуют долгие сомнения и раздумывания о правильности сделанного выбора. Люди этого типа – прирожденные пессимисты, опасющиеся будущего и ожидающие неудач. Подростки такого типа сильны лишь на словах, но отнюдь не на деле. Это буквоеды и педанты, стремящиеся путем предварительного обдумывания и тщательного планирования обезопасить себя от часто ими же придуманных будущих неприятностей.

Привлекательные черты характера: аккуратность, серьезность, добросовестность, рассудительность, самокритичность, ровное настроение, верность данным обещаниям, надежность.

Отталкивающие черты характера: нерешительность, определенный формализм, безынициативность, склонность к бесконечным рассуждениям, самокопание, наличие навязчивых идей и опасений, причем эти опасения связаны, главным образом, с возможным событием, даже маловероятным в будущем (по принципу «как бы чего не случилось»). Именно поэтому психастеники так верят в приметы и всевозможные талисманы, считая их панацеей от всех бед.

Другая формальная защита от постоянных страхов – сознательный формализм и педантизм, в основе которых лежит идея о том, что если все заранее тщательно продумать, предусмотреть и только потом действовать, ни на шаг не отступая от заранее намеченного плана, то только тогда ничего плохого не случится. Таким подро-

сткам очень трудно принять практически любое решение, они все время сомневаются, все ли обстоятельства и возможные последствия они учли. При этом они думают уже не о том, как добиться успеха, а о том, как избежать возможных неудач и неприятностей. Но если решение принято, то психастеник начинает действовать медленно, так как боится сам за себя – «а вдруг передумаю?»).

«Слабое звено»: боязнь ответственности за себя и за других.

Формы проявления дезадаптации. Дезадаптация проявляется редко, поскольку тревожные опасения касаются будущего, трудности же и невзгоды в настоящем переносятся легко, с завидным спокойствием. Дезадаптация может проявляться в невротических заболеваниях.

Как и подростки предыдущего типа, сензитивные, психастеники отличаются даже повышенной устойчивостью в отношении соблазна употребления алкоголя, наркотиков и других психоактивных веществ.

Шизоидный тип.

Основные признаки: отгороженность, замкнутость, интроверсия, эмоциональная холодность, проявляющиеся в отсутствии сопереживания, трудностях установления эмоциональных контактов; недостаток интуиции в процессе общения.

Шизоидные черты проявляются раньше других – с раннего возраста такие дети предпочитают играть в одиночестве. Они тянутся к взрослым, где легче молчать и как бы оставаться наедине с собой.

В подростковом возрасте у таких детей есть трудности с развитием *эмпатии* (сопереживание чужим радостям и печалям), они не умеют вступать в неформальные контакты, их внутренний мир остается закрытым и непонятым для окружающих. Они очень любят книги, причем избирательно. У них могут быть странные хобби – изучать, к примеру, китайские иероглифы, но занимаются они этим только для себя. Если они занимаются коллекционированием, то их коллекции, как правило, уникальны. Им очень хорошо даются тонкие ручные навыки.

Привлекательные черты характера: серьезность, несуетливость, немногословие, устойчивость интересов и постоянство занятий. Это, как правило, неприхотливые, умные и даже талантливые школьники.

Шизоид очень продуктивен, может долго трудиться над своими идеями, но не «пробивает» их, не добивается их претворения в жизнь.

Отгалкивающие черты характера: замкнутость, холодность, излишняя рассудочность.

Шизоид малоэнергичен, малоактивен при интенсивной работе, как физической, так и интеллектуальной. Он эмоционально холоден, почти не выражает никаких эмоций: не печалится и не радуется, не сердится и не смеется. Он равнодушен к чужой беде, может быть даже жестоким, но этот его эгоизм не сознательный, он просто не замечает чужого горя. В то же время шизоид может быть и сам легкоранимым, поскольку очень самолюбив и не любит, когда критикуют его образ жизни, его «систему».

«Слабое звено»: не переносит ситуаций, в которых нужно устанавливать неформальные эмоциональные контакты, и насильственное вторжение посторонних в его внутренний мир.

Формы проявления дезадаптации. Полное замыкание в себе, усиление чувства одиночества. Иногда характерны чудаковатые поступки. У шизоидов могут уживаться противоположные чувства – настороженность и легкоеверие, необщительность и назойливость, застенчивость и бестактность, рациональные рассуждения и нелогичные поступки. Это говорит об отсутствии внутреннего единства.

Делинквентные поступки шизоиды совершают редко, однако подростки этого типа могут совершать асоциальные действия ради «борьбы за справедливость» или ради какой-то идеи, либо в каких-то вычурных формах (воровство только через форточку, например).

С наступлением половой зрелости все шизоидные черты обостряются. Неудачные попытки завязать дружеские отношения вызывают еще больший «уход в себя». К дефициту интуиции, характерной для шизоидов, добавляется недостаток переживаний. Это может привести к жестоким поступкам, в которых, впрочем, нет садизма.

Подростки шизоидного типа могут быть склонными к препаратам опиума и гашишу. Опиумный «кайф» с его ленивым покоем, уединением, мечтами, может оказаться особенно «созвучным» шизоидному характеру. Если подростки с шизоидной акцентуацией начинают злоупотреблять препаратами на основе опиума (они легко соглашаются на внутривенные вливания), то у них сравнительно быстро формируется психологическая, а затем и физическая зависимость от наркотиков.

В младшем подростковом возрасте для стимуляции фантазий, которыми шизоиды любят предаваться, они могут использовать

ингалянты, способствующие именно «визуализации» представлений (пятновыводители или некоторые сорта клея, содержащие эфир или ацетон). В старшем подростковом возрасте подростки с шизоидной акцентуацией нередко тяготеют к группам, увлекающимся восточной философией или оккультизмом. В этих группах они могут приобщиться к гашишу (на их сленге – «травке»), а затем продолжить его курение в одиночку. Во время гашишного опьянения (точнее будет сказать «одурманивания») шизоиды нередко рисуют, пишут стихи.

Алкоголь для подростков с шизоидной акцентуацией может играть роль «коммуникативного допинга». Небольшое количество, чаще крепких напитков, они употребляют в ситуации, когда возникает необходимость активного общения со сверстниками.

Внешняя «асексуальность» шизоидов сочетается с упорным онанизмом и сексуальными фантазиями. Неумение ухаживать за девушками может привести к *перверзиям* – подглядыванием за обнаженными половыми органами, эксгибиционизму.

Суицидальные попытки для шизоидов не свойственны.

Истероидный (демонстративный) тип.

Основные признаки: ярко выраженная тенденция к вытеснению неприятных для него фактов и событий, лживость, фантазирование и притворство, используемые для привлечения к себе внимания, авантюристичность, тщеславие, «бегство в болезнь» при неудовлетворенной потребности в признании.

С детства подростки этого типа привыкли быть в центре внимания. Они крайне эгоцентричны, обладают ненасытной жадой внимания к своей особе, стремятся любыми средствами добиваться восхищения, признания, сочувствия; при этом порой ненависть и негодование в свой адрес предпочитают безразличию.

Привлекательные черты характера: упорство и инициативность, коммуникабельность и целеустремленность, находчивость и активность, ярко выраженные организаторские способности, самостоятельность и готовность взять на себя руководство, энергичность (хотя истероид быстро выдыхается после выплеска энергии).

Отталкивающие черты характера: склонность к интригам и демагогии, лживость и лицемерие, задиристость и бесшабашность, необдуманнный риск (но только в присутствии зрителей), похвальба несуществующими успехами, учет только собственных желаний, явно завышенная самооценка, обидчивость (когда задевают его лично).

«Слабое звено»: неспособность переносить удары по эгоцентризму, разоблачение, особенно публичное, его вымыслов, а тем более их высмеивание (это может привести к аффективным реакциям).

Формы проявления дезадаптации. Прежде всего, это преувеличение своих способностей и возможностей, рассказы о несуществующих «подвигах», чрезмерное фантазирование. Кроме того, истероид способен на любые действия, способные привлечь утраченное внимание, в том числе и экстравагантные.

У подростков с истероидной акцентуацией особенно ярко проявляются возрастные реакции. Реакция эмансипации проявляется в основном на словах, в форме громогласных требований свободы. Внешние ее проявления, в том числе и побеги из дома, носят демонстративный характер. Часто проявляется реакция оппозиции с требованиями вернуть утраченное внимание. Общение в группе сверстников сопряжено с претензиями на лидерство или исключительность. Такие подростки могут менять группу, если оказались разоблаченными во лжи или несостоятельности притязаний. Что касается реакции увлечения, то подростки истероидного типа увлекаются тем, чем можно привлечь к себе внимание, часто выбирая для этого занятия оригинальные или занятия с броскими внешними атрибутами.

Большинство поведенческих нарушений, в том числе и алкоголизация и даже суицидальные попытки, носят несерьезный, демонстративный характер и служат целям привлечения внимания.

Истероиды обнаруживают абсолютную склонность к стимуляторам. Вероятно, эти средства помогают им казаться больше или значимее, чем они есть на самом деле. Стимуляторы не просто повышают их активность, но и дают те ощущения, которых истероидам подсознательно не хватает, – вселяют уверенность в себе, в своих силах.

Наименее всего популярны у истероидов ингалянты.

В употребляющих алкоголь компаниях истероиды стремятся показать свою выносливость к алкоголю, стремятся всех «перепить». В рассказах об употреблении наркотиков они бывают склонны преувеличивать дозы, красочно расписывать свою наркотическую «карьеру». Однако детальный расспрос обычно выявляет поверхностность их знаний о том, о чем они перед тем красочно, в деталях рассказывали.

И, наконец, две последние акцентуации характера, которые считаются наиболее опасными в плане девиантного поведения.

Наиболее часто делинквентное поведение встречается у **неустойчивых** личностей – по данным А.Е. Личко (1983), в 75 % случаев. При этом для подростков с этой акцентуацией типичны два возрастных пика: первый – при переходе из IV в V класс, что совпадает с началом пубертатного периода и усложнением программы, и второй – после окончания 9-летнего образования и при переходе к профессиональному обучению.

Основные признаки: склонность легко поддаваться влиянию окружающих, постоянный поиск новых впечатлений или компаний, умение легко устанавливать контакты, которые, впрочем, носят поверхностный характер.

Подростков этого типа все время тянет к развлечениям, причем к таким, которые не требуют волевых усилий. Их характерная черта – безволие – проявляется в отношении к учебе, к работе по дому, к общественной работе. Они неспособны к деятельной активности, как к общественно полезной, так и к делинквентной.

С 12-14 лет такие подростки начинают выпивать, бесцельно бродить по улицам, заниматься мелким воровством. У них отсутствует желание учиться и работать, они безразличны к своему будущему, неспособны на настоящую дружбу.

Привлекательные черты характера: общительность, открытость, доброжелательность, быстрота переключения внимания в делах и в общении.

Часто внешне такие подростки послушны, готовы искренне выполнить просьбу взрослых, но их желание быстро пропадает, и через некоторое время (иногда это совсем незначительный период) они или забывают о своем обещании, или ленятся его выполнить и придумывают массу причин для объяснения невозможности выполнить обещанное.

Отталкивающие черты характера: безволие, тяга к пустому времяпрепровождению и бездумным развлечениям, болтливость, хвастливость, соглашательство, лицемерие, трусость, безответственность.

«Слабое звено»: безнадзорность, бесконтрольность.

Формы проявления дезадаптации: невозможность усвоения морально-этических норм, различные формы нарушения поведения, невозможность завершить учебу из-за прогулов или потери интереса к учебе.

Такие подростки легко вовлекаются в группы, в том числе и асоциальные, где подражают всему дурному и легко идут на совершение группой правонарушений. Уличные компании с детства становятся для них излюбленным местом времяпрепровождения. Они увлекаются поп-музыкой и любят смотреть развлекательные фильмы, склонны в поведении и одежде подражать известным артистам и киногероям, причем чаще для подражания выбирают отрицательных персонажей фильмов.

Подростки неустойчивого типа очень склонны к делинквентному поведению – кражам, разбою, хулиганству. Кроме того, они отличаются самым высоким риском возникновения зависимости от психоактивных веществ. Еще в младшем подростковом возрасте в уличных компаниях они приобщаются к алкоголю и нередко к другим психоактивным веществам, не обнаруживая какой-либо особой предпочтительности. Обычно они избегают только стимуляторов – повышенная активность им не нравится.

Эпилептоидный тип.

Основные признаки: вязкость мышления, скрупулезная педантичность, склонность к злобно-тоскливому настроению с накапливающейся агрессией, которая проявляется в виде приступов гнева и ярости, конфликтности.

Привлекательные черты характера: тщательность, аккуратность, исполнительность, бережливость (часто переходящие в излишний педантизм), надежность (всегда выполняет свои обещания), пунктуальность, внимание к своему здоровью (поэтому здоровье у эпилептоидов, как правило, крепкое).

Отталкивающие черты характера: жестокость, нечувствительность к чужому горю, чрезмерная требовательность, приводящая к раздражительности в связи с замеченным беспорядком, неаккуратностью других или нарушением ими определенных правил. Единственно хороший человек для эпилептоида – он сам.

«Слабое звено»: практически не переносит неподчинения себе и бурно восстает против ущемления своих интересов.

Формы проявления дезадаптации: с первых дней жизни эпилептоиды могут часами плакать, беспрестанно капризничать. У них рано проявляются садистские наклонности.

С 5 – 6 лет для них становятся характерными склонность к дисфориям (расстройствам настроения, характеризующимся напряженным злобно-тоскливым состоянием с раздражительностью, доходя-

щей до взрывов гнева с агрессивностью), аффективная взрывчатость со стремлением сорвать зло на окружающих. Дисфории могут длиться дни и ночи. Поводы для аффектов часто ничтожны, зато сами аффекты ужасны.

В детской компании эпилептоиды претендуют на роль даже не лидеров, а тиранов, властелинов. Они подолгу не прощают обид.

Особенно ярко черты эпилептоидного характера проявляются в 12-19 лет. Подросткам этого типа свойственна выраженная реакция эмансипации, которая при неблагоприятных обстоятельствах приводит к побегам и даже полному разрыву с семьей. Группирование со сверстниками происходит в том случае, если группа дает эпилептоидному подростку власть или позволяет извлечь личную выгоду. Увлечения чаще носят накопительный характер, как правило, эпилептоиды рано приобщаются к коммерции. Делинквентное поведение подростков обычно связано с корыстными целями.

Эпилептоиды равнодушны к жестоко избиваемому ими человеку. Они могут, например, спокойно скинуть малыша с лестницы только за то, что тот показал им кукиш. В драках у эпилептоидов можно заметить покраснение лица, пену у рта, выраженное стремление бить противника по гениталиям.

Сексуальные влечения у подростков эпилептоидного типа возникают очень рано, носят выраженный характер, но поскольку эпилептоид очень заботится о своем здоровье, то он предпочитает одного полового партнера. Он ревнив, не прощает измен. Склонен к сексуальным отклонениям – гомосексуализму, сексуальному насилию. При таком виде акцентуации может встретиться гиперсексуальность. Тогда ко всем психотропным веществам может быть подчеркнута негативное отношение, достигающее даже воинствующей борьбы со злоупотреблениями. Но это негативное отношение часто не распространяется на алкоголь, если только подросток не воспитывался в окружении фанатичных трезвенников.

К наркотикам эпилептоиды относятся крайне неприязненно, в основном, из-за опасения навредить своему здоровью. Однако к психотропным веществам, о которых в подростковой среде бытует представление, что «от этого наркоманом не станешь», подобной устойчивости может и не быть. Это одна из причин того, что в младшем подростковом возрасте эпилептоиды могут проявлять интерес к ингалянтам.

При эпилептоидной психопатии, а также в тех случаях эпилептоидной акцентуации, когда подросток воспитывается в асоциальных условиях и на эпилептоидное «ядро» наслаиваются черты неустойчивой акцентуации, никаких преград к употреблению психоактивных веществ может не быть. Тогда к алкоголю, наркотикам и другим психоактивным веществам подростки этого типа приобщаются легко. А если эпилептоидный подросток начинает чем-то злоупотреблять, то влечение к этому психоактивному веществу пробуждается быстро и отличается значительной силой. Кстати, именно подобные случаи легли в основу представлений о злокачественности подросткового алкоголизма.

При наступлении выраженного опьянения эпилептоидный подросток злобен, пьет до полной «отключки», предпочитает крепкие алкогольные напитки.

У эпилептоидов возможен суицидальный демонстративный шантаж (в качестве мести).

Как видно из приведенных описаний акцентуаций характера, они не случайно рассматриваются в качестве предпосылок девиантного поведения подростков. Во всяком случае, именно акцентуации характера, по мнению **В.А. Аверина** [1], делают подростковый возраст «трудным». А поэтому очень уместен вопрос о распространенности того или иного типа акцентуации среди подростков. И здесь наблюдается интересная закономерность, отмеченная **И.А. Горьковой**. Если в 1985 году акцентуации характера фиксировались у 52 – 62% социально-адаптированных подростков (данные **Н.Я. Иванова**), то в 1989 акцентуации отмечались у 97% подростков, а в 1996 – у 96% (данные И.А. Горьковой [цит. по [1], с. 372–373]. Таким образом, акцентуации стали характерной особенностью подросткового возраста.

Ведущими типами акцентуаций среди социально-адаптированных подростков являются гипертимный – 26%, шизоидный – 19%, лабильный – 15% и эпилептоидный – 13%, а среди подростков-девиантов: гипертимный – 35%, эпилептоидный – 25% и шизоидный – 21%. Таким образом, хотя акцентуации характера – это неотъемлемая характеристика подросткового возраста, имеется определенная специфика в их распределении у социально-адаптированных подростков и правонарушителей. У последних в сравнении с законопослушными преобладает эпилептоидный тип.

Результаты изучения степени распространенности и выраженности акцентуаций характера у 14–15 летних подростков с помощью опросника Х. Шмишека, предпринятого в 1995–1997 годах [1], позволяют сделать вывод о том, что среди девиантов в сравнении с законопослушными значительно меньше представлены гипертимный, тревожный и эмотивный типы акцентуаций. Иначе говоря, среди девиантов гораздо меньше подростков общительных, энергичных и оптимистичных (гипертимный тип), робких, тревожных, пугливых (тревожный тип) и эмоционально-чувственных, мягких и участливых (эмотивный тип). Сами по себе эти личностные особенности не следует рассматривать в качестве значимых детерминант девиантного поведения. Но в сочетании с другими личностными параметрами (например, самосознанием) они могут стать предпосылками и для формирования агрессивного, противоправного поведения и закрепления девиантных черт личности.

В заключении этой очень сложной темы приведем слова выдающегося немецкого психиатра Карла Леонгарда: «Я убежден, что мы не достигнем должной глубины при изучении структуры личности, если будем основываться на одних теоретических рассуждениях или на экспериментальных исследованиях. Необходимо обследовать человека как такового, каким он предстает в жизни, – это позволит проверить данные и теории, и эксперимента... Только то, что может быть выведено из непосредственных наблюдений над живыми людьми и их поступками, следует считать психологически достоверным. И в первую очередь здесь имеется в виду психология личностей, называемая мною акцентуированными» [цит. по [47, с. 30].

ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ЗАВИСИМОСТЬЮ ОТ ПСИХО-АКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

VI. Агрессивное поведение

Общие понятия и определение агрессии

Сейчас каждый год в мире умирает, по разным данным, от 50 до 55 млн. человек. В развитых странах, по данным ООН на начало 1991 года, ежегодно умирает 11,7 млн. человек [57]. Из них около 750 тысяч умирают насильственной смертью (в это число включается и гибель людей от дорожных происшествий). Но это еще не самое страшное (хотя и радостным это не назовешь). Именно в завершеншемся совсем еще недавно XX веке (веке, когда был изобретен пенициллин, спасший миллионы человеческих жизней; когда стали проводиться операции на открытом сердце и делалось еще много всего для спасения человеческих жизней), жили и люди, которые **лично** отправили на тот свет наибольшее число людей за всю многовековую историю человечества.

6 августа 1945 года экипаж американского бомбардировщика В-29 сбросил атомную бомбу под кодовым названием «Малыш» на японский город Хиросиму. В результате произошедшего взрыва погибли в общей сложности 140 тыс. человек. В экипаже того бомбардировщика было 12 человек, но за штурвалом самолета в момент бомбометания был летчик **Томас Фереби**, и он же лично нажал на кнопку сброса бомбы.

Незавидное второе место в этом неприглядном заочном конкурсе убийц занял экипаж другого американского самолета, совершившего атомную бомбардировку города Нагасаки 9 августа 1945 года. На этот раз атомная бомба «Толстяк» разрушила треть этого японского города на о. Кюсю и уничтожила около 75 тыс. человек. Еще 35 тыс. человек умерли после того злополучного дня от ран и лучевой болезни. В момент бомбометания самолет пилотировал майор Суиней, а кнопку сброса атомной бомбы нажал лейтенант американских ВВС **Ашворт** [57].

И все-таки, несмотря на столь трагичное еще совсем недавнее прошлое сейчас во всем мире на вооружение и содержание армий

разными странами расходуется около 3 млрд. (миллиардов!) долларов в день! [66].

Откуда же в человеке это страстное желание навредить, причинить боль собратьям? Почему люди действуют агрессивно? Какие меры необходимо принять для того, чтобы предотвратить или взять под контроль подобное деструктивное поведение?

Эти и подобные вопросы занимали многих мыслителей не только в упомянутом XX веке. Лучшие умы человечества пытались ответить на эти вопросы с различных позиций – с точки зрения философии, поэзии, религии. Однако только в XX столетии данная проблема стала предметом систематического научного исследования, поэтому неудивительно, что не на все вопросы, возникающие в связи с проблемой агрессии, найдены ответы. Тем не менее, налицо явный прогресс.

Одно из самых, пожалуй, фундаментальных на сегодняшний день исследований агрессии предприняли **Роберт Бэрон** и **Дебора Ричардсон**. Их книга, которая так и называется «Агрессия», впервые увидела свет в Нью-Йорке в 1977 году, затем выдержала повторное издание в 1994, а на русском языке вышла в 1997 году в издательстве «Питер» в серии «Мастера психологии». В своей книге эти ученые сделали исчерпывающий анализ теорий, показали разнообразие экспериментальных подходов, обобщений и выводов по этой проблеме и дали такое определение:

Агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения [17, с. 26].

На первый взгляд, это определение кажется простым и тесно связанным с пониманием агрессии с позиций обыденного сознания. Однако при более внимательном изучении оказывается, что оно включает в себя некоторые особенности, которые требуют более глубокого анализа.

1. Агрессию надо рассматривать как модель *поведения*, а не как эмоцию (например, злость), мотив (стремление оскорбить или навредить) или установку (расовые или этнические предрассудки, например). Несмотря на то, что все эти факторы, несомненно, играют важную роль в поведении, результатом которого становится причинение ущерба, их наличие не является необходимым условием для подобных действий.

Действительно, злость вовсе не является необходимым условием нападения на других: агрессия может разворачиваться как в состоянии полнейшего хладнокровия, так и в состоянии чрезвычайного эмоционального возбуждения.

Также совершенно необязательно, чтобы агрессоры ненавидели или даже хотя бы просто не симпатизировали тем, на кого направлены их агрессивные действия. Более того, как это ни покажется на первый взгляд странным, часто причиняют страдания людям, к которым относятся скорее положительно, чем отрицательно (пример тому – насилие в семье).

2. Агрессия предполагает действия, посредством которых агрессор *намеренно* причиняет ущерб своей жертве.

3. Из представления о том, что агрессия предполагает или ущерб, или оскорбление жертвы, следует, что нанесение телесных повреждений *реципиенту* (от лат. *recipientis* – принимающий; в данном контексте – жертва агрессии) не является обязательным. Агрессия имеет место, если результатом действий являются какие-либо *негативные* последствия. Таким образом, кроме оскорбления действием, такие проявления как выставление кого-либо в невыгодном свете, очернение или публичное осмеяние, лишение чего-то необходимого и даже отказ в любви и нежности могут, при определенных обстоятельствах, быть названы агрессивными.

4. Только те действия, которые причиняют вред или ущерб *живым существам*, могут рассматриваться как агрессивные по своей природе.

Если, например, молотком изуродовать автомобиль, принадлежавший другому человеку, пусть даже вашему врагу, то это действие имеет большое сходство с агрессивным поведением. Но подобное действие все же лучше расценивать как эмоциональное по своей природе, а не агрессивное, ибо при этом не был причинен вред живому существу.

5. Об агрессии можно говорить лишь в том случае, когда *жертва стремится избежать подобного обращения*.

В большинстве случаев объекты физического насилия хотят избежать подобного обращения с собой. Однако иногда жертвы оскорбления или каких-то болезненных действий не стремятся избежать неприятных для себя последствий. Это бывает, например, при садомазохистских любовных играх. В этом случае партнеры явно наслаждаются получаемыми страданиями или, по крайней

мере, не предпринимают усилий, чтобы избежать или уклониться от подобных специфических действий.

То же самое можно отнести и к самоубийству (более подробно о суициде мы будем говорить несколько ниже). Сейчас же отметим лишь, что в этом случае агрессор выступает в роли своей собственной жертвы, поэтому подобные действия не могут быть классифицированы как агрессия.

Учитывая все эти оговорки и условия, при которых американскими авторами рассматривается агрессия, остановимся на определении агрессии, которое дается в словаре практического психолога 1998 года выпуска:

***Агрессия** (от лат. *aggredi* – нападать) – это индивидуальное или коллективное поведение или действие, направленное на нанесение физического или психического вреда либо даже на уничтожение другого человека или группы [96, с. 9].*

Некоторые проявления агрессии могут быть признаком развивающихся патопсихологических изменений личности, таких как возбудимая психопатия, паранойя, эпилепсия и т.п., но мы в своей работе будем рассматривать только непатологические формы агрессивного поведения.

От агрессии следует отличать ***агрессивность***, то есть готовность к агрессивному поведению, которая рассматривается как устойчивая черта личности.

Виды агрессии

Ввиду того, что проявления агрессии у людей бесконечны и многообразны, мы ограничимся при изучении подобного поведения некоторыми рамками, которые предложил А. Басс (1976). По его мнению, почти любое агрессивное поведение можно описать на основе трех шкал: *физическая-вербальная, активная-пассивная, прямая-непрямая*. Их комбинация дает восемь возможных категорий, под которые подпадает большинство агрессивных действий (они сведены в табл. 1) (цит. по [17, с. 29]).

Категории агрессии по Бассу

ТИПЫ АГРЕССИИ	ПРИМЕРЫ
Физическая – активная – прямая	Нанесение другому человеку ударов холодным оружием, избиение или ранение его при помощи огнестрельного оружия
Физическая – пассивная – прямая	Стремление физически не позволить другому человеку достичь желаемой цели или заняться желаемой деятельностью (например, сидячая забастовка)
Физическая – активная – непрямая	Закладка мин-ловушек; сговор с наемным убийцей с целью уничтожения врага
Физическая – пассивная – непрямая	Отказ от выполнения необходимых задач (например, отказ освободить территорию во время сидячей забастовки)
Вербальная – активная – прямая	Словесное оскорбление или уничтожение другого человека
Вербальная – активная – непрямая	Распространение злостной клеветы или сплетен о другом человеке
Вербальная – пассивная – прямая	Отказ разговаривать с другим человеком, отвечать на его вопросы
Вербальная – пассивная – непрямая	Отказ дать определенные словесные пояснения или объяснения (например, отказ высказаться в защиту человека, которого незаслуженно критикуют)

Кроме уже перечисленных восьми категорий агрессии на основе трех шкал, выделенных Бассом, есть еще формы агрессии. К основным формам агрессии относятся: агрессия реактивная, агрессия враждебная, агрессия инструментальная и аутоагрессия [17].

Реактивная агрессия возникает как реакция субъекта на фрустрацию* и сопровождается эмоциональным состоянием гнева, враждебности, ненависти. Реактивная агрессия, в свою очередь,

* **Фрустрация** – психическое состояние переживания неудачи, возникающее при наличии реальных или мнимых непреодолимых препятствий на пути к некоей цели [96, с. 734].

подразделяется на: 1) агрессию аффективную; 2) агрессию импульсивную; 3) агрессию экспрессивную.

Несмотря на кажущуюся схожесть, эти три вида реактивной агрессии следует различать.

Аффективная агрессия – агрессивные действия, совершаемые в состоянии сильного и относительно кратковременного психического возбуждения, в эмоциональном состоянии, связанном с резким изменением важных для субъекта жизненных обстоятельств, то есть в состоянии аффекта.

Импульсивная агрессия – это агрессивные действия, совершаемые под влиянием случайных внутренних побуждений (импульсов).

Экспрессивная агрессия – агрессивные действия, совершаемые под влиянием сильных переживаний.

Аутоагрессия (от греч. *autos* – сам) – агрессия, направленная на самого себя (например, самоубийство).

Термин **«враждебная агрессия»** применим в тех случаях, когда главная цель агрессора – причинение страдания жертве. Люди, проявляющие враждебную агрессию, просто стремятся причинить зло или ущерб тем, на кого они нападают.

Понятие **«инструментальная агрессия»**, наоборот, характеризует случаи, когда агрессоры нападают на других людей, преследуя при этом цели, не связанные с причинением вреда, т.е. в данном случае нанесение ущерба – это не самоцель нападения. В подобных случаях агрессор использует агрессивные действия в качестве своеобразного инструмента для осуществления своих желаний. Такие цели агрессивного поведения, не предполагающие причинение ущерба, включают, в частности, мотивы принуждения реципиента или самоутверждения агрессора. Например, некоторые дети используют разнообразные формы негативного поведения (стучат кулаками, капризничают и отказываются слушаться) для того, чтобы удержать свою власть над членами семьи, как это бывает при некоторых типах ошибок семейного воспитания (более подробно об этом было написано в первой главе). Если таким «маленьким агрессорам» периодически удастся вынудить капризами своих жертв (членов семьи) пойти на уступки, то подобное поведение закрепляется и повторяется все более часто.

Яркий пример инструментальной агрессии – поведение групп подростков, которые слоняются по улицам больших городов в по-

исках приключений: потребовать у припозднившегося прохожего кошелек или сорвать с жертвы дорогие украшения. Иногда насилие может потребоваться и при совершении кражи, когда жертва заметит это и начнет сопротивляться. Однако все-таки основная мотивация подобных противоправных действий – нажива, а не причинение физической боли жертвам.

Разные ученые предлагали разные термины для определения этих двух типов агрессии: «обусловленная раздражителем» и «обусловленная побуждением», «реактивная» и «проактивная» и т.п. Но независимо от выбранных терминов очевидно: есть два типа агрессии, которые мотивированы различными целями [17].

Развитие агрессивности в детском возрасте

Мировая статистика говорит, что убийцы-подростки – это не редкость даже в весьма цивилизованных странах. Интересные статистические данные по этому поводу привел А. Лаврин [57]. В ФРГ, например, был случай, когда 13-летний школьник застрелил пенсионерку в возрасте 81 года. Но особенно много таких историй в США. Так, осенью 1990 года в пригороде Чикаго 16-летний парень взял напрокат за 100 долларов у школьного товарища пистолет и застрелил своих родителей. В городке Ламбертон 14-летний парнишка нашел в комнате своего отца револьвер, а затем выстрелом в затылок убил товарища по баскетбольной команде. Все это происходит благодаря легкому доступу к огнестрельному оружию – 86 процентов револьверов, отобранных у школьников, скажем, штата Флорида, были взяты дома. Итог такой доступности оружия: в 1984 году от рук американских тинэйджеров погибли 444 человека, в 1987 году – 615, а в 1989 – 952 человека (более поздних цифр у нас нет, но можно не сомневаться, что число людей, погибших от рук подростков, как минимум не уменьшается).

Если учесть, что такое происходит в богатейшем государстве мира, то в развивающихся странах условия жизни просто угрожающие. В бедных и нестабильных регионах планеты ситуация активно подталкивает детей и подростков к убийствам. Скажем, война в Афганистане привела к появлению в этой стране значительного числа малолетних солдат. В фильме американского кинодокументалиста Джеффа Хармона показан 9-летний мальчик по кличке Чероки из отряда моджахедов. Он напал из засад. Его задача – подкрасться к русскому или коммунисту и застрелить его

из пистолета. Если врагов много, он бросал гранату, иногда стрелял из автомата.

Дети становятся профессиональными убийцами и в мирное время. Например, в Колумбии. Там в некоторых районах из каждых 20 подростков, состоящих в уличных бандах, 2-3 человека начинают работать на мафию, а один становится наемным убийцей. Подросткам даже нравится убивать. По существующему там негласному моральному кодексу тот, кто больше убил, заслуживает большего уважения в своем кругу.

Что касается нашей страны, то до недавнего времени самым юным убийцей на территории бывшего СССР был 8-летний мальчик из Москвы, который 8 ноября 1990 года убил своего отца, ударив его по голове крышкой от сливного бачка унитаза. К сожалению, в скором времени этот печальный рекорд был перекрыт. 20 февраля 1991 года трое детей – восьмилетний мальчик, а также мальчик и девочка шести лет – из села Матвеевка Луганской области (Украина) убили шестилетнего мальчика Гришу Варгу. Причем сюжет этого убийства развивался вполне «по взрослому» сценарию: сначала дети просто подрались на улице, а потом пошли «выяснять отношения» в заброшенный колхозный сад. Там драка продолжилась. После кулаков в ход пошли палка и кирпич. Один из ударов оказался смертельным...

В августе 1991 года газеты сообщили об абсолютном мировом рекорде в этой области. «Чемпионом» стал двухлетний ребенок из Австралии. Этот малыш застрелил (!) 27-летнего Патрика Эллиота из ружья 22 калибра. Впрочем, к нашей теме детской и подростковой агрессивности это не имеет прямого отношения, поскольку в данном случае все произошло случайно: владелец ружья неосторожно оставил его заряженным на заднем сиденье автомобиля, и ребенок, обнаружив оружие, случайно нажал на курок, попав в голову.

А вот другой случай как нельзя лучше иллюстрирует картину подростковой жестокости. Летом 1991 года произошла страшная трагедия в католической школе Сант Кизито, расположенной недалеко от столицы Кении Найроби. 304 возбужденных подростка (воспитанники школы) напали на воспитанниц. В результате из 283 школьниц четверть была изнасилована, а 18 девочек – убиты [57].

Приведенные примеры убедительно свидетельствуют, что подростковая агрессивность – далеко не редкость в наши дни. Почему же подростки становятся агрессивными?

Агрессивные действия у ребенка, по мнению **И.А. Фурманова**, можно наблюдать уже с самого раннего возраста. В первые годы жизни агрессия проявляется почти исключительно в импульсивных приступах упрямства, часто не поддающихся управлению взрослых. Выражается это чаще всего вспышками злости или гнева, которые сопровождаются криком, брыканием, попытками укусьить, драчливостью. И хотя такие реакции ребенка неприятны и не поощряются, они не считаются ненормальными. Причины такого поведения – блокирование желаний или намеченной программы действий в результате применения воспитательных воздействий. Поэтому совершенно ясно, что такое поведение ребенка вызвано состоянием дискомфорта, фрустрации или беспомощности. К слову сказать, его и агрессивным-то можно считать весьма условно, так как у ребенка нет намерения причинить ущерб окружающим [126].

В более позднем возрасте на первый план все активнее выдвигаются конфликты и ссоры со сверстниками, связанные с обладанием вещами, чаще всего игрушками. Доля таких конфликтов у полуторагодовалых детей составляет 78 %, по данным **Х. Хекхейзена** [127]. В этот же период развития более чем в пять раз возрастает число случаев использования детьми физического насилия, вспышки ярости становятся более целенаправленными, и в поведении ребенка отчетливо прослеживается реакция нападения [126]. Вероятно, это связано с преобладающими в данном возрастном периоде механизмами адаптации ребенка, а именно «удержанием и отпусканьем» (по Э. Эриксону). Конфликты между «обладать» и «отдавать» могут вести ребенка либо к враждебным, либо к доброжелательным ожиданиям и установкам. Поэтому удержание может становиться как деструктивным и грубым захватом или задержанием, так и превращаться в способ заботы: иметь и сохранять. Отпускание также может превращаться в стремление давать волю своим разрушительным страстям или же становиться пассивной готовностью оставлять «все как есть» и полагаться на естественный ход событий [126]. Опыт работы с детьми этого возраста показывает, что подавляющее большинство детей полутора – двухлетнего возраста добровольно не отдают собственных игрушек или делают это, только уступая авторитету родителей, но всегда с явной неохотой, обидой и плачем. Это наводит на размышление о том, что ребенок включает собственные вещи, в том числе и иг-

рушки, во внутренние границы своего «Я» и рассматривает их, как части самого себя. Неразграниченность и даже слияние всех частей «Я» приводит к невозможности установления контактов с окружающими в этой сфере отношений. Поэтому естественно, что ребенок будет воспринимать просьбу мамы «дай поиграть свою машинку этому мальчику» почти как приказ: «Оторви руку и дай ее поносить другому ребенку!» Понятно, что реакция будет вполне предсказуемой.

Более того, наблюдения за конфликтами детей во время игры позволяет выдвинуть предположение о том, что каждый ребенок имеет определенный круг игрушек, которые он включает во внутренние границы «Я». Избирательность ребенка в отношении игрушек очевидна.

По мнению некоторых исследователей (И.А. Фурманов, 1996), конфликты между детьми, связанные с обладанием вещами и игрушками, возникают, когда эти границы пересекаются, то есть несколько детей одновременно хотят играть одной и той же игрушкой или один из детей пытается расширить свои границы путем экспансии (захвата) чужих игрушек. Подтверждением этому могут стать результаты длительного наблюдения за тремя мальчиками двух, четырех и семи лет. Было замечено, что конфликты возникали только по поводу обладания определенными игрушками. Удивительно, но были игрушки, вокруг которых конфликтов не возникало.

В дальнейшем ребенок постепенно научается контролировать свои агрессивные импульсы и выражать их в приемлемых рамках. Проявление агрессивности в этом возрасте (напомним, что речь идет о возрасте 1,5 – 2 года), главным образом, зависит от реакции и отношения родителей к тем или иным формам поведения. Если родители относятся нетерпимо к любым проявлениям открытой агрессии, то в результате у ребенка чаще всего формируется лишь символические формы агрессивности, такие как нытье, фырканье, упрямство, непослушание и другие виды сопротивления.

Следует также отметить, что в этом возрасте усиливается «исследовательский инстинкт» и значительно расширяются социальные контакты ребенка. Но в то же время малыш сталкивается с целой системой новых для его небольшого жизненного опыта запретов, ограничений и социальных обязанностей. При этом, невольно попадая в конфликтную ситуацию между ненасытной любозна-

тельностью, спонтанным интересом ко всему новому и необычному и родительским «нельзя», ребенок испытывает сильнейшую депривацию – ограничение возможностей удовлетворения своих потребностей. И воспринимает эту ситуацию как акт отвержения со стороны родителей. Невозможность разрешения этого конфликта приводит к тому, что в нем просыпаются злость, отчаяние, агрессивные тенденции.

Однако если раньше родители на агрессивность ребенка реагировали лаской, отвлечением его внимания, попытками свести все дело к шутке, то теперь они все чаще прибегают к угрозам, лишениям удовольствий, изоляцией и другим карательным санкциям. Ребенок начинает задумываться, как же ему реагировать на усиливающиеся санкции со стороны родителей, как вести себя дальше, чтобы родительская контрагрессия была по возможности минимальной. И чаще всего ребенок не находит выхода из создавшегося положения. Это может привести к всевозможным психическим расстройствам: ребенок теряет аппетит, перестает проситься на горшок, тревожно спит.

В дальнейшем проявления агрессивности во многом связаны с процессами поло-ролевой идентификации ребенка или особенностями «эдиповой ситуации» в семье. В частности, «... использование техники «Doll-play» (когда ребенок играет в куклы, представляющие членов семьи) позволило установить, что игра мальчиков отличается большей агрессивностью к куклам, чем игра девочек. Наибольшая агрессия у мальчиков наблюдалась к кукле-«отцу», а наименьшая – к кукле-«матери», у девочек – наоборот. Было также замечено, что мальчики, имеющие отца, проявляют больше агрессивности, чем мальчики, выросшие без отца» (Й. Шванцар и др., цит. по [46]). В семьях, где нет отца, основы мужских черт у сыновей возникают медленнее, поэтому мальчики менее агрессивны и более зависимы.

Влияние ближайшего окружения и процессов осознания собственной половой принадлежности на формирование агрессивных форм поведения очень хорошо можно проследить, если сравнить поведение мальчиков и девочек. В частности, отмечается, что если в 2-летнем возрасте среди средств проявления агрессивности у мальчиков и девочек примерно в одинаковой пропорции встречаются плач, визг и взаимные шлепки, то к 4-годам фрустрация, неудачи вызывают у них неодинаковую реакцию: мальчики большей

частью дерутся, а девочки визжат (Й. Раншбург, П. Поппер, 1983, цит. по [46]).

Сторонники различных психологических школ объясняют это по-разному. Психоаналитическое направление, опирающееся на постулат о врожденности тенденций к агрессивному поведению и проявлению гнева, доказывают, что у мальчиков эти тенденции проявляются в большей степени, чем у девочек. В рамках бихевиористического направления также отмечается большая агрессивность мальчиков по сравнению с девочками, но это объясняется разными для первых и вторых социально одобряемыми моделями поведения. На основе анализа ряда экспериментальных исследований [126] было установлено, что в первые годы жизни нет различий в частоте и продолжительности отрицательных эмоциональных реакций у мальчиков и девочек, но с возрастом их частота и интенсивность у мальчиков возрастают, а у девочек – убывают. Объясняется это тем, что девочки, имея те же агрессивные тенденции, что и мальчики, боятся их проявить из-за страха наказания, в то время как к агрессии мальчиков окружающие относятся более благосклонно. С возрастом эти модели закрепляются: число проявлений агрессии в поведении девочек постепенно сокращается, и они становятся менее агрессивными, даже если в раннем детстве были очень драчливы.

При изучении более старшего возраста, исследования показывают, что если взять наиболее простые и часто встречающиеся формы детской агрессии, например, желание обидеть или ударить, то у детей в возрасте от 3 до 11 лет можно наблюдать в среднем по 9 агрессивных актов в час. 29 % из них составляют непосредственные ответные реакции на нападения противоположной стороны. Причем, на протяжении всего этого возрастного периода эта доля остается практически постоянной, изменяясь лишь в зависимости от пола, и составляет 33 % у мальчиков и 25 % у девочек. С возрастом происходит смена форм агрессии: частота простого физического нападения уменьшается за счет роста более «социализированных» форм, таких как оскорбление или соперничество [127].

Результаты исследований показывают, что у дошкольников и младших школьников соотношение форм выражения агрессии прямо противоположно: у мальчиков преобладает физическая агрессия, в то время как у девочек – вербальная. Позднее у мальчиков младшего подросткового возраста тенденция изменяется: вербаль-

ная агрессия становится доминирующей, и, кроме того, они чаще прибегают к словесному способу выражения негативных чувств, чем девочки того же возраста. Вместе с тем отмечается и еще одна примечательная особенность поведения детей: с возрастом агрессивность детей все больше приобретает враждебную окраску.

В последствии при переходе от младшего школьного к юношескому возрасту соотношение таких поведенческих реакций, как физическая, вербальная, косвенная агрессия и негативизм, существенно меняется. У мальчиков на протяжении этих возрастных этапов устойчиво доминирует физическая агрессия и негативизм, а у девочек – негативизм и вербальная агрессия.

Традиционные представления о мужской и женской агрессивности сказываются и на дальнейшем поведении: и мальчики, и девочки в той или иной степени научаются подавлять собственные агрессивные побуждения, однако мальчики все же имеют больше возможности для свободного проявления агрессивности.

Кроме того, если в процессе своего развития ребенок не научается контролировать свои агрессивные импульсы, то в дальнейшем это грозит преимущественной ориентацией на сверстников – в подростковом возрасте и склонностью к разгульному поведению – в юношеском. Так, например, установлено, что спонтанное выражение гнева и совершение насилия в отношении окружающих восьмилетним мальчиком приводит в четырнадцатилетнем возрасте к использованию физической силы против других людей, бесцельному шатанию по улицам, влечению в компании, поиску удовольствия в курении, принятии алкоголя, употреблении наркотиков и общении с противоположным полом, а в дальнейшем – в 20 лет – к деструктивным поступкам, конфликтам с родителями, потребностями во встречах с сомнительными друзьями и беспорядочным половым связям [34].

Факторы, влияющие на развитие агрессивности

На развитие агрессивного поведения могут влиять различные факторы. Наиболее полно факторы, влияющие на формирование агрессивного поведения, были проанализированы Р. Бэрн и Д. Ричардсон. Они проанализировали многочисленные опыты, описанные в англоязычной литературе. Поскольку эта литература до сих пор не переведена на русский язык, мы ограничимся описанием этих опытов и результатов исследований, описанных в упоми-

навшейся уже книге «Агрессия», указывая лишь фамилии ученых, проводивших эксперименты по данной проблеме. Итак, по мнению Р. Бэрона и Д. Ричардсон, факторы формирования агрессивного поведения можно разделить на четыре довольно больших группы.

I. Социальные факторы. Как видно из определения агрессии, она не возникает в социальном вакууме, на агрессивное поведение влияют присутствие и действия других людей из социального окружения. Например, слова, поступки или внешность жертвы могут провоцировать, фрустрировать или раздражать нападающего, окружающие могут принуждать или подстрекать человека к совершению актов насилия. Более того, даже простое присутствие других людей может влиять на проявление агрессивных реакций. Среди социальных факторов возникновения и развития агрессивного поведения, в свою очередь, обычно выделяют четыре: фрустрацию, нападение, характеристики жертвы и подстрекательство со стороны окружающих. Рассмотрим эти факторы более подробно.

Фрустрация, то есть блокирование происходящих в настоящее время целенаправленных реакций, как предпосылка агрессии привлекает наиболее пристальное внимание ученых. Пресечение одним человеком целенаправленных действий другого может оказаться детонатором агрессии.

Но фрустрация не всегда, а лишь иногда способствует агрессии, и проявление ее влияния зависит от нескольких опосредующих факторов. К таким *опосредующим факторам* можно отнести: уровень фрустрации, испытываемой потенциальным агрессором; наличие посылов к агрессии; степень непредвиденности фрустрации; эмоциональные и когнитивные процессы фрустрированного агрессора. Здесь обнаруживаются следующие закономерности.

Низкий **уровень фрустрации** либо вообще не приводит к проявлениям агрессии, либо порождает агрессивные реакции малой интенсивности.

Посылы к агрессии (стимулы, провоцирующие появление чувства гнева и агрессивности) могут усиливать агрессивные реакции. Причем *возникновение ярко выраженной агрессии возможно даже при относительно невысоком уровне фрустрации, но в присутствии достаточно интенсивных посылов к агрессии.*

Говоря о влиянии на возникновение агрессии **непредвиденности фрустрации**, многие исследователи (Пастор, Бурштейн и Ворчель; Кулик и Браун и др.) сообщают, что *для людей характе-*

рен гораздо более высокий уровень раздражения и агрессии, если фрустрация непредвиденна и неожиданна. Что касается прогнозируемой и ожидаемой фрустрации, то она не всегда вызывает возбуждение на физиологическом уровне.

На влиянии **эмоциональных и когнитивных процессов** на возникновение агрессивного поведения нужно остановиться более подробно. Дело в том, что рассмотренные три опосредующих фактора влияния фрустрации являлись внешними по отношению к потенциальному агрессору: они были связаны либо с природой самой агрессии (с ее уровнем и характером), либо с посылками к агрессии, предполагаемыми ситуацией. Исследуя, каким образом фрустрация приводит к агрессивному поведению, **Л. Берковиц** предположил, что психические процессы потенциального агрессора тоже определяют его реакцию на фрустрацию.

Чтобы человек стал вести себя агрессивно, степень выраженности фрустрационной ситуации должна оказаться достаточной для актуализации отрицательных эмоций. Если же фрустрация не вызывает негативных чувств, то агрессии не будет. Берковиц указал, что невозможность добиться желаемого результата сама по себе не является предпосылкой агрессии. Если же человек предвкушает удовольствие при достижении какой-либо цели, то препятствия, возникающие на пути к ней, могут расстроить его до такой степени, что подхлестнут к агрессивным действиям

Берковиц утверждает, что, когда фрустрация действительно вызывает отрицательные эмоции, другие психологические процессы, в том числе размышление по поводу пережитого (*когнитивный процесс*), будут влиять на реальное поведение. Если, например, негативной эмоцией является страх, то наиболее вероятными реакциями будут бегство или стремление уклониться от ситуации, а если переживание интерпретируется как гнев, то вероятно возникновение агрессивных тенденций.

Нападение. Атакующее поведение другого человека, например, сознательное причинение боли или оскорбительное действие – это особенно сильный возбудитель агрессии. Эксперименты подтвердили, что преднамеренное причинение боли порождает ответную атаку, вызванную желанием отомстить.

Вербальная провокация тоже способна актуализировать агрессивные действия, и это притом, что словами пользуются гораздо чаще, чем кулаками, ногами или оружием. Как все мы знаем из

личного опыта, едкие замечания или «убийственные» комментарии к нашим поступкам могут ранить едва ли не больше, чем прямое физическое воздействие.

Фельсон, подводя итог своих исследований перерастания словесной перебранки в драку или даже убийство, сказал: «Представляется, что именно месть не дает погаснуть и, более того, разжигает конфликты, в которых агрессивные действия обеих сторон и вероятность смертельного исхода потерпевшей стороны сплетаются в единый узел» (цит. по [17]).

Характеристики жертвы. В данном случае исследователи особое внимание уделяют полу и расе объекта агрессии.

Что касается *пола* жертв агрессии, то в большинстве случаев данные исследований подтверждают широко распространенное мнение, что женщины подвергаются физическому нападению реже мужчин, а если и подвергаются, то интенсивность физического воздействия в данном случае будет ниже. Тенденция к меньшему проявлению агрессии по отношению к женщинам часто объясняется как «рыцарство», как отражение социализированного запрета причинять вред женщинам.

Однако несмотря на то, что большинство лабораторных экспериментов свидетельствуют о сдерживании агрессивных действий мужчинами по отношению к женщинам, случаи изнасилований и грубого обращения с женщинами указывают на тот факт, что женщины часто становятся жертвами насилия. В итоге нет оснований считать, что женщины подвергаются агрессии реже мужчин.

А вот что касается влияния *расовой принадлежности* объекта агрессии на агрессивность нападающего, то большинство исследований по этому вопросу не получили серьезного экспериментального подтверждения.

Подстрекательство со стороны окружающих. На агрессивное поведение может влиять и так называемая третья сторона – люди присутствующие, но не являющиеся ни агрессором, ни жертвой. Например, третья сторона может обладать властью и приказать одному человеку причинить вред другому. Менее авторитетная третья сторона может влиять на агрессию простым подстрекательством или «подначиванием» агрессора или его жертвы. Даже простое присутствие другого человека, который не распоряжается и не подстрекает, может повлиять на взаимодействие конфликтующих. Совершение большого количества агрессивных действий – осо-

бенно милиционерами или военными – является следствием приказов начальства, а совсем не провокацией жертвы или фрустрацией. Такое деструктивное повиновение никого не удивляет: за приказом скрывается весомость служебного положения и мощь государства. Более неожиданно то, что даже люди, не облаченные реальной властью, а просто использующие ее внешние атрибуты, часто способны заставить других вести себя жестоко и агрессивно.

Данные экспериментов, проведенных **Милгрэмом**, не оставляют сомнений в том, что приказы, особенно исходящие от человека, облаченного властью, способны вынудить многих людей причинить физический вред жертве, которая никаким образом их не провоцировала и не фрустрировала.

Впрочем, несмотря на то, что влияние представителей власти зачастую велико, оно может встретить противодействие. И особенно эффективными для уменьшения возможности авторитетного лица вынуждать подчиненных причинять вред другим могут быть два фактора.

Во-первых, подчинение часто нарушается в условиях, когда индивид ощущает личную ответственность за результаты своих действий. Например, одно исследование (Талкер, 1970) показало, что испытуемые подчиняются гораздо более неохотно, если им перед этим сообщалось, что ответственность за жизнь и здоровье жертвы целиком возлагается на них самих. Видимо, повышение ответственности за свои действия противостоит тенденции подчиняться авторитету.

Во-вторых, обнаруживается, что эффективным средством против слепого повиновения приказам представителя власти может быть демонстрация примера неподчинения тех людей, которые отказываются повиноваться приказам. В таких случаях происходит следующее: сначала один или несколько смелых и решительных людей не подчиняются власти, а затем этому примеру следуют многие.

II. Внешние факторы. Агрессию не всегда порождают слова или поступки других людей. Во многих случаях ее вызывают или усиливают факторы, тесно не связанные с процессами социального взаимодействия. К примеру, агрессия может усиливаться факторами, которые можно назвать внешними по отношению к людям и их взаимоотношениям. Из наиболее важных внешних факторов агрессии одни являются элементами *естественного окружения*, другие

включают в себя *ситуационную информацию*, третьи влияют на *самосознание*.

Факторы естественной среды часто опосредуют отношения человека с окружающими. Эмпирические данные дают возможность предполагать, что на агрессию могут влиять физические параметры окружающей среды. Различными учеными (Пэйдж, Мосс, Адамс и др.) изучался целый ряд факторов, включая темноту, выпадение вулканического пепла и фазы Луны. Но наибольшее внимание исследователей привлекли жара, боль, теснота и шум.

Жара. На протяжении веков люди рассуждали о влиянии климата на поведение человека. Гиппократ, сравнивая цивилизованность Греции того времени с дикостью нравов в землях, на территории которых расположены современная Германия и Швейцария, высказывал убеждение в том, что причина различий кроется в суровости климата «варваров». Позднее англичане приписывали свою «незаурядную», по их мнению, культуру идеальному климату Британских островов. Французские мыслители провозглашали то же самое в отношении Франции. Поскольку состояние культуры разных стран меняется, несмотря на устойчивость климата, научная ценность климатической теории культуры весьма спорна. Однако изменения климата могут влиять на поведение.

Степень влияния погоды на противозаконное поведение заинтересовало сначала криминалистов в связи с тем, что сводки американского Федерального Бюро расследований, например, свидетельствуют, что пик насильственных преступлений приходится на жаркие летние месяцы. Интерес к зависимости «температура – агрессия» возрос в США при попытках объяснить причины массовых беспорядков, прокатившихся по Соединенным Штатам в промежутке между 1967-м и 1971-м годами. Тогда они чаще возникали в жаркие, чем в прохладные дни. Средства массовой информации, комментируя эти события, часто связывали их возникновение с сильной жарой.

Американский исследователь **Уильям Гриффитт** обнаружил интересную закономерность: по сравнению со студентами, заполнявшими опросники в помещении с нормальной температурой воздуха, те, кто выполнял ту же работу в ненормально теплой комнате (температура была выше 32 градусов по Цельсию), сообщали о более выраженной усталости, агрессивности, а также более враждебно реагировали на появление посторонних.

Однако, несмотря на кажущуюся внешнюю привлекательность влияния жары на развитие агрессивного поведения, надежных доказательств того, что между температурой окружающей среды и агрессией существует прямая зависимость, нет. Поэтому любое чересчур категоричное сообщение о влиянии данного параметра среды на индивидуальное или коллективное насильственное поведение представляется неприемлемым. Несомненно, что в жаркую погоду люди могут быть более раздражительными. Однако здесь могут вносить свой вклад и другие факторы. Возможно, что в горячие летние вечера людей тянет на улицу. А там они могут подвергнуться влиянию других факторов, например, групповому взаимодействию. Агрессивное поведение, скорее всего, стимулируется как жарой, так и особенностями группового взаимодействия.

Боль. Она усиливает агрессивность у людей. Леонард Берковиц и его сотрудники провели опыт на студентах Висконсинского университета (в США вообще многие психологические эксперименты проводятся именно на студентах университетов, с их согласия и с соблюдением строгих правил безопасности). Студентам предлагалось подержать одну руку либо в чуть теплой, либо в холодной до боли воде. Те, кто опускал руку в ледяную воду, говорили о растущем раздражении и о том, что готовы буквально осыпать проклятиями другого участника эксперимента, издававшего неприятные звуки. Полученные результаты позволили Берковицу сделать вывод о том, что боль чаще, чем фрустрация, является основным «спусковым механизмом» агрессивного поведения.

Теснота (т.е. субъективное ощущение нехватки пространства, приходящегося на одного человека) тоже является стрессогенным фактором. Однако обзор исследований по зависимости между теснотой и агрессивностью не допускает однозначных выводов: одни исследования (Гриффитт и др.) показывают, что теснота усиливает агрессию, а другие (Лу и др.) свидетельствуют, что теснота, наоборот, подавляет такой тип поведения. Кроме того, некоторые исследования показывают усиление агрессивности в тесной толпе одних только мужчин, но не женщин. Некоторые исследователи пытались объяснить эти противоречия.

Так, например, **Фридман** считает, что в тесноте обостряются или усиливаются типичные реакции человека на любые ситуации. Если для человека типичными являются позитивные реакции, то

теснота трансформирует их в еще более благоприятные. Если же типичные реакции относятся к разряду негативных, то теснота обостряет их негативную природу.

Уорчел и **Тедли** предположили, что не объем доступного человеку пространства сам по себе, а расстояние между людьми – вот что определяет степень стресса, возникающего в конкретной ситуации.

Словом, до сих пор однозначной зависимости между теснотой и агрессивностью не установлено. Тем не менее, исследования подтверждают предположение, что теснота порождает негативные чувства, которые при некоторых условиях могут трансформироваться в агрессивное поведение.

Шум. К неприятным побочным эффектам индустриализации относится чрезвычайно высокий уровень шума во многих урбанизированных районах, поэтому понятен интерес ученых к вопросу о влиянии шума на возникновение агрессии. Эксперименты показали, что воздействие шума на агрессию носит опосредованный характер, и в основе зависимости агрессии от шума лежит возбуждение.

Загрязненный воздух. Это другой побочный эффект индустриализации. Негативные последствия загрязнения воздуха для физического здоровья вполне очевидны. Однако проживание в загрязненной атмосфере может иметь и социальные последствия. Например, из-за загрязненного воздуха могут уменьшаться взаимопомощь и искажаться социальные взаимодействия.

Для того чтобы испытать на себе негативное воздействие загрязненного воздуха, не обязательно жить в таких задымленных городах, как Магнитогорск, Норильск или Москва, достаточно просто провести некоторое время в прокуренной комнате. Исследования воздействия табачного дыма (Джонс и Богат; Зильманн и др.) показали, что пассивное курение усиливает агрессивность.

Роттон и его коллеги изучали зависимость между загрязнением воздуха и поведением в межличностном общении, используя как лабораторные, так и архивные исследования. В лабораторных экспериментах была выявлена интересная закономерность. Эффект, который большинство людей отмечают в связи с загрязнением воздуха, – это запах, причем люди реагируют более агрессивно на умеренно неприятный запах, нежели на запах сильно неприятный, как следовало бы ожидать.

Менее заметная характеристика воздуха – концентрация в нем положительных и отрицательных ионов – также может влиять на настроение и социальное поведение. Так, отрицательные ионы оказывают как негативное, так и позитивное воздействие. Хотя они улучшают работоспособность в простых заданиях, они также вызывают у людей агрессивное поведение. А в архивных исследованиях выяснилось, что в американском городе Детройте увеличение концентрации озона связано с количеством вызовов полиции из-за семейных ссор.

III. Индивидуально-личностные факторы. В качестве возможных индивидуальных детерминант агрессии было предложено множество самых разнообразных факторов. Мы подробно остановимся на трех из них.

Если говорить о личностных чертах, то следует обратить внимание на то, что в эмпирическом исследовании зачастую трудно установить наличие взаимосвязи между чертами личности и агрессией. Однако исследователям удалось выявить определенное число характеристик, имеющих отношение к агрессии.

Так, эксперименты Денгенринка; Дорски и Тэйлора показывают, что тревога – особенно страх наказания – *служит сильным сдерживающим фактором агрессии*. Однако это замечание справедливо лишь для ситуаций, когда сильные социальные факторы не мешают подобной сдержанности, потому что во многих случаях ситуационные факторы способны пересиливать даже яркие индивидуальные черты характера. И тогда при определенных условиях даже самые кроткие, самые мягкие в обычной жизни люди проявляют агрессивность, а самые враждебно настроенные, самые вспыльчивые – воздерживаются от нее.

Исследования Капраны и других показали, что раздражительные люди *более агрессивны, чем спокойные, но только тогда, когда их предварительно провоцируют*, а без предварительной провокации поведение этих людей ничем не отличается от поведения людей с низким уровнем раздражительности.

В исследованиях зарубежных ученых (Абрамсон и др.; Берковиц изучалась также и связь локуса контроля и агрессии).

Понятие локуса контроля в его современном понимании было введено в психологию американским психологом Дж. Роттером. Говоря о локусе контроля личности, обычно имеют в виду склонность человека видеть источник управления своей жизнью либо

преимущественно во внешней среде, либо в самом себе. Выделяют два типа локуса контроля: интернальный и экстернальный. Об *интернальном (внутреннем) локусе контроля* говорят тогда, когда человек обычно принимает ответственность за события, происходящие в его жизни, на себя, объясняя их своим поведением, характером, способностями. Об *экстернальном (внешнем) локусе контроля* говорят, если человек склонен приписывать ответственность за все события, происходящие в его жизни, внешним факторам: другим людям, судьбе или случайности, окружающей среде. Во многих исследованиях установлено, что интерналы более уверены в себе, более спокойны и благожелательны, более популярны. Общие положения о более высокой благожелательности интерналов к другим людям дополняют и данные о том, что подростки с внутренним локусом контроля более позитивно относятся к учителям и к представителям правоохранительных органов. Экстерналов же отличают повышенная тревожность, обеспокоенность, меньшая терпимость, меньшая популярность. Имеются данные о большей склонности экстерналов к обману и совершению аморальных поступков.

Как показали исследования, эти люди отличаются и по агрессивности поведения.

Интерналы рассматривают агрессию просто как один из способов воздействия на ход своей жизни, как на средство достижения желаемых целей, смягчения неприемлемого поведения со стороны других и даже как на довольно радикальный способ манипулирования.

Экстерналы, напротив, из-за своего в основном фаталистского взгляда на жизнь считают, что от агрессии мало пользы, а поэтому они вряд ли будут прибегать к ней, за исключением ситуаций, в которых провокация по отношению к ним продолжительна по времени и сильна по силе.

Таким образом, можно сказать, что интерналы могут прибегать как к инструментальной, так и к враждебной агрессии, в то время как экстерналы, как правило, прибегают только к враждебной.

В последние годы много внимания уделяется изучению модели поведения людей, предрасположенных к коронарным заболеваниям (они называются тип «А», в отличие от людей так называемого типа «Б», чье поведение не соответствует данной модели). Как можно понять из названия, такие люди более других склонны

к болезням сердца (они страдают болезнями сердечно-сосудистой системы примерно в два раза чаще людей типа «Б»). Согласно утверждениям **Розенмана** и **Фридмана**, исследователей, разработавших эту модель, такие люди характеризуются тремя основными чертами.

Во-первых, они напористы и склонны к соперничеству, стремятся одержать победу и готовы приложить значительные усилия, чтобы превзойти других.

Во-вторых, они всегда спешат и проявляют сильное нетерпение, когда другие люди или рамки ситуации сдерживают их.

В-третьих, и это наиболее интересующая нас черта, люди типа «А» демонстрируют высокий уровень враждебности и открытой агрессии. Люди этого типа в большей степени склонны плохо обращаться с детьми и больше склонны к межличностным конфликтам.

Недавние исследования **Бермана**, **Глэдью** и **Тэйлора** позволяют предположить, что причиной высокого уровня агрессии у лиц типа «А» могут быть гормоны, в частности высокий уровень тестостерона.

Конкретные данные о существовании связи между чувством стыда и агрессией были получены в экспериментах **Тангни**, **Вагнера**, **Флегчера** и **Грамзоу**. Результаты экспериментов позволяют сделать вывод о том, что чувство стыда напрямую связано с гневом и агрессией. Другими словами, чем чаще люди испытывают чувство стыда в процессе взаимодействия с другими, тем чаще у них проявляются гнев и агрессивное реагирование. Связь между чувством стыда и агрессивным поведением напрямую зависит от степени неодобрения человеком своего «Я». Иначе говоря, именно склонность стыдливых людей к самобичеванию лежит в основе их высокой агрессивности. Но каковыми бы ни были причины взаимосвязи между чувством стыда и агрессивным поведением, ясно, что излишняя стыдливость потенциально опасна не только для людей, переживающих подобные эмоции, но и для окружающих.

Некоторые типы личностных установок и внутренних стандартов личности тоже связаны с агрессивным поведением.

Является ли агрессия приемлемой или неприемлемой формой поведения? Разные люди по-разному ответят на этот вопрос. Одни считают, что агрессия аморальна, и крайне не одобряют ее проявления ни при каких обстоятельствах. Такие люди, например, вы-

ступают против смертной казни даже для убийц-маньяков. Другие считают агрессию вполне приемлемой, даже желательной формой социального поведения. Но мнение большинства людей оказывается где-то между двумя этими крайними точками и сводится к тому, что при одних условиях агрессия вполне приемлема, а при других – нет. Резонно предположить, что определенные взгляды на агрессию в значительной мере влияют на желание людей выбрать или, соответственно, не выбрать, именно эту модель поведения.

Однако для того, чтобы подобного рода взаимодействие осуществилось, ценности и стандарты поведения должны быть очевидными для людей, оказавшихся в ситуации, предрасполагающей к агрессии. Оставаясь «в тени», эти характеристики не будут влиять на возникновение и протекание агрессии, и агрессивное поведение будет иметь импульсивную природу. Но ценностные ориентации и стандарты поведения становятся очевидными только в том случае, если рассматривать их через призму самосознания.

Самосознание имеет две основные формы. Первая, известная под названием *общественное самосознание*, позволяет рассмотреть себя как социальный объект – взглянуть на себя глазами других. Другая форма – *личностное самосознание* – представляет собой обращение к внутренним стандартам человека, к его ценностям и установкам. Оба типа самосознания могут при определенных условиях влиять на возникновение агрессии, но личностное самосознание способствует ее появлению в большей степени.

Люди с высоким самосознанием сравнивают свои внутренние стандарты и ценности со своим поведением. Если разногласий нет, человек реагирует позитивно, ведь человек комфортно себя чувствует тогда, когда его поступки не противоречат его взглядам на мир. Напротив, если человек замечает расхождение между своим поведением и внутренними стандартами, он стремится изменить поведение так, чтобы его действия соответствовали его внутренним взглядам. Исходя из этого, можно утверждать, что действия человека с высоким уровнем самосознания будут в значительной степени зависеть от его системы ценностей и внутренних стандартов относительно модели поведения. Если человек одобряет выбор агрессии в качестве средства достижения цели, а саму агрессию рассматривает как приемлемую форму поведения, то его высокое самосознание может привести к усилению внешних проявлений подобного поведения, поскольку люди, как уже говорилось, стре-

мятся привести свои поступки в соответствие со взглядами, которых они придерживаются. И наоборот, если агрессия считается неприемлемой формой поведения, человек с высоким самосознанием будет склонен к уменьшению интенсивности подобных действий (рис. 2).

Рис. 2. Связь повышенного самосознания и агрессии в случае одобрения или неодобрения человеком агрессивного поведения [17, с. 220]

В целом имеющиеся данные позволяют говорить о том, что ценности и внутренние стандарты зачастую могут влиять на актуализацию агрессивного поведения, причем это происходит чаще всего в тех случаях, когда у человека высокий уровень самосознания.

Исследования показали, что есть и половые различия в агрессивном поведении. Во-первых, принято считать, что мужчины более агрессивны, чем женщины, и более склонны в своих взаимоотношениях с другими выбирать в качестве модели поведения агрессию, особенно физическую. Во-вторых, широко распространено мнение, что, при прочих равных условиях, мужчины чаще выступают в качестве мишени агрессии, нежели женщины.

Эти различия обычно относят на счет генетических или социальных факторов. С одной стороны, утверждается, что мужчины уже на генетическом уровне запрограммированы на большую склонность к агрессии, чем женщины. С другой стороны, во многих культурах считается, что представители мужского пола просто должны быть грубее, самоувереннее и агрессивнее женщин.

Многочисленные наблюдения да и просто здравый смысл действительно свидетельствуют о том, что между мужчинами и женщинами как группами есть различие относительно агрессии. Однако природа этих различий не столь примитивна, как кажется на первый взгляд.

Во-первых, половые различия в агрессии наиболее заметны в физических формах агрессии.

Во-вторых, мужчины более агрессивны, чем женщины в ситуациях, когда они *вынуждены* обратиться к агрессии, например, при выполнении определенной социальной роли, в отличие от ситуаций, когда к ней прибегают безо всякого принуждения, когда разница в агрессивности мужчин и женщин не так заметна.

В-третьих, склонность мужчин демонстрировать более высокие уровни агрессии сильнее проявляется после сильной провокации, нежели при ее отсутствии.

Мужчины и женщины отличаются и своими установками относительно агрессии. Мужчины, как правило, в меньшей степени испытывают чувство вины и тревоги. Женщины, напротив, более обеспокоены тем, чем агрессия может обернуться для них самих, например, возможностью получить отпор со стороны жертвы. Более того, женщины рассматривают агрессию *как экспрессию*, то есть как средство выражения гнева и снятия стресса путем высвобождения агрессивной энергии. Мужчины же относятся к агрессии как к *инструменту*, считая ее моделью поведения, к которой прибегают для получения разного рода социальных и материальных вознаграждений.

Кроме того, мужчины более склонны прибегать к прямым формам агрессии, а женщины предпочитают пользоваться косвенными способами, которые наносят вред противнику окольным путем. Это показали исследования, проведенные Лагерспетцем и его коллегами. В ходе этого исследования опрашивались мальчики и девочки в возрасте от 8 до 15 лет, на тему как ведут себя школьники из их класса, когда сердятся. Полученные результаты показали, что мальчики прибегают к прямым формам агрессии – погоня за противником, подножки, пинки, толчки, дразнилки – значительно чаще девочек. Зато девочкам более свойственны косвенные формы агрессии, например, наговор на противника за его спиной, бойкотирование обидчика, разрыв дружеских отношений, нарочитая демонстрация обиды.

Таким образом, мужчины и женщины действительно отличаются друг от друга относительно агрессии, причем мужчины, как правило, более склонны к подобному поведению, нежели женщины. Однако величина этого разрыва сильно колеблется в зависимости от обстановки и других факторов, а также от формы агрессии.

IV. Биологические факторы. Одним из способов подтверждения биологической основы поведения человека является доказательство того, что люди, обладающие одинаковыми биологическими характеристиками, ведут себя сходным образом. То есть, если люди, имеющие одинаковые гены, проявляют и одинаковые особенности в поведении, то можно считать подобное поведение наследственным. Более того, любая характерная черта, имеющая наследственный характер, наиболее ярко будет проявляться у ближайших родственников: например, у близнецов будут более схожие наследственные характеристики, нежели у двоюродных братьев и сестер.

Чтобы определить степень наследуемости такого качества, как склонность к агрессии, было разработано несколько исследовательских программ. В то время как одни исследователи практически не обнаружили никаких признаков наследуемости агрессивных качеств, другие пришли к заключению, что гены играют гораздо более важную роль в формировании агрессивного поведения, нежели окружающая обстановка.

На сегодняшний день наиболее признанной считается теория Мойера, которая говорит о том, что наследственность может детерминировать тот личностный порог, за которым начинается активация специфических реакций, связанных с агрессивным поведением. Зато окружающая среда может обуславливать пределы, внутри которых человек проявляет агрессию. Моейр приходит к выводу, что «... человек, унаследовавший причинно-следственную цепочку «низкий порог возбудимости нервной системы – агрессивные реакции», в депривационной, фрустрационной и стрессовой ситуации будет склонен к проявлению гнева и враждебности. С другой стороны, если этот же человек будет окружен любовью и в значительной степени защищен от жестокости и насилия, а также не будет часто провоцироваться на агрессию, он вряд ли будет склонен к агрессивному поведению» (цит. по [17], с. 229).

В рамках изучения биологических основ агрессивного поведения изучались и аномалии, вызванные половыми хромосомами.

Дело в том, что обычно клетки человеческого тела содержат 46 хромосом, две из которых – хромосомы X и Y – играют основную роль в формировании пола. Точнее говоря, у мужчин одна хромосома X и одна хромосома Y, поэтому в генетике их обозначают XY, женщины же имеют две хромосомы X, и обозначаются XX.

Отмечая существенность значения половых различий в агрессивном поведении, некоторые исследователи предположили, что эти различия могут быть связаны с особенностями хромосомных наборов мужчин и женщин. Существуют два варианта гипотезы о влиянии хромосом на половые различия в агрессивном поведении:

1) *гипотеза лишней Y-хромосомы* утверждает, что наличие «лишней» Y-хромосомы у мужчин может привести к более выраженному проявлению агрессивности в поведении;

2) *гипотеза лишней X-хромосомы* предполагает, что наличие «лишней» X-хромосомы у женщин приводит к сравнительно менее выраженному проявлению той же агрессивности.

Не вдаваясь в подробности проверки этих гипотез, можно отметить следующее: хотя некоторые факты довольно убедительно подтверждают существование связи между склонностью к агрессии и набором половых хромосом (например, различия в проявлениях агрессии у мужчин и у женщин; высокий процент лиц с аномалиями половых хромосом в исправительных учреждениях), выявлено сравнительно мало данных, свидетельствующих о том, что половые хромосомы играют решающую роль в формировании агрессивного поведения. Выявленная исследователями связь некоторых хромосомных аномалий с агрессивным поведением – это отражение скорее недостаточного умственного развития, нежели врожденной склонности к совершению преступлений с применением насилия.

Устойчивость половых различий в проявлениях агрессивности, независимо от национальности и культуры, навела некоторых ученых на мысль о гормональных влияниях на формирование агрессивного поведения. Поскольку содержание гормона тестостерона в крови у мужчин более чем в десять раз выше, чем у женщин, исследователи сосредоточили внимание на роли *андрогенов* (группы мужских половых гормонов, действующих в организме животного и человека по типу основного мужского гормона тестостерона) в формировании агрессивного поведения. Поскольку тестостерон влияет на формирование других признаков маскулинности, например, на появление вторичных половых признаков, то можно предположить, что он способствует и развитию сравнительно высокого уровня агрессии у мужчин. Согласно этой теории тестостерон должен иметь прямое отношение к повышенной агрессивности.

К этой проблеме обращались представители самых разных областей науки (в частности, психологии, медицины), используя при этом различные методы исследования. Независимо от подходов исследователей и их принадлежности к той или иной научной сфере, полученные результаты были во многом схожи, но малоубедительны.

Одним словом, приходится признать, что характер взаимосвязи между уровнем гормонов и агрессивностью до сих пор остается до конца неясным. Хотя уровень тестостерона может играть определенную роль в формировании агрессивного поведения и до известной степени быть ответственным за половые различия в агрессии, гораздо более важную роль в этом случае могут играть другие факторы

Подводя итог, можно сказать, что биологические процессы протекают в социальном контексте. Иначе говоря, внутренние биологические процессы в значительной степени определяют характер наших реакций на средовые воздействия, и правильней было бы говорить не о решающем влиянии биологических или, наоборот, социальных факторов как ведущих факторов агрессии, а признать, что на формирование агрессивного поведения действуют два типа факторов, и что биология и окружающая среда оказывают взаимное влияние друг на друга.

Социализация агрессивности

Социализацией агрессивности можно назвать процесс научения контролю собственных агрессивных устремлений или выражение их в формах, приемлемых в определенном сообществе, цивилизации. Совершенно ясно, что «природный» агрессивный потенциал никуда не исчезает в более зрелом возрасте. Просто в результате социализации многие учатся регулировать свои агрессивные импульсы, адаптируясь к требованиям общества, другие остаются весьма агрессивными, но учатся проявлять агрессию более тонко: через словесные оскорбления, скрытое принуждение, завуалированные требования, вандализм и другие тактические приемы. Третьи ничему не научаются и проявляют свои агрессивные импульсы в физическом насилии.

На социализацию агрессии, по мнению И.А. Фурманова [150], оказывают влияние два основных фактора. Первый – это образец отношений и поведение родителей. Были получены данные, что в

семьях агрессивных детей выявлена большая распространенность агрессивных проявлений со стороны взрослых по сравнению с семьями неагрессивных детей. Более того, отношение родителей к поведению ребенка тоже различно. Если отцы больше утешают девочек, когда те огорчены, чаще их одобряют, чем мальчиков, то матери более снисходительны и терпимы к сыновьям и разрешают им чаще проявлять агрессию в отношении родителей и других детей, чем девочкам [23].

Другим важным фактором является характер подкрепления агрессивного поведения со стороны окружающих. В частности, была установлена связь между родительским наказанием и агрессивностью у детей. Также было обнаружено, что мальчики, чьи родители применяли суровые методы воспитания, были высокоагрессивны во взаимодействии со сверстниками и взрослыми вне дома, хотя проявляли мало прямой агрессии по отношению к родителям. Если же рассмотреть особенности родительских наказаний, то установлено, что отцы предпочитают физические наказания, а матери – непрямые или более психологические воздействия и на сыновей, и на дочерей. В целом же данные ряда исследований свидетельствуют, что мальчиков родители чаще подвергают физическим наказаниям, чем девочек, а более частые и сильные наказания воспитывают у мальчиков и более сильное сопротивление [126].

Представляет интерес зависимость между реакцией родителей на раннее проявление агрессивности со стороны детей и агрессивностью, проявляемой ими в более зрелом возрасте. Родители часто по-разному реагируют на агрессивное поведение детей в зависимости от того, направлено ли оно на них или на сверстников. Как правило, строже наказывается ребенок за агрессивность по отношению к взрослому, чем по отношению к своему сверстнику, особенно если последний действительно заслужил это.

Формирование агрессивных тенденций, которые затем могут наблюдаться и на более поздних ступенях развития, происходит несколькими путями:

1. Родители не поощряют агрессивность в своих детях непосредственно либо показывают пример (модель) соответствующего поведения по отношению к другим и к окружающей среде. Определенно, что дети, наблюдающие агрессивность взрослых, особенно если это значимый и авторитетный для них человек, которому удастся добиться успеха благодаря агрессивности, обычно воспринимают эту форму поведения.

2. Родители наказывают детей за проявление агрессивности. В ряде исследований было установлено, что:

а) родители, которые очень резко подавляют агрессивность у своих детей, воспитывают в ребенке чрезмерную агрессивность, которая будет проявляться в более зрелые годы;

б) родители, которые не наказывают своих детей за проявление агрессивности, вероятнее всего, воспитывают в них чрезмерную агрессивность;

в) родителям, разумно подавляющим агрессивность у своих детей, как правило, удастся воспитать умение владеть собой в ситуациях, провоцирующих агрессивное поведение [126].

Завершая эту тему, хотелось бы отметить, что вопрос о причинах агрессивного поведения и мерах его предупреждения и коррекции остается одним из самых сложных в психологии девиантного поведения.

VII. Преступность

Ни одно общество не обходится без системы правил, которые запрещают те или иные действия, поступки, виды поведения. Эти запреты устанавливаются правом, моралью, религией. Их нарушение карается законом, осуждается общественным мнением, влечет для нарушителя другие неблагоприятные последствия.

«Ядро» этих запретов в современном обществе составляют предписания уголовного закона, которые устанавливают границы между преступным и не преступным поведением. Преступник потому так и называется, что «преступает» эту границу [43].

Все запреты, которые существуют в обществе, чрезвычайно разнообразны по своему содержанию, различен по своей степени и вред, причиняемый нарушением принятых правил поведения. Поэтому закон относит к числу преступлений лишь те действия, которые содержат в себе высокую степень опасности для всего общества, то есть, как говорят юристы, являются общественно опасными.

***Преступление** – это общественно опасное действие или бездействие, совершаемое умышленно или по неосторожности и предусмотренное (запрещенное) уголовным законом [43].*

Преступления – это лишь одна из разновидностей действий, нарушающих нормы права. Есть еще административные и гражданские правонарушения, дисциплинарные проступки.

Правонарушение – действие или бездействие, приносящее вред и предусмотренное (запрещенное) административным, трудовым, гражданским, семейным, жилищным и т.д. законодательством [43].

Отличительная черта правил поведения, установленных законом – их внутренняя согласованность: все они поощряют полезные для общества формы поведения и запрещают вредные, опасные. Закон всегда облачен в письменную форму.

Правовые нормы обладают и другими, только им присущими свойствами. Их исполнение обеспечивается силой государственной власти. Для охраны норм права от нарушений существует целая система государственных органов: суды, прокуратура, милиция, следственный аппарат и т.п. Эти органы так и называются: правоохранительными.

Теории преступности

Организация практической деятельности по предупреждению и предотвращению преступного поведения предполагает, прежде всего, изучение причин и истоков преступности как социального явления, а также исследование природы противоправного поведения. Основой для разработки программ комплекса профилактических мер, направленных на предупреждение преступности, являются исследования в различных отраслях знания: юриспруденции, криминологии, социологии, педагогики, медицины, психологии. Современному состоянию дел в превентивной теории и практике предшествовал длительный исторический путь развития научного знания, объясняющего причины преступности и возможности наказания с целью искоренения этого социального феномена.

С.А. Беличева, проанализировав историю развития борьбы с преступностью, пришла к выводу о том, что первоначально, в донаучный период, на заре человеческой цивилизации, основным средством борьбы с преступностью и предупреждением нарушений норм морали, права, социальных запретов, всевозможных табу и религиозных догм были жестокие публичные казни. Страх жестокого наказания, таким образом, выступал как основной метод предупреждения преступности.

Серьезные изменения в такой системе уголовного наказания начались после выхода в свет в 1764 году работы **Г. Беккарио** «О преступлениях и наказаниях». Начиная с XVIII века, в обществен-

ном сознании возникает заметный поворот в сторону решительного осуждения публичных физических наказаний и казней. Особенно сурово подобные методы борьбы с преступностью осуждали французские просветители XVIII века **Вольтер**, **Руссо**, **Дидро**. Хотя надо отметить, что именно в XVIII веке и именно во Франции был изобретен и построен один из самых чудовищных механизмов для умерщвления человека. 20 марта 1792 года была построена, а 25 апреля того же года впервые практически применена гильотина, изобретение доктора **Жозефа Гильотена**, депутата Французского Национального собрания.

В XIX веке в странах Европы повсеместно стало происходить заметное смягчение карательных мер и даже полный отказ от публичных казней и экзекуций. К концу XIX века практически закончился своего рода первый этап борьбы с преступностью, когда основные меры сводились к тому, чтобы удержать человека от совершения преступления страхом жестокого наказания.

Поскольку исторический опыт показал, что уголовный закон, как бы суров он ни был, не в состоянии устранить преступность из жизни общества, то вполне объяснима потребность познать причины преступности. Ответом на эту социальную потребность стало возникновение новой отрасли знания – **криминологии** (от лат. *crimen* – преступление и греч. *logos* – учение) – науки о причинах преступности и способах борьбы с нею. В отличие от уголовного права, которое также изучает преступления, их юридический аспект, криминология начала искать ответ на вопрос о причинах нарушения уголовных запретов, стала наукой о преступности. Таким образом, уже в XIX веке начинает складываться новый подход к решению проблемы предупреждения и преодоления преступности, основной сутью которого является стремление вскрыть причины преступного поведения и на их основе составить программу практической деятельности по борьбе с преступлениями и правонарушениями.

В криминологии, возникнувшей в XIX веке, сразу же определились два подхода к предмету ее изучения. Согласно первому причина преступности заключается в человеке, согласно второму – в социальных условиях, то есть в самом обществе.

Основоположником **первого подхода** к изучению причин преступного поведения был итальянский врач-психиатр и антрополог **Чезаре Ломброзо** (антропология – биологическая наука о проис-

хождении и эволюции физической организации человека и его рас). Основанная им **антропологическая школа** уголовного права сыграла большую роль в развитии криминологической мысли стран Запада.

По мнению Ломброзо, происхождение преступности – биологическое, поэтому преступление также естественно, как и само рождение человека, его болезни, его смерть. Он пытался посредством измерений черепа, роста, веса, выявления аномалий в конституциональном строении человека описать характерный облик такого преступника. Проводя антропометрические измерения среди преступников, содержащихся в тюрьме, Ломброзо пришел к выводу, что существует четыре типа преступников:

- а) прирожденные преступники;
- б) преступники по страсти;
- в) случайные преступники;
- г) душевнобольные преступники.

Таким образом, по мнению Ломброзо, на основании антропологических измерений можно обнаружить «прирожденного преступника», обладающего особыми физическими чертами: сплюснутый нос, редкая борода, низкий лоб, большие челюсти, высокие скулы и т.п. Их удельный вес среди преступников составляет 35 процентов. Исходя из этих позиций, Ломброзо пришел к выводу, что, например, отдельные представители французской буржуазной революции, Парижской коммуны, I Интернационала были «прирожденными преступниками».

Предложенная Ломброзо таблица признаков природного преступника, по его мнению, характеризовала «атавистические» черты личности, которая от рождения наделена преступными наклонностями. Сам Ломброзо пишет об этом так: «Внезапно, однажды утром, мрачного декабрьского дня я обнаружил на черепе каторжника целую серию ненормальностей... аналогичных тем, которые имеются у низших позвоночных. При виде этих странных ненормальностей – как будто бы новый свет озарил темную равнину до самого горизонта, – я осознал, что проблема сущности и происхождения преступников была разрешена для меня» (цит. по [132] с. 20).

Теория Ч. Ломброзо совершенствовалась, и впоследствии были дополнительно выделены еще 16 групп факторов, якобы влияющих на преступность (среди них метеорологические, географические, экономические и другие данные, а также расовые признаки).

Профилактика преступности, по Ломброзо, включала в себя лечение, пожизненное заключение и физическое уничтожение «прирожденных преступников». Так разрабатывалась теория избавления от неугодных господствующему строю политических деятелей, расистская теория борьбы с преступниками. Последователи Ч. Ломброзо назывались «ломброзианцами» и «неоломброзианцами».

Последующие исследования криминологов доказали и фактическую, и теоретическую несостоятельность выводов Ломброзо. Однако поиски психических, физиологических, психологических свойств, роковым образом влекущих их обладателей к совершению преступлений, продолжались. Продолжаются они и по сей день.

Широкое распространение в Западной Европе получила теория, очень близкая к биологизаторской, согласно которой **преступление – это болезнь**. Вследствие такого отождествления происходило смешение преступления и болезни, что позволяло физически уничтожать, бросать в тюрьмы и отправлять на каторги, как душевнобольных за действительно совершенные или приписываемые им преступления, так и людей, только объявленных умалишенными. Такое смешение преступления и болезни было социально и политически выгодным для господствующего класса, поскольку позволяло вести расправу с политическими противниками.

Концепция **конституционального предрасположения к преступлению** – это одна из разновидностей биологизаторской теории. Немецкий психиатр **Эрнст Кречмер**, анализируя преступное поведение людей, пришел к выводу о связи между физической конституцией человека, его психическим складом и типом поведения. Он утверждал, что, например, хорошо физически развитые люди, атлеты могут быть склонны к тяжким насильственным преступлениям.

Американские психологи **В. Шелдон** и **Э. Глюк** на основе обследования 500 делинквентов и столько же их сверстников пришли к точно такому же выводу о связи конституции человека и его склонностью к преступлениям. Среди подростков-правонарушителей и делинквентов гораздо больше *мезоморфов*, то есть атлетичных, хорошо физически развитых. *Эндоморфы* (полные, дряблые), по мнению Э. Глюка, нарушают законы, правопорядок значительно реже.

Существует на Западе и теория **эндокринной предрасположенности человека к преступлению** (Ди Туллио, Р. Фуннес и

др.). По этой теории основной причиной преступного поведения является определенная аномалия в железах внутренней секреции.

Приверженцы **психоаналитической теории** преступное поведение объясняют сознательной агрессивностью. Поведением человека, согласно теории З. Фрейда, правят три тесно взаимосвязанных силы: Ид, Эго и суперЭго. Эти силы различны по своей природе и имеют свое предназначение. Ид – это вся привносимая с рождением биопсихическая энергия и составляет основу психики. З. Фрейд поместил ил в рамки двух подсознательных влечений – жизни (*Эрос*) и смерти (*Танатос*) [122].

В шестимесячном возрасте у ребенка завершается формирование Эго. Эго – это своеобразный посредник между инстинктами и средой, выбирающий наиболее безопасные способы разрядки напряжения. Эго, используя предыдущий опыт ребенка, условно переносит его влечения в рамки соответствующей ситуации, предвидит последствия удовлетворенности и побуждает или тормозит соответствующий поступок. Функцию самосохранения, осуществляемую Эго, З. Фрейд назвал *принципом реальности*.

На пятом-шестом году жизни формируется суперЭго. Переданные родителями нравственные ценности и формы составляют его содержание. Функционирование этого компонента психики весьма обобщенно можно сравнить с голосом совести.

Преступное поведение, согласно психоаналитической теории, таким образом, – это результат неадекватного развития Эго и суперЭго. Это объясняется ошибками семейного воспитания детей в раннем детстве. Сказывается, по мнению З. Фрейда, и структурное нарушение семьи.

В отличие от психоаналитической теории происхождения преступности, представители **бихевиоризма** все поступки человека и свойства личности попытались вместить в формулу «стимул – реакция». Б. Скиннер, например, считал, что у преступников нет каких-либо эмоциональных и моральных отклонений. Правонарушение он объясняет как соответствующую реакцию на окружающие раздражители микро- и макросреды. Бихевиористы, объясняя процесс усвоения отклоняющегося поведения, оперируют десятью психологическими механизмами. Основные из них – моделирование, имитация и подкрепление. Ребенок, наблюдая за преступным поведением родителей (моделирование), начинает подражать им, копировать их (имитация) и сам в дальнейшем поступает таким же

образом (подкрепление). В школьном возрасте (подростковый период) объектом моделирования становится референтная группа сверстников, неформальные объединения. Важно и воздействие макросреды.

Ярким представителем **культурологической теории** происхождения преступности был **А. Коэн**, который создал теорию культурной девиации. А. Коэн выдвигает гипотезу, по которой делинквентность – это существующая в общественной культуре субкультура, которой свойственны иные ценности, нормы и модели поведения. По теории А. Коэна, дети, включаясь в асоциальную группу, научаются преступной мотивации и осваивают технику преступных действий, потому что преступная среда является основной единицей делинквентной субкультуры. А. Коэн связывает преступность с факторами микросреды. В теории культурной девиации имеют место необоснованные и откровенно реакционные предпосылки, из которых следует, что преступность якобы распространена лишь в низших классах общества.

В настоящее время достаточно широкое распространение получила **теория наследственной предрасположенности** к совершению преступлений. Среди сторонников этой теории можно назвать Е. Гейера, О. Кинберга, Ж. Пинателя, А. Штумпеля. По их мнению, склонность к преступлениям передается по наследству, поскольку многие психические свойства передаются именно таким способом.

Однако ученые, занимающиеся проблемами преступности, видели, что не только биологические или психобиологические факторы влияют на возникновение правонарушений и преступлений. Поэтому параллельно развивалось и другое направление изучения причин появления преступности, сторонники которого считали, что необходимо учитывать и социальные факторы, которые характерны для определенных общественно-экономических формаций.

Второй подход к преступности – нацеленный на поиск ее причин в социальной действительности, в условиях жизни людей – впервые наиболее отчетливо проявился в работах бельгийского математика и социолога **Адольфа Кетле**, одного из создателей научной статистики.

Кетле в своей книге «О человеке и развитии его способностей, или Опыт социальной физики», которая увидела свет в 1835 году, исходил из того, что социальная жизнь и физические явления под-

чиняются законам одного порядка и должны изучаться точными методами математической статистики. Он доказал, что массовые общественные явления, такие как рождаемость, смертность, преступность подчиняются определенным закономерностям. С его точки зрения, изучение человека должно строиться так же, как и изучение природы. Путь к этому – наблюдение за поведением не отдельных людей, а их больших популяций.

Английский ученый **Д. Говард**, французские исследователи **Ж.П. Бриссо** и **Д. Дюпати** главную причину преступности видели в политическом и экономическом неравенстве людей, в пороках социальной жизни. Более того, анализируя статистические данные, Дюпати пришел к выводу, что поскольку существуют общие и постоянные причины преступности, то и число совершаемых ежегодно преступлений должно быть всегда одинаковым. Так впоследствии возникли социальные теории о вечности преступности. Наиболее яркими их представителями конца XIX и начала XX века были Э. Дюркгейм, Н.Д. Сергеевский, а в современный период – П. Солис, М. Клейнерд и др.

Мысль о вечности преступности как социального явления наиболее четко выразил французский социолог **Э. Дюркгейм**. Он считал, что любое общество невозможно себе представить без преступлений, поскольку они являются неотъемлемой частью, составным элементом этого общества. Объясняя причины преступности в классовом обществе, Э. Дюркгейм ввел понятие «аномия».

Аномия означает, что система норм, принятых в определенных социально-экономических условиях, становится неспособной управлять человеческим поведением. Поскольку, по мнению Э. Дюркгейма, в таком обществе становится невозможным осуществлять стремления людей, то в ответ на это начинаются массовые нарушения законов, правопорядка, сложившихся традиционных ценностей.

В современных социально-психологических теориях преступности значительное место отводится рассмотрению роли делинквентной субкультуры в формировании девиантного, в том числе и преступного, поведения. Внимание специалистов и общественности к проблеме субкультуры, этой своеобразной «культуры внутри культуры» было привлечено книгой А. Коэна «Делинквентные дети: культура шайки». «Делинквентная субкультура», по мнению А. Коэна, сводится к выворачиванию наизнанку системы ценностей

среднего класса, то есть предполагает явное и полное отрицание стандартов среднего класса и принятие их полной противоположности.

Концепция делинквентной субкультуры, конечно, представляет определенный интерес в объяснении отдельных частных социально-психологических закономерностей усвоения делинквентной морали и возникновения асоциальных проявлений, особенно несовершеннолетних, но объяснить феномен преступности в целом как социального явления эта концепция не в состоянии.

С этой точки зрения, как кажется на первый взгляд, более состоятельна широко распространенная на Западе теория множественных факторов **М. и Э. Глюков**. По этой теории в качестве причин преступного поведения рассматривается до 200 различных факторов, таких, например, как социальное и расовое неравенство, урбанизация, миграция, последствия НТР и т.п. Однако постановка в один ряд столь разных факторов не позволяет получить ясную картину истинной причины преступности в обществе.

Таким образом, представители социологической теории, критикуя сторонников антропологического направления в трактовке преступности, призывают к социальным реформам как мере профилактики и предупреждения преступности. Вместе с тем, характеризуя причины преступности, представители социологического направления не смогли выделить главных социальных причин, которые способствуют правонарушениям, не связывали эти причины с общественными отношениями, с основными закономерностями развития общества.

На современном этапе развития мирового сообщества, когда наметилась тенденция к росту преступности, некоторые западные ученые считают, что общей причиной роста преступности является прогресс человеческого общества, научно-техническая революция (урбанизация, технизация производства, миграция населения и т. д.). С точки зрения диалектического анализа развития человеческого общества подобные представления о причинах преступности не выдерживают критики.

Особенности подростковой преступности

Подростковая преступность или, на языке криминалистов, преступность несовершеннолетних – сложное социальное явление, «реагирующее» на 200 – 250 процессов и явлений жизни общества.

При этом надо иметь в виду три момента, которые выделяют **К.Е. Игошев** и **Г.М. Миньковский** [43], проводившие глубокие исследования причин преступного поведения несовершеннолетних.

Во-первых, преступления несовершеннолетних характеризуются высокой латентностью (скрытостью), то есть значительная их доля остается неизвестной правоохранительным органам, а потому виновные не привлекаются к ответственности. Эта безнаказанность, которая в свою очередь становится одной из причин новых преступлений, связана не столько с недостатками в работе в милиции и прокуратуры, сколько с тем, что преступление подростка, не повлекшее тяжких последствий, нередко рассматривается окружающими как проявление возрастной незрелости, озорства и т.п. И о нем не сообщается в правоохранительные органы.

Во-вторых, преступность несовершеннолетних как бы «подпирают» общественно опасные проявления со стороны подростков, не достигших возраста уголовной ответственности. Нередко их действия по своему характеру немногим отличаются от преступных действий подростков более старшего возраста (кражи, грабежи, посягательства на жизнь и здоровье, хулиганство и т.п.). Но в статистику преступности эти факты не попадают, так как с правовой точки зрения это не преступления, поскольку нет субъекта.

Правда, в житейском обиходе преступлением нередко считают любое деяние, если оно соответствует признакам, которые для сходных случаев предусматривает уголовный кодекс. Но преступление не исчерпывается событием, там есть и виновное лицо: человек, способный осознавать свои действия как преступные и нести за них ответственность. До наступления возраста 14 лет (а для ряда деяний 16 или даже 18 лет) закон не считает лицо субъектом уголовной ответственности. При совершении общественно опасного деяния таким лицом по уголовному закону преступления нет. Зачастую встречающийся термин «детская преступность» употребляется неверно. Дети малолетними преступниками в глазах закона быть не могут. Можно говорить лишь о преступности несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет.

В-третьих, преступность несовершеннолетних имеет обширный «фон», который составляют подростки, склонные к правонарушениям. При несвоевременности или недостаточности мер профилактики такие подростки, в конце концов, могут стать на путь

преступления. Отметим, что латентность здесь еще выше (некоторые исследования показывают, что своевременно удается выявить только каждого второго-третьего из числа несовершеннолетних, склонных к правонарушениям), и поэтому многие из таких подростков успевают стать преступниками.

Некоторые неблагоприятные изменения происходят и со *структурой преступности* несовершеннолетних. Правда, значительное большинство их преступлений (до 80%) не имеют повышенной общественной опасности: это преимущественно кражи и хулиганство. Тяжкие же преступления (убийства, причинение опасных для жизни или здоровья повреждений, разбои, изнасилования) составляют в общем числе преступности несовершеннолетних не более 20%. Преобладают не преступления, которые заранее тщательно готовились (так называемые *предумышленные*), а совершаемые под влиянием возникшей обстановки (так называемые *ситуативные*). Предумышленные преступления в структуре преступности несовершеннолетних составляют примерно четвертую – пятую часть [43].

Вместе с тем необходимо отметить:

а) увеличение доли девушек, участвующих в преступлениях, в том числе таких традиционно «мужских», как причинение телесных повреждений, разбои;

б) появление новых видов преступлений несовершеннолетних (похищение людей с целью получения выкупа, изготовление или распространение произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости и т.д.); рост распространенности некоторых уже имеющихся видов (угоны автотранспорта, незаконные сбыт или приобретение наркотиков, изготовление и ношение оружия и т.д.);

в) ухудшение мотивации корыстных и насильственных преступлений [43].

Преступления несовершеннолетних имеют свою возрастную специфику. Например, около трети имущественных преступлений причиняют лишь небольшой ущерб, и в отличие от большинства такого рода преступлений взрослых, подростковые кражи, грабежи далеко не всегда имеют корыстную мотивацию (т.е. стремление к наживе), а могут обуславливаться озорством, стремлением похвастаться, показать предприимчивость, превосходство. Или стремлением завладеть предметами молодежной моды, престижа, чтобы «быть как все» в составе группы. В то же время в последние годы

возрастает доля мотивации корыстных (корыстно-насильственных) преступлений несовершеннолетних, приближающейся к мотивации взрослых преступников. Возрастает и причиняемый ущерб. Речь идет о преступлениях против жизни и здоровья, половых преступлениях, хулиганстве. Возрастает доля преступлений, связанных с проявлениями жестокости, садистскими издевательствами над потерпевшими. Даже половые преступления, совершаемые подростковыми группами, относительно часто имеют в своей основе не только сексуальные побуждения, но и цинизм, жестокость, агрессивность. Причем жестокость выступает не как средство достижения цели, а как самоцель.

По выборочным данным **О.Д. Ситковской**, явная жестокость проявляется не менее чем в 15–20% насильственных преступлений подростков, а в этой выборке в каждом третьем случае была самоцелью.

Достаточно типична для тяжких насильственных преступлений несовершеннолетних неадекватность повода и содеянного, когда даже невинное замечание влечет немедленное нападение и беспощадное избиение, либо когда подростки пристают к будущей жертве, оскорбляют ее, провоцируют на выражение возмущения, угрозу милицией, после чего учиняют жестокую расправу. Здесь проявляется – так же как во многих имущественных преступлениях – сформированная внутренняя готовность совершить преступление (в данном случае связанное с агрессией, насилием, жестокостью).

Известно, что большинство преступлений несовершеннолетних (приблизительно 70–75%) носит *групповой* характер. Это и понятно: здесь в извращенной форме реализуется характерная для подростков потребность в общении.

Можно выделить [20] такую примерную типологию объединений подростков с девиантным поведением и антиобщественным сознанием:

1. **Случайные группы.** Подобные группы, например, затевают драки на дискотеках, стадионах и в других общественных местах. Такие группы, несмотря на название, имеют свои неписанные групповые нормы и ценности. Более того, вхождение в такую группу автоматически воспринимается, как согласие освободиться от социального контроля, возможность и желание «отпустить тормоза».

2. **Ретритистские группы.** (Под ретритизмом в социологии и психологии понимается стремление к уходу от действительно-

сти, от жизненных трудностей). Обычное занятие членов ретритистских групп – бесцельное времяпрепровождение, токсикомания и наркомания.

3. Агрессивные группы. Эти группы основаны на наиболее примитивных представлениях об иерархии ценностей. Подобный тип групп дошел до наших дней из глубокой древности практически без изменений. Характерные особенности агрессивных групп – это жесткая иерархическая структура, сильное групповое давление на ее членов, серьезные санкции за нарушение групповых норм, психологической основой которых является жесткое противопоставление: «мы – они».

Попав в группу с отрицательной направленностью ориентаций и поступков, они вовлекаются в подходящей ситуации в действия «скопом», которые вряд ли совершили бы в одиночку. Вместе с тем в таких группах в последние годы все более отчетливо проявляются элементы сплоченности, организованности, ориентации именно на преступную деятельность. Значительное их число носит смешанный характер, включая в себя как подростков, так и взрослых (примерно каждая третья группа), или возглавляются несовершеннолетними, которые вернулись из воспитательно-трудовых колоний, закрытых воспитательных учреждений. Среди участников этих групп культивируются обычаи преступников, жаргон, татуировки, устанавливается жестокая дисциплина, подкрепленная угрозой расправы с нарушителем, и т.д.

По терминологии криминологов, для участников этих групп создается так называемая «другая (или вторая) жизнь» в том смысле, что они в результате длительного общения в специфических условиях по существу отчуждаются от нормальной жизнедеятельности, присущей сверстникам. Структура и содержание их отношений определяются по преимуществу нормами и ценностями «своей» группы. Объединению подростков в такие группы способствует ряд факторов [43].

Во-первых, это состояние возрастного одиночества подростков. Одинокое среди взрослых или законопослушных, но слабо сплоченных групп сверстников, лишенные защиты от притязаний окружающих, подростки, входя в асоциальную группу, немедленно приобретают реальную физическую, психологическую, моральную и материальную защиту от притязаний окружающих. Это коренным образом меняет их самочувствие и формирует уверенность в

том, что никому из «чужих» не удастся их притеснять или обижать.

Во-вторых, в асоциальных группах с их специфическими ценностями, подростки получают широкое поле для самоутверждения, самореализации своего «Я» и компенсации тех неудач, которые постигли их в обществе. В таких группах никто не упрекает подростков за «двойки» и пропуски занятий. При этом в подобной группе подростки для занятия соответствующей ступени в групповой иерархии могут рассчитывать только на свои силы – никто, ни родители, ни «связи» здесь не помогут.

В-третьих, в среде подростков девиантного поведения не существует «двойной морали» (официальной и неофициальной), поэтому нормы и ценности девиантной или откровенно криминальной субкультуры подросткам кажутся наиболее справедливыми. Действительно, подростков очень привлекают такие правила: дал слово – сдержи, имеешь долг, – вовремя верни, а если нарушил какое-то правило – пеняй на себя и т.п.

В-четвертых, сам процесс девиантной деятельности оказывается привлекательным для несовершеннолетних, поскольку включает в себя элементы социального и физического риска, самые разнообразные экстремальные ситуации, окрашен налетом романтики.

В-пятых, в среде подростков девиантного поведения сняты все моральные ограничения, которые так «стесняют» поведение подростков в законопослушных общностях. Зато там сформирована своя мораль, более убедительная и доходчивая.

И, наконец, ценности и нормы девиантной субкультуры способны быстро распространяться в молодежной среде, поскольку подростки бывают увлечены броскими атрибутами и символикой, эмоциональной насыщенностью правил и ритуалов.

По этому принципу функционируют стойкие территориальные группы, организующие массовые драки за контроль над определенной территорией, группы в молодежных общежитиях, основанные на идее господства старожиллов над новичками и учиняющие драки и расправы с «чужими», группы, образованные по признаку принадлежности к отдельному учебному заведению или даже этническому признаку с националистической окраской действий.

Таким образом, состояние и тенденции преступности несовершеннолетних дают достаточные основания для вывода о том, что одна из важнейших задач борьбы с преступностью в стране – борь-

ба с преступностью несовершеннолетних. При этом дело не только в характеристиках самой преступности, ее уровня, структуры, динамики, но и в том неблагоприятном влиянии, которое она оказывает на обстановку в обществе.

Во-первых, преступность в среде подрастающего поколения существенно мешает правильному формированию личности несовершеннолетних, способствует распространению среди них антиобщественных взглядов, привычек, стереотипов поведения.

Во-вторых, преступность или иная противоправная деятельность несовершеннолетних наносит обществу серьезные производительные потери: материальных ценностей, нормальных условий семейного воспитания и т.д. Проследивая судьбы людей, осужденных в 14–17 лет за совершение преступлений, исследователи выяснили, что спустя десять лет после совершения преступления полноценную трудовую, общественную, семейную жизнь ведут около 45%; частично адаптировались в обществе, но требуют контроля в связи с сохранившимися отрицательными привычками (склонность к частому употреблению спиртных напитков, прогулам и т.п.) – около 23%, а каждый третий был вновь осужден. Таким образом, половина подростков, вставших на путь преступлений, так и не включились в социально полноценную жизнь.

В-третьих, преступность несовершеннолетних играет значительную роль в формировании рецидивной преступности, самой опасной и наиболее упорно воспроизводящей обычаи и ориентации уголовной среды части взрослой преступности. По данным некоторых исследований, 60–65% рецидивистов – это люди, начавшие свой преступный путь еще в несовершеннолетнем возрасте.

Не надо рассматривать преступность и иную противоправную деятельность как какое-то изолированное явление, состоящее из фактов преступного поведения, за которые необходимо привлекать к наказанию. Подросток проходит определенный путь к преступлению (не случайно же говорят «перешел на путь преступлений», «встал на преступный путь»). Первые деформации в поведении подростка малозаметны. Затем происходит их расширение и углубление, все более серьезными становятся проявления эгоизма, потребительства, бездуховности, ориентации на социально негативные формы общения и проведения свободного времени. Создается своего рода питательная среда для формирования и реализации преступной мотивации. И как финал – преступление.

Можно выделить ряд характерных черт личности несовершеннолетних преступников: *возрастные особенности или состояние психики, отношение к труду и досугу, общение и характер, деформации в развитии личности, отношение к закону* [43]. Рассмотрим их более подробно, опираясь на описания результатов исследований К.Е. Игошева и Г.М. Миньковского

Возрастные особенности или состояние психики. Причины и условия противоправного поведения в большинстве случаев не связаны непосредственно с психическими или какими-либо биологическими факторами (или эти факторы играют только роль провоцирующих, стимулирующих). Несовершеннолетним, склонным к совершению преступлений и иных правонарушений, всегда присуща определенная совокупность искажений интересов, потребностей, социальных ориентаций, отношения к людям. Эти искажения, как правило, возникают в связи с неблагоприятными условиями жизни и воспитания в конкретном случае. Дефективность сознания, по мнению А.С. Макаренко, – это не техническая дефективность личности, а дефективность каких-то социальных явлений, социальных отношений – испорчены отношения между личностью и обществом, между требованиями личности и общества.

Отношение к труду и досугу. В результате исследований установлено, что для подростков, совершивших преступления, типична утрата интереса к учебе. Среди них в пять раз больше, чем среди учащихся, доля прогуливающих занятия и в семь раз чаще встречаются неуспевающие. Характерен также отрыв от влияния учебного, а затем и трудового коллектива, игнорирование его требований и оценок. Утрачивается ощущение сопричастности к делам коллектива и его заботам, чувство стыда перед товарищами по учебе или работе. Шесть-семь из каждых десяти будущих преступников еще задолго до совершения преступлений не проявляли интереса к участию в общественной работе, обсуждению и решению проблем, возникающих в коллективе, все более отчуждались от него.

Ведущая деятельность для них – это участие в жизни неформальной группы. Если для обычных подростков такое участие дополняет участие в делах коллектива, то для тех, кто совершает преступление, *заменяет*, все остальное. Такая позиция отчетливо проявляется и при запоздалых попытках обсудить в коллективе уже не первые тревожные симптомы в поведении, а правонарушения, пре-

вратившиеся в привычку. Для большинства таких подростков безразлично, как к их поведению отнесется тот коллектив, где они учились или работали. Правда. Такое внутреннее отношение к общественному мнению может сочетаться с внешним, формальным признанием вины, лишь бы отстали.

Отсутствуют обычно и реальные жизненные платы, ориентированные на социальную значимость определенного вида труда и общественной деятельности. Этим подросткам как бы «несет» по течению туда, где, по их мнению, полегче, меньше предъявляется требований. Не случайно к совершеннолетию они нередко успевают три-четыре раза сменить род занятий.

Существенно искажены и досуговые ориентации. В частности, интересы в сфере содержательного досуга (техническое или художественное творчество, спорт, самодеятельность и т.д.) проявляются у несовершеннолетних преступников в три-четыре раза реже, чем у подростков с нормальным поведением. Невелика приживаемость этих подростков в спортивных секциях. Они не привыкли к волевым усилиям, режиму, самоограничениям.

Для несовершеннолетних, совершающих преступления, характерны:

а) ограниченность использования ряда каналов информации (регулярно читали книги не более 10–20 % обследованных подростков, совершивших преступления, газеты – менее 10 %, причем в основном спортивную и развлекательную информацию);

б) использование кино, телевидения, радио преимущественно как средства заполнения свободного времени, а не источника культурно значимой информации;

в) предпочтительное отношение к «своим» каналам информации, получаемой в микрогруппе, в которой преимущественно проводится свободное время;

г) ограниченность интересов и потребностей в сфере образования и культуры, предпочтение пассивно-потребительского досуга.

Соответственно и в сфере досуга для большинства несовершеннолетних преступников типично беспорядочное и бесцельное времяпрепровождение (часто в составе групп с отрицательной направленностью), праздные «шатания» по улицам, участие в выпивках. Кредо многих из них – повеселее пожить, взять от общества все, ничего не отдавая взамен. «Веселая жизнь» в их представлении – это безделье, проведение досуга в примитивных развлечениях.

ях. Такое понимание смысла жизни не позволяет утруждать себя заботой о том, чтобы использовать свободное время для нравственного совершенствования, для повышения культурно-образовательного уровня. К тем, кто это делает, такие подростки относятся презрительно.

Досуг участников подростковых групп с антиобщественной направленностью проходит в азартных играх, выпивках, сопровождаемых часто вступлением в беспорядочные половые связи, обмену новостями о популярной музыке, молодежной моде. Распространены в среде подростков, совершающих преступления, и так называемые досуговые выпивки, постепенно переходящие из ритуала в привычку, самоцель. Получило распространение коллективное употребление наркотических и других психотропных средств.

По мере взросления отставание по уровню знаний, общему развитию и культуре не сокращается, а растет. Незаметно для себя такая личность все более ограничивает круг источников информации и круг самой информации, интересной и доступной.

Так, сохранил интерес к чтению приблизительно один из десяти обследованных подростков, совершивших преступление, да и то речь идет, в основном, о фантастике, приключениях, детективах. Газеты регулярно читали тоже не более 10% из этого контингента, да и искали они при этом в основном спортивную или развлекательную информацию. Кино, телевидение, радио рассматриваются такими подростками как средство заполнения свободного времени в дополнение любимому бесцельному шатанию совместно со своей группой. Интересно, в частности, что опрошенные подростки оказались в большинстве своем неспособны к ясному рассказу о содержании прочитанной книги или увиденного фильма. Взамен источников информации, типичных для подростков с нормальным поведением, для лиц, совершающих преступления, характерно, в конечном счете, предпочтение членов своей группы как основных источников интересующих их сведений. Повышен, в частности, интерес к сведениям о нравах и обычаях преступных элементов, «блатным» песням и стихам, уголовной символике (татуировке) и т.д.

Общение и характер. Замыкаясь на общении со «своей группой», подростки, совершившие впоследствии преступления, постепенно теряют интерес к общению с товарищами по учебному или трудовому коллективу и даже с членами семьи, предпочитая

им контакты по месту жительства и проведение досуга с лицами негативной ориентации. Такая позиция оказалась характерной для двух из каждых трех обследованных подростков. Более того, каждый десятый, по собственному признанию (а в данном случае можно говорить скорее о занижении, чем о завышении в ответах действительного положения дел), предпочитал общаться с ранее судимыми: с ними ему было более интересно.

Существенные сдвиги отмечаются и в чертах характера. Для эмоционально-волевой сферы личности несовершеннолетнего преступника типично ослабление чувства стыда, развитие несдержанности, грубости и жестокости, лживости и несамокритичности. А вот ослабление волевых качеств констатируется лишь в 15 – 25 % случаев. Следовательно, в развитии преступного поведения чаще играет роль не слабоволие, а отрицательная волевая направленность.

Для большинства несовершеннолетних преступников характерны черты личности, сходные, но не тождественные ослаблению воли, такие как: ослабление внутреннего контроля, самооценки, критичности; невыработанность или «отмирание» привычки обдумывать свои действия и их возможные последствия. У половины несовершеннолетних преступников обнаруживается безразличное отношение к своим недостаткам. Между тем самооценка – это необходимое условие управления своим поведением, а ее дефекты (поверхностность, неточность, некритичность, несвоевременность) превращаются в стимуляторы противоправного поведения.

Неразвитая способность к критической самооценке у несовершеннолетних, совершающих преступления, дополняется несформированностью способности к правильной оценке качеств и поведения окружающих их людей. Этот дефект личности как бы «наслаивается» на возрастную психологическую особенность: подросток судит о поступках и словах другого человека в зависимости от того, как он сам относится к этому человеку. Поэтому он часто попадает под влияние людей с негативной ориентацией, которые специально подчеркивают свое внимание к подростку, его интересам и заботам. В результате подросток начинает воспринимать окружающее их глазами, некритически воспринимает их высказывания и поступки.

Существенно влияет на поведение подростков, совершающих преступления, и давление группы с негативной ориентацией, в ко-

тору они входят, ее требований и обычаев. При этом на первый план выступает мотивация, связанная с завоеванием и поддержанием авторитета в группе, с боязнью лишиться ее поддержки и испытать карательные санкции с ее стороны. Причем, действуя на виду у группы и совместно с другими ее членами, подросток значительно увеличивает и собственные отрицательные личностные качества. Например, повышенная эмоциональность в подобных ситуациях превращается в агрессивность, грубость, невыдержанность, демонстративное неуважение к правилам общественного поведения. Циничные оценки и суждения вожаков группы начинают восприниматься подростком как непреложная истина, и даже руководство к действию. Это выражается в стремительном переходе членов группы от нейтрального поведения к противоправному и даже преступному по первому сигналу лидера. Как показало исследование, подавляющее число членов преступных групп несовершеннолетних – 88 % – это рядовые исполнители, которые просто слепо следуют за немногочисленными организаторами и подстрекателями, в том числе и из числа взрослых.

Такое несамостоятельное, «автоматизированное» поведение рядовых членов группы подкрепляется системой группового контроля, в значительной степени подавляющего попытки самоконтроля, если они возникают. Групповой контроль опирается на нормы поведения, принятые в данной группе и в данной среде. Они привлекают подростков ориентацией на лжеромантику, риск, гипертрофированное чувство товарищества и взаимовыручки. Оказавшись под влиянием этой психологии, подросток все больше приближает свои интересы, потребности, позиции, стереотипы поведения к требованиям группы и как бы «растворяется» в этой среде.

Деформации в развитии личности. Для личности несовершеннолетнего преступника характерны не просто пробелы в развитии, а именно *деформации*, то есть замещение значительной части нормальных интересов, потребностей, стереотипов поведения на специфически негативные. Система оценок и предпочтений у подростков, становящихся на путь преступлений, переориентируется и превращается в стремление достигнуть престижного положения в негативной микросреде.

В данном случае, развитие идет как бы в обратном направлении. Утрата каких-то черт, свойственных положительно характеризуемым подросткам, у несовершеннолетних правонарушителей сопро-

вождается постепенным формированием вместо них негативных черт личности.

Конечно, деформации личности, типичные для несовершеннолетних преступников, возникают постепенно. По примерной оценке (К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский, 1989), подростки, совершившие тяжкие преступления, в четырех случаях из каждых пяти не менее двух-трех лет постоянно занимались *безнаказанным антиобщественным поведением*, пока у них не возник типичный «набор» свойств и стереотипов личности, непосредственно обусловивших совершение тяжкого преступления.

Вместе с тем даже у подростков со значительно деформированной личностью далеко не все ее свойства негативно окрашены. Выраженное неуважительное отношение к общественным установкам наблюдается лишь у 20–30% таких подростков, для большинства же несовершеннолетних преступников мотивация преступления носит более частный характер. Иными словами, у несовершеннолетних преступников часто можно выявить внутреннюю противоречивость, неоднозначность их личности.

Внутренняя противоречивость личности подростка, который может совершить преступление или уже совершил его, имеет ряд особенностей. Главная из них заключается в том, что противоречия духовного мира обнаруживаются в, казалось бы, несовместимой в рамках одной личности направленности: положительной и отрицательной. Это значит, что в системе побуждений такого подростка выражена конфликтность между позитивными отношениями ко многим социальным ценностям, полезной для общества активностью и негативным отношением к некоторым нормам поведения. Вторая особенность заключается в том, что внутренний конфликт такой личности разрешается в конкретных жизненных ситуациях в пользу негативных устремлений. Преступление несовершеннолетнего чаще всего является следствием такого неправильного разрешения конфликта личности, находящейся в стадии формирования.

Анализ внутренних противоречий личности подростка, совершившего преступление, позволяет утверждать, что они проявляются в наиболее острой форме в сфере нравственного сознания. В конфликтной ситуации, требующей бескомпромиссного выбора между добром и злом, «срабатывают» соответствующие дефекты личности, и выбор дальнейших действий легко может склониться в пользу преступления. По сравнению с обычными условиями чело-

веческой деятельности конфликтные обстоятельства, особенно если они возникают внезапно, вызывают у человека состояние повышенной психической напряженности. Это резко снижает, а иногда и вовсе сводит на нет сопротивляемость со стороны позитивных чувств, мыслей, намерений, которые у подобных подростков и без того развиты слабо.

От подлинной конфликтности личности несовершеннолетних преступников надо отличать мнимую конфликтность, когда предпочтение *осознанно* отдается противоправному поведению, но оно скрывается с помощью лицемерия. Такие подростки демонстрируют окружающим подчеркнутое уважение к их требованиям, а, оказавшись вне контроля, с легкостью совершают безнравственные или противоправные поступки. В результате получается, что казалось бы положительный подросток, не замеченный ранее ни в чем предосудительном, оказывается участником группового преступления или даже один совершает его. В таких случаях педагоги, воспитатели, родители часто говорят о «неожиданном» преступлении.

Практика свидетельствует, что около трети несовершеннолетних преступников – это подростки, которые до совершения преступления не считались в школе «трудными», не состояли на учете в милиции. Они в семье нередко были послушными и покладистыми, и в коллективе отзывались о них неплохо, а иногда даже приводили в качестве положительного примера. Соответственно, и преступления таких подростков оцениваются как случайные, а сами преступники нередко берутся под защиту не только семьей, но и педагогическим коллективом.

Действительно, встречаются такие преступления, которые на самом деле бывают лишь случайным и тяжелым эпизодом в жизни подростка. Но значительно чаще в подобных случаях милиции, суду и прокуратуре приходится иметь дело с длительной маскировкой подлинной сущности личности. Своевременно диагностировать нравственное нездоровье такого подростка значительно труднее, чем откровенных «нарушителей спокойствия». Вот почему, сталкиваясь с неожиданным для облика данного подростка совершением преступления, не надо тотчас же объявлять его случайным. Сначала надо поставить перед собой вопрос, не стало ли оно закономерным итогом негативного развития личности.

Отношение к закону. Типичным для подростков, совершающих преступления, является искаженное отношение к закону, его

предписаниям. В данном случае имеется в виду не столько проблемы в знании отдельных правовых норм или их игнорирование, сколько неправильное восприятие права, его значения и сущности. Еще А.С. Макаренко обратил внимание на отсутствие у несовершеннолетних преступников положительных *эмоций* по отношению к праву, понимания того, что нельзя жить в обществе вне его законов. А для несовершеннолетнего преступника характерна антиправовая уверенность, что его обязаны кормить, одевать и т.д., а он никаких обязанностей перед обществом не несет.

Боязнь уронить свой авторитет в группе часто берет верх над правовым запретом, даже если он известен подростку. Эта позиция подкрепляется и извращенными представлениями о степени реальности и характера ответственности: только каждый третий осужденный несовершеннолетний считал в момент совершения преступления, что оно, наверное, будет раскрыто. Остальные полагались на известные им примеры продолжительной безнаказанности преступной деятельности других подростков и знакомых. Так, примерно для 40 % осужденных привлечение к уголовной ответственности стало психологически неожиданным, так как за предыдущие почти такие же правонарушения их просто ругали, ставили на учет или наказывали родителей. Это довольно точно отражает реальное положение дел, поскольку до 10-15 % подростков, взятых на учет инспекциями по делам несовершеннолетних, фактически совершили преступные действия (кражи, хулиганство, причинение телесных повреждений и т.п.). Иными словами, совершенные ими преступления остались безнаказанными и фактически, и в глазах самих виновных, и в глазах окружающих.

Классификация несовершеннолетних преступников

Исследования, проведенные К.Е. Игошевым и Г.М. Миньковским, позволили выделить – в зависимости от основных мотивов преступного поведения, его устойчивости и степени развития личностных деформаций – 4 типа подростков, совершающих преступления.

1. Подростки с относительно устойчивой преступной направленностью. Среди несовершеннолетних преступников их всего 10–15%, но именно на них приходится большая часть тяжких преступлений и рецидивов преступности. Эти подростки характеризуются преобладанием в структуре личности примитивных, низ-

менных потребностей, агрессивности, жестокости, стойкой позицией относительно «преимущества» и «престижности» преступной деятельности в сочетании со значительной степенью отчуждения от нормальной системы ценностных ориентаций, общения, социальной деятельности. Именно такие подростки чаще всего бывают хранителями и переносчиками обычаев преступной среды, включая жаргон, татуировки, фольклор и т.п. Для этих подростков характерны настойчивость, активность в подготовке и совершении преступлений, ведущая роль в преступных группах.

2. Подростки с преимущественно отрицательной ориентацией личности. Они составляют 30–40% среди несовершеннолетних преступников. Таким подросткам свойственна привычка к бесцельному времяпрепровождению, выпивкам, для них престижна принадлежность к группам с отрицательной направленностью, в составе которых они чаще всего и совершают преступления.

3. Подростки с неустойчивой личностной направленностью. Их доля среди подростков, совершивших преступления, около 30 – 35 %. Характер их поведения очень противоречив: в хорошем окружении они хорошие, в плохом – плохие. Совершение преступлений такими подростками обычно имеет престижную или подражательную мотивацию, в ряде случаев стимулированную состоянием алкогольного опьянения или наркотической «ломкой», а также ощущением безопасности в силу групповой поддержки. «В группе поневоле наглеешь, особенно если выпил», – так достаточно точно оценил ситуацию один из опрошенных несовершеннолетних осужденных.

4. Подростки с преимущественно положительной характеристикой личности. Они совершают преступления под влиянием случайных обстоятельств в сочетании с легкомысленной оценкой своих действий и их возможных последствий. Их около 25–30% [43].

Зная эту классификацию, можно дифференцированно решать вопросы борьбы с асоциальным поведением подростков, не допуская ни избыточной суровости применяемых мер, ни их заведомой недостаточности из-за того лишь только, что подросток еще не достиг совершеннолетия.

Но эта классификация имеет еще одно практическое значение. Каждая ее ступень как бы продолжает предыдущую, показывает тенденцию усугубления антиобщественной деятельности личности

от случайного преступника до подростка с преимущественно преступной ориентацией. Так происходит, если меры по факту одного еще малозначительного преступления или даже до его совершения (когда видна криминальная тенденция развития личности) окажутся несвоевременными или недостаточными. Например, если семья или учебное заведение, вместо того, чтобы не допустить у подростка создания убеждения в его безнаказанности (для этого совершенно не нужно применять жестких мер, достаточно самого факта законного и справедливого реагирования), займутся фактически укрытием преступления.

Конечно, оценивая степень подготовленности подростка к преступлению или его повторному совершению, нужно учитывать не только эту классификацию несовершеннолетних преступников. Не менее значима и, например, оценка соотношения импульсивного и рационального поведения у конкретного подростка, степень выраженности у него возрастных особенностей. Конечно, возрастные особенности как социально-демографическая, психологическая и психофизиологическая категория сами по себе не порождают уголовно-противоправного поведения, между этими понятиями нет причинной связи. Однако полностью игнорировать возрастные особенности личности при исследовании возможности ее преступного поведения было бы неправильным. Возрастная специфика не определяет сам выбор противоправных способов решения проблем, но она влияет на конкретные формы и ситуации противоправного поведения и, следовательно, ее надо учитывать при исследовании механизмов преступного поведения. Так, инфантильность, высокая внушаемость и другие подобные возрастные черты личности при их значительном развитии в 4 – 5 раз повышают риск возникновения криминального поведения. Такими подростками совершается не менее 10 – 15 % всех преступлений несовершеннолетних [43].

Причины преступного поведения несовершеннолетних

Не касаясь причин преступности несовершеннолетних на общесоциальном уровне – это большая отдельная тема – рассмотрим проблему на уровне индивидуального преступного поведения подростков. Можно говорить о типичном комплексе, сочетании причин и условий, способствующих совершению преступлений конкретными несовершеннолетними. Причем именно о комплексе

(сочетании трех-четырех источников негативного воздействия), потому что в норме воспитательный потенциал всего общества и его основных институтов, формирующих личность, – семьи, учебных заведений, общественных организаций – гораздо мощнее какого-либо одного отдельно взятого негативного влияния и даже всех негативных влияний вместе взятых. И если негативные влияния в определенных случаях пересиливают, то дело в том, что они в этих случаях концентрируются в одном узком участке, например, в пределах жизнедеятельности конкретной семьи...

Тем важнее видеть те типичные издержки воспитания, с которых чаще всего начинается путь подростка к правонарушениям. Видеть, с какого момента, в каких формах, для решения каких конкретных задач необходимо взаимодействие семьи, учебного заведения, правоохранительных органов, чтобы устранить эти издержки до того, как подросток станет на путь совершения преступлений.

В истоках антиобщественного поведения сочетаются и взаимно усиливают друг друга ошибки и нарушения в сфере семейного и школьного воспитания, досуга и общения, воздействие средств массовой информации. Об этом уже говорилось в предыдущих разделах. Их влияние на формирование тех искажений личности подростка, которые обуславливают совершение преступлений, недооценивать нельзя, но все-таки основные причины формирования преступного поведения подростков – это недостатки и нарушения в семейном воспитании. При этом надо иметь в виду еще и то, что и влияние других источников формирования криминального поведения, о которых только что упоминалось, в значительной мере стимулируется позицией семьи [43].

Мы уже рассматривали сущность и содержание семейного воспитания, в том числе и применительно к процессу формирования девиантного поведения, но сейчас нам придется коснуться вновь некоторых проблем из этого ряда, ведь в данном случае нас интересует не воспитательный процесс в семье вообще, даже со всеми его сложностями, а те недостатки и нарушения в нем, которые тесно связаны с формированием такой конкретной формы девиантного поведения, как преступность.

В **неблагополучных семьях** интенсивно действуют внутренние примеры антиобщественного поведения. Здесь можно четко проследить три основных варианта криминогенной позиции семьи:

не желают воспитывать, не умеют, не могут. На практике это проявляется в том, что в таких семьях:

а) ошибочно поставлены жизненные цели (неблагополучные семьи);

б) родители занимают неправильную позицию относительно целей и средств воспитания (семьи, внешне благополучные, но на самом деле деформирующие личность ребенка);

в) родители попросту не в состоянии справиться с воспитанием детей (педагогически слабые семьи).

В **неблагополучных семьях** можно выделить три формы криминогенного влияния, которые взрослые члены таких семей оказывают на подростков. *Первая* – активное вовлечение несовершеннолетних в пьянство, употребление наркотиков, хулиганство, разврат, совершение правонарушений. *Вторая* – пример безнаказанного антиобщественного поведения, воспринимаемый детьми как стереотип привычного, нормального поведения (скажем, многие хулиганские действия подростков связаны с тем, что они просто воспроизводят в общественном месте стереотипы поведения, к которым привыкли в семье как к норме). *Третья* – выталкивание детей на улицу, их разочарование в родителях, ощущение собственной ущербности, обделенности [43].

Неблагополучные семьи формируют детей по своему образу и подобию. Из таких семей, – если только условия жизни и воспитания не будут своевременно нормализованы в результате вмешательства извне – во многих случаях выходят молодые люди, перенявшие у взрослых членов семьи циничное отношение к нравственным ценностям, неуважение к окружающим, пренебрежительное отношение к общественным нормам поведения. Они бравируют своим неуважением к требованиям дисциплины, играют, активную роль в преступных группах несовершеннолетних, нередко становясь их лидерами или «правой рукой» взрослого организатора преступлений.

Таким образом, отрицательные формы поведения взрослых членов семьи способствуют тому, что подросток не просто перенимает отрицательные образцы поведения, но и усваивает негативные ценностные ориентации, реализуя их уже в собственном антиобщественном поведении. Это, в частности, сказывается, на мотивах и характере преступлений. По сравнению с другими категориями несовершеннолетних, совершающих преступления, под-

ростки из неблагополучных семей чаще совершают преднамеренные преступления. При этом преступный умысел обычно имеет в своей основе продуманные и устойчивые мотивы. Если взять за 100% все преступления несовершеннолетних преступников, воспитывавшихся в семьях с так называемым интенсивным отрицательным примером взрослых, то окажется, что доля неосторожных преступлений, как и преступлений, в мотивах которых проявляется озорство, другие особенности подростковой психологии, на 20-25 % меньше, чем для преступлений подростков других категорий; зато соответственно выше доля заранее подготовленных преступлений с «взрослой» мотивацией или преступлений жестоких [43].

Жестокость многих преступлений подростков тоже вполне понятна. Грубость, унижение человеческого достоинства, аморальные поступки старших в неблагополучных семьях, побои и издевательства над детьми с их стороны ожесточают подростка и тем самым способствуют формированию таких черт, как мстительность, злобность, агрессивность, проявлению в поведении элементов жестокости и садизма. Кроме того, такая семейная атмосфера порождает своеобразную психологическую реакцию со стороны несовершеннолетнего – отстоять свое достоинство, утвердить себя как личность, не задумываясь о том, какими способами это будет достигнуто. Отсюда достаточно частые случаи насильственных действий подростков в отношении родителей, убийств и нанесения тяжкого вреда здоровью в обоюдных драках (при защите от расправившегося отца матери, младших братьев и сестер).

Наличие в семье деградировавших личностей (алкоголиков, наркоманов и т.д.) нередко приводит к утверждению в отношениях между взрослыми и детьми неприкрытой враждебности, отчужденности, взаимного отторжения. К этому следует добавить, что последствиями пьянства и алкоголизма родителей, как и ведение ими антиобщественного образа жизни в других формах становится утверждение в семье атмосферы бездуховности, неуважения человеческого достоинства. А подобная атмосфера уже сама по себе несет заряд криминогенного влияния на формирование поведения подростка.

По примерным оценкам, такие семьи составляют в общем числе семей, имеющих детей, от 5 до 10%, а дети из таких семей совершают 30–35% процентов преступлений несовершеннолетних. Из этого видно, что проблема преступности несовершеннолетних

далеко не исчерпывается неблагополучными семьями, хотя для подростков, которые выросли в них, криминальный риск возрастает в 4–5 раз по сравнению со сверстниками из семей, где нет явных примеров каждодневного антиобщественного поведения [43].

Наряду с неблагополучными семьями практика борьбы с преступностью несовершеннолетних знает и немало **внешне благополучных семей, в которых, тем не менее, уродливо деформировалась личность подростка**, вставшего, в конце концов, на путь совершения преступления.

Анализ причин такой деформации приводит к необходимости выявления скрытых от поверхностного взгляда сторон внутрисемейной жизни. К ним, как свидетельствуют результаты многочисленных исследований, относятся, прежде всего, нравственные дефекты в семейных отношениях, извращенное понимание жизненных целей и средств их достижения, которыми руководствуются взрослые члены семьи. Попытка семьи «жить по своим правилам», отличающимся от правил общества, да еще убеждать себя и детей, что «все так живут», довольно быстро может привести младших членов семьи к все отвергающей нигилистической позиции относительно морали и права со всеми вытекающими последствиями. «Наша семья не является замкнутым коллективом, – писал А.С. Макаренко, – она составляет органическую часть ... общества, и всякая ее попытка построить свой опыт независимо от нравственных требований общества обязательно приводит к дисгармонии, которая звучит как тревожный сигнал опасности» (цит. по [43, с. 32]).

Речь здесь идет прежде всего о семьях потребительски-собственнической, мещанско-престижной ориентации. Такая позиция родителей, их стремление к фетишизации вещей и карьеры, оцениваемой лишь как возможность доступа к материальным благам – неважно, законного или нет, – все это накладывает печать на интересы и потребности подростка, на его жизненные планы и установки.

Эгоистическая, собственническая атмосфера, царящая в семейных отношениях, гипертрофирование роли материальных благ в жизни, точнее, превращение их в самоцель – самая благоприятная почва для того, чтобы в психологии детей возникло и закрепилось корыстолюбие, стремление побольше взять у общества и других людей и поменьше им отдать. А это уже основа для формирования

криминальной мотивации как результат неприученности соотносить свои потребности с мерой личного труда и получаемого за него вознаграждения.

Так формируется эгоист, для которого как бы не существует законных интересов других людей, общественных запретов и ограничений, когда дело касается удовлетворения его притязаний. Одновременно возникает готовность преступить правовые запреты в подходящем случае. Такая готовность, поначалу плохо осознаваемая и не совсем оформившаяся, постепенно превращается в убеждение, жизненную позицию. Эта позиция и оказывается той глубокой социально-психологической основой, которая в конечном итоге определяет готовность совершить конкретное преступление.

Следует отметить, что семьи с потребительски-собственнической ориентацией – это лишь один из видов семей, моральное неблагополучие воспитательной атмосферы в которых, что называется, не лежит на поверхности. Но для всех таких семей характерна двойственность позиции родителей: внешне благопристойная мораль «на людях» и искаженные оценки общественных ценностей, оскорбительные отзывы об окружающих у себя дома. Такая двойственность заметно влияет на подростка, потому что он должен одновременно ориентироваться на две несовместимые нравственные системы.

Такая двойственность положения угнетает подростка, толкает его на приспособленчество и двуличие. А отсюда один шаг до так называемых ситуативных преступлений, неожиданных для окружающих. Ведь в зависимости от того, как складывается ситуация, такой подросток оказывается, как уже говорилось, психологически и морально подготовленным к совершению не только «вынужденно положительных», но и «вынужденно отрицательных» действий, которые от него требует или ожидает среда.

Но особенно досадно бывает, когда преступления совершают подростки, которые выросли в **хороших, но педагогически несостоятельных семьях**, в которых они изо дня в день видели положительный пример родителей, их заботливое к себе отношение. Главная причина таких преступлений – ошибки семейной, педагогической позиции семьи. «Как он мог? Мы же не учили его плохому», – обычная реакция таких родителей, узнающих, что сын или дочь совершили преступление. В таких случаях уместен вопрос: да, плохому вы его не учили, но учили ли вы его хорошему?

В чем же состоят основные воспитательные недоработки педагогически слабой семьи, носящие криминогенный характер, если их не нейтрализуют и не восполняют другие участники социального формирования личности подростков?

В первую очередь здесь надо говорить о несостоятельности родителей в вопросах формирования *разумных потребностей* детей и подростков, их неумение пресекать завышенные притязания детей, побуждать развитие одних потребностей и ограничивать другие, внимательно относиться к запросам и одновременно проявлять высокую требовательность. Воспитательная позиция многих педагогически слабых родителей сводится к простой формуле – подчиниться любым желаниям детей, вплоть до капризов. В результате у ребенка, так же как и в семьях с целенаправленным потребительским воспитанием, хотя и другим путем, формируются неумение сдерживать свои завышенные потребности, готовность добиваться удовлетворения желаний любыми средствами.

Педагогически слабая семья не заботится о постоянном «упражнении» детей в ответственном исполнении обязанностей – в учебе, помощи в домашней работе и т.п. Детренированность чувства долга легко может превратиться в элемент развития преступного поведения. Разовые эмоциональные вспышки со стороны родителей, которые пытаются криком, побоями или нотациями одним махом навести порядок после очередной жалобы на их детей учителей или соседей, не приводят ни к каким результатам. Точнее, приводят, но к результатам отрицательным – к возникновению и усугублению конфликтов между родителями и детьми, появлению психологического барьера между ними.

Последствия таких воспитательных ошибок педагогически слабых родителей еще более усугубляются, если они демонстрируют детям пренебрежительное или откровенно враждебное отношение к школе, ее требованиям. Семьи, в которых воспитывались подростки, совершившие впоследствии преступления, часто выступали именно как противники школы: родители в присутствии детей плохо отзывались об учителях, причем не о конкретных их недостатках, а «вообще», предъявляли учителям необоснованные претензии, осуждали их справедливые требования, пытались взять прощтрафившегося подростка под защиту, прибегали в беседах с учителями к «базарному» тону и т.п. Подростки нередко пытаются использовать эти расхождения в требованиях в своих целях, а в

результате ускоряется их выход из-под влияния и школы, и семьи, формирование внутренне противоречивой, а значит, неустойчивой модели поведения [43].

Педагогически слабая семья – это чаще всего семья со сниженным уровнем духовных потребностей и интересов, ограниченным кругом занятий в свободное время и разобщенностью досуга детей и взрослых. А это еще один криминогенный элемент воспитания в таких семьях – недостатки семейного воспитания. Скучающие подростки из таких семей ищут развлечений в уличной среде, причем таких развлечений, которые бы соответствовали по характеру их невысокой культуре. В подобной ситуации вероятность выбора криминального варианта поведения очень высока: вытесненные на улицу ребята сбиваются в компании, в которых уже начинают действовать законы группового поведения.

Таким образом, отсутствие в семье прямого криминального влияния, как и существенного искажения системы нравственных ценностей и ориентиров, еще не означает абсолютной защищенности подростков от перехода на преступный путь. Расстройство системы общения родителей и детей, отсутствие целенаправленного формирования положительных потребностей, интересов, ориентаций, их обедненность, неразвитость привычки к самоконтролю – все это достаточно легко ведет к возникновению ощущения неприкаянности, скуки, к отчуждению от семьи, выходу из-под ее влияния и попаданию в сферу негативного воздействия извне [55].

Говоря о влиянии неправильного семейного воспитания на формирование преступного поведения, нельзя не сказать о **безнадзорности**. Она в равной степени характерна как для подростков из педагогически слабых семей, так и из других рассмотренных выше типов семей с повышенным криминальным риском поведения детей.

***Безнадзорность** – это ослабление или отсутствие наблюдения за поведением и занятиями несовершеннолетних и воспитательного воздействия на них со стороны родителей или заменяющих их лиц [43].*

К этому следует добавить, что безнадзорность – процесс двусторонний. Для нее характерна еще и развивающаяся отчужденность самих несовершеннолетних от семьи и учебного коллектива, вплоть до полного выхода из-под их влияния (несмотря на наличие семьи, и статуса ученика) и одновременно безразличие последних

к усиливающимся проявлениям личностной деформации детей и подростков и источникам негативного воздействия на них.

Безнадзорность – одно из главных условий, способствующих совершению преступлений несовершеннолетними. По некоторым данным (К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский, 1989), в 80% случаев преступления несовершеннолетних связаны с безнадзорностью.

Тесная связь безнадзорности с преступностью вполне объяснима, ведь речь идет не просто об ослаблении формального контроля родителей за поведением детей, но и сложившимся микроклимате семьи, выражении серьезных дефектов в самом отношении родителей к своим функциям воспитателя, в проявлении и демонстрации детям социальной безответственности, равнодушия к их судьбе или очевидной для детей невозможности полноценного исполнения этих функций.

Одно из проявлений безнадзорности – отсутствие должной требовательности к подростку, его поступкам. Дело не только в том, что для многих родителей характерны неполнота, непоследовательность требований к ребенку, их нерешительность, но и в том, что нетребовательность сохраняется и при оценке негативных поступков, относительно которых надо было занять четкую, однозначную позицию. Так, родители нередко не реагируют на проявления грубости, хамства со стороны подростков, их агрессивности и т.п.

Столь же типично для состояния безнадзорности и неумение определить подростку круг обязанностей в семье и проконтролировать их выполнение. А ведь систематическое выполнение таких обязанностей воспитывает дисциплину и самодисциплину, помогает формировать умение заставлять себя делать то, что необходимо с точки зрения нравственной цели, а не то, что хочется в данный момент, то есть те необходимые элементы внутренней системы контроля, которых, как правило, и не хватает несовершеннолетнему, переходящему на путь правонарушений [43].

Безнадзорность проявляется и в отсутствии контроля за соблюдением детьми распорядка учебы и отдыха, отлучками из дома в вечернее время, а ведь хотя бы элементарный родительский контроль (куда собрался, с кем, когда придешь, все ли учебные и домашние дела сделаны) здесь необходим, потому что около половины правонарушений и преступлений несовершеннолетних совершается именно во время бесцельных хождения по улицам после 22 часов.

Кроме того, в 13-15 лет подростки очень легко расширяют круг общения, стремятся к демонстрации своей взрослости, самостоятельности и поэтому особенно охотно идут на контакты с теми, кто эту самостоятельность в них признает и поддерживает. Игнорирование родителями необходимости контролировать круг знакомств своих детей (в формах, не унижающих их достоинства), способствовать установлению и развитию контактов, обогащающих их личность и препятствовать развитию тех знакомств, которые представляют опасность для правильного развития, становится в этих условиях одной из наиболее опасных форм безнадзорности [43].

VIII. Суицид

Общие сведения и определение суицида

Суицид (самоубийство) – это один из наиболее трагичных видов девиантного поведения.

Различные аспекты проблемы самоубийств изучались философами (Н. Бердяев, А. Камю, Э.Фромм), психологами (А. Адлер, А. Анастаси, З. Фрейд и др.), религиозными деятелями (Трегубов), представителями общественных наук (Э. Дюркгейм). В философии и религии не давалось однозначного и емкого определения самоубийства, оно рассматривалось как нечто высшее или низшее в жизни человека, акт, к которому нужно стремиться или избегать его.

За последние десять лет в мире проведены активные научные исследования суицида, опубликовано более 300 статей, появились национальные и региональные программы борьбы с этим явлением.

Анализ современных концепций самоубийств, распространенных в зарубежной и отечественной психологии, выполненный **О. Г. Ковалевым** и др. [48], позволяет сформулировать некоторые основные понятия, которыми оперируют психологи, занимающиеся этой тематикой.

Суицидент – это человек, совершивший самоубийство или покушение на самоубийство.

Самоубийство (суицид) – смерть человека, ставшая результатом его волевой деятельности (действия).

Покушение на самоубийство – это однородная деятельность человека, не закончившаяся летальным исходом (смертью) по различным обстоятельствам.

Суицидальный риск – склонность человека к совершению действий, направленных на собственное уничтожение.

Под **суицидальным поведением** людей понимаются различные формы их активности, обуславливающие стремление лишить себя жизни и служащие средством разрешения личностного кризиса, содержанием которого выступает острое эмоциональное состояние при столкновении личности с препятствием на пути удовлетворения ее важнейших потребностей, причем кризис достигает такой интенсивности, что человек не может найти правильного выхода из сложившейся ситуации.

Суицидальное поведение имеет *внутренние* и *внешние* формы проявления.

Внутренние формы:

- *антивитальные* представления (размышления и разговоры об отсутствии ценности жизни);
- пассивные суицидальные мысли и высказывания (представления на тему своей смерти при отсутствии четкого замысла на самовольное лишение себя жизни: «Хорошо бы умереть...» и т.п.);
- суицидальные замыслы (разработка плана самоубийства, продумывание его деталей);
- суицидальные намерения (принятие решения о самоубийстве).

Внешние формы:

- суицидальные высказывания;
- суицидальные попытки (целенаправленное оперирование средствами лишения себя жизни, не закончившееся смертью);
- *завершенный суицид* [48].

В зависимости от типов суицидальных попыток суицидальное поведение может быть: *демонстративным* (или *демонстративно-шантажным*), *аффективным* или *истинным*.

Демонстративное суицидальное поведение – это розыгрыш самоубийства без всякого намерения реально лишить себя жизни. Оно проявляется в оказании психологического давления на окружающих значимых лиц, чтобы изменить ситуацию в благоприятную для суицидента сторону, т.е. человек понимает, что его действия не должны повлечь за собой смерть. Более того, он предпринимает меры предосторожности. К сожалению, эти меры не всегда оказываются достаточными, и это нередко становится причиной «незапланированного» трагического исхода.

Демонстративное суицидальное поведение больше характерно для женщин.

Аффективное суицидальное поведение. Подобного рода суицидальные попытки совершаются на вершине аффекта, который сопровождается дезорганизацией и сужением сознания. Это может длиться всего минуту. В такого рода попытках лишения себя жизни тоже есть элемент демонстративности.

Такое поведение тоже больше характерно для женщин.

Истинное суицидальное поведение характеризуется устойчивостью, целенаправленностью, действий, связанных с осознанностью желаний лишить себя жизни (заранее выбираются место и время совершения суицидального акта, чтобы никто не смог помешать).

Истинное суицидальное поведение больше характерно для мужчин.

Издавна наложение на себя рук расценивалось как страшный грех. Недаром христианская церковь отказывается хоронить самоубийц в кладбищенской ограде. Тем не менее, это не останавливает людей, не видящих иного выхода из сложившейся ситуации [48].

Несмотря на свою трагичность, суицидальное поведение в мире довольно распространено. По числу самоубийств первое место в мире принадлежит Венгрии – в среднем 40 суицидальных актов на 100 тысяч жителей в год. В России в 1991 году (напомним, что это был последний год существования СССР) было зафиксировано 39.960 случаев самоубийства. (Для сравнения – в конце XIX века в Европейской России добровольно уходили из жизни примерно 2250 человек в год) [57].

Бездомные, безработные, униженные, отчаявшиеся – вот наиболее многочисленная категория самоубийц. Но, оказывается, в этом вопросе не все так просто. Чтобы лучше представить себе неоднозначность картин суицида, вновь обратимся к фактам, собранным А. Лавриным.

Во-первых, самоубийства происходят и в среде богатых и даже очень богатых людей. Для примера сообщим, что в начале XX века застрелился русский миллионер Савва Морозов. А вот пример из недалекого прошлого: при обстоятельствах, весьма похожих на самоубийство, гибнет 38-летняя Кристина Онассис, дочь миллиардера Аристотеля Онассиса.

Во-вторых, самоубийство, как это ни странно, «пользуется популярностью» среди творческой и научной элиты во всем мире. Так, только в XX веке добровольно ушли из жизни русские поэты Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Марина Цветаева, австрийский писатель Стефан Цвейг, американец Эрнст Хемингуэй, советский писатель Александр Фадеев, великий французский комик Макс Линдер, прославленная Мэрилин Монро... А рок-музыканты? Элвис Пресли, Джимми Хендрикс, Александр Башлачев, Сергей Коржуков (лидер «Лесоповала»), Игорь Сорин, один из «Иванушек»...

В-третьих, статистика показывает, что между низким уровнем жизни в стране и числом самоубийств нет прямой зависимости. Так, один из лидеров по числу самоубийств на душу населения, как ни странно, – одна из богатейших стран Европы и мира Швеция, страна, где благополучно и едва ли не образцово решаются социальные проблемы. И тем не менее...

Причем лидерство это продолжается уже многие десятилетия.

Отдельно хотелось бы остановиться на самоубийствах народов угро-финской группы, которые на протяжении многих веков лидируют по числу суицидальных актов на душу населения. Венгры, кстати, относятся именно к этой группе.

Этот феномен исследуют на кафедре судебной медицины Ижевской медицинской академии. И там пришли к интересным выводам. По словам заведующего этой кафедрой профессора **В.И. Витера**, «еще в XIX веке было установлено, что на территории Волго-Вятского региона показатели суицида были значительно выше, чем во всей Российской империи» [19]. Причем за счет только трех национальностей – удмуртов, мордвы и марийцев, у которых количество самоубийц на сто тысяч человек в десятки раз превосходило подобные показатели у других обитающих здесь народов. Объяснить такое социальными причинами было нельзя: все народы жили примерно одинаково. В двадцатых годах XX века к этой теме вернулись, и тоже безрезультатно – ни медики, ни социологи не нашли объяснения.

В наше время исследования были возобновлены. Социологи выдвинули, казалось бы, правильную гипотезу: ухудшаются жизненные обстоятельства, – растет количество самоубийств. Казалось бы, и реальная действительность конца восьмидесятых – начала девяностых давала все основания для такой схемы. В последние

годы существования СССР с прилавков исчезли товары и продукты – их уже не покупали, а «доставали». С распадом СССР все изменилось с точностью до наоборот: на прилавках все появилось, но начались невыплаты зарплат и безработица. Но, установили социологи, число самоубийств от этого заметно не увеличилось: между бытом и суицидом прямой зависимости выявить не удалось. Имеются, конечно, некоторые колебания, но они незначительны, поэтому, как уже говорилось, однозначно утверждать, что суицид растет от плохой жизни, нельзя. Впрочем, социологам удалось выявить другую важную тенденцию: те незначительные колебания в уровне суицидов, которые зависят от уровня жизни, наблюдались в Волго-вятском районе у всех населявших его народов, кроме удмуртов, мордвы и марийцев. У них суицид *всегда* был стабильно высоким. А жизненные катаклизмы перестроечного и постперестроечного времени у этих народов заявили о себе тем, что резко участились самоубийства среди работоспособного населения. И если самоубийства в крайних возрастных группах – у очень молодых и у стариков – психологи объяснить возрастными особенностями, то добровольному уходу из жизни 30-40-летних объяснений не нашлось. И психологи, и психиатры, и социологи вынуждены были признать, что у удмуртов, мордвы и марийцев каких-то особых социальных причин суицида нет. Тогда-то за изучение этой проблемы и взялись судебные медики. Оказалось, что корни этого феномена лежат глубже. Причем верное направление поисков к разгадке «удмуртского феномена» подсказали история и география [19].

Очень давно на территории нынешнего Волго-Вятского региона проживали угро-финские племена. Затем часть этих племен, гонимая кочевниками, ушла на запад и север. Так позже появились финны, венгры, эстонцы, рядом поселились марийцы и мордва. Сегодня все они живут в разных социальных условиях, но одно у них общее: у всех этих народов суицид в несколько раз превышает общемировой уровень. На первом месте, как уже говорилось, венгры, у которых почти 40 (если быть более точными, то 39,8) случаев самоубийств на 100 тысяч жителей. И это при том, что 20 случаев считается очень высоким показателем суицида. Эстонцы скрывают свои данные по суициду, введя «собственную» систему подсчета, которая не коррелируется с общепринятой. В Финляндии 28,5 случаев на 100 тысяч населения. Это очень высокий показатель, но в

маленькой Удмуртии – 74,7 случая на 100 тысяч. Причем, что интересно, этот показатель суицида по республике – адресный: в Удмуртии проживают люди более ста национальностей, все живут в одинаковых условиях, однако у удмуртов самоубийств в десятки раз больше, чем у людей других национальностей, проживающих в том же регионе [19].

Но если социальные условия не влияют на суицид, то, может быть, дело в особенностях организма угро-финских народов? Это и послужило отправной точкой исследования судебных медиков. Оказалось, что практически у всех самоубийц удмуртской национальности есть глубокая патология надпочечников и гипофиза – органов, которые регулируют стрессы и определяют поведенческие реакции человека. Причем эти патологические процессы настолько давние, что они уже переходят в глубокую структурную перестройку этих органов. А это, по мнению исследователей, приводит к хроническому стрессу. Другими словами, народы угро-финской группы, сами не замечая этого, живут в постоянном душевном напряжении, а значит достаточно малейшего повода, чтобы человеком овладело нестерпимое отчаяние, из которого он видит только один выход – самоубийство.

Ученые Ижевской медицинской академии уверены, что разгадка «удмуртского феномена» самоубийств – именно в патологической перестройке органов. Физиологическая патология влечет за собой и патологию психики. А началось все, по гипотезе ученых, очень давно, когда угро-финны жили здесь компактно. В то время произошел на этой территории какой-то природный катаклизм (по одной версии – обрушилось огромное космическое излучение, по другой – тектоническая катастрофа выплеснула на поверхность силовое поле очень высокого напряжения) и это повлияло на генную структуру проживающего здесь народа. Произошла «поломка» какого-то гена, обусловившая постепенную, на протяжении веков, перестройку структуры надпочечников, гипофиза и, возможно, других желез внутренней секреции. А затем угро-финны расселились по Земле, унося с собой последствия того катаклизма. И сейчас для угро-финских народов проблема самоубийств выдвигается на первый план. Это и показывает мировая статистика суицидов с лидирующей многие десятилетия Венгрией.

Таким образом, возникновение у человека идеи об уничтожении самого себя, процесс принятия решения о совершении акта

самоубийства, его психологическая мотивация, различия в мотивах, позволяющие выделить разные типы самоубийств, – эти, да и многие другие вопросы, к сожалению, и сегодня не утрачивают своей актуальности, продолжая оставаться сложными для ответа.

Кроме того, необходимо отметить, что часто человек, решившийся на самоубийство, по вполне понятным причинам не может стать объектом научного наблюдения, потому что этот его поступок, как правило, подготавливается и совершается в тайне. Если же суицид становится результатом импульсивно принятого решения, то процесс наблюдения тем более невозможен или очень ограничен во времени, не говоря уж о том, что долг любого человека, знающего или догадывающегося о назревающей трагедии – не хладнокровное наблюдение самоубийства в интересах науки, а использование всех доступных средств для его предотвращения.

Можно, конечно, изучать оставленные самоубийцами записки, письма, дневники (это, конечно же, обязательно делается), и они помогут в известной мере пролить свет на причины происшедшего. Но такие «обращения к потомкам» не всегда остаются или отличаются предельной краткостью. Кроме того, их авторы далеко не всегда могут (или не хотят) полно и подробно выразить свои мысли и чувства; да и то глубинное, что переживается ими и толкает на этот роковой шаг, в какой-то степени, скорее всего, остается неосознанным ими до конца [11; 48].

А в результате большей частью единственным, наиболее важным и достоверным материалом для анализа суицида оказываются воспоминания людей, наблюдавших ушедшего из жизни человека в его последние дни. Хотя при этом надо помнить о том, что субъективизм в отношениях, как к покойному, так и к его поведению может значительно исказить действительную картину происшедшего, и подлинные мотивы самоубийства. Поэтому к подобным сведениям нужно относиться с большой долей критичности. При выявлении мотивов самоубийства большое значение приобретает *гипотетический анализ*, в основе которого должны лежать конкретные факты и объективные знания.

Причины суицидальных поступков

В психологической науке наибольшее распространение получили два основных подхода к изучению и объяснению причин самоубийства и психологии суицидентов.

Личностный подход является ведущим при определении особенностей суицидального поведения и затрагивает целый спектр вопросов, касающихся изучения мотивации самоубийства, определения психологических характеристик личности суицидентов. В русле этого направления работали З. Фрейд, А. Адлер, Э. Берн, и другие современные психологи. Особенность данного подхода заключается в том, что самоубийство изучается в контексте влечений человека. Основными движущими силами самоуничтожения здесь признаются два ведущих влечения, проявляющиеся на бессознательном уровне: Эрос и Танатос.

Кроме изучения ведущих мотивов и влечений суицидентов, ряд представителей личностного подхода подробно рассматривают и другие психологические характеристики личности. Так, А. Бекк, Л. Лестер, Б. Данто, Д. Бернс и др. выделяют и описывают чувство вины, брезгливость, внутреннюю (личную) тревожность, отсутствие веры в будущее, пессимизм, гордость и некоторые другие психологические характеристики суицидентов.

Анализ основных концепций психологов – представителей личностного подхода – позволяет выделить некоторые преимущества и недостатки этого направления (О.Г. Ковалев и др.). К преимуществам относятся:

- культивируемое социальное неодобрение самоубийц, выработка в общественном сознании неприятия (отвержения) таких лиц;
- выделенный комплекс неполноценности суицидентов, наличие у них чувства вины за попытку совершения самоубийства;
- попытка систематизации психологических характеристик личности суицидентов, выработка на этой основе практических рекомендаций по профилактике самоубийств.

К недостаткам личностного подхода при объяснении причин самоубийств и психологии суицидентов можно отнести:

- ограничение интерпретации побудительных механизмов поведения суицидентов положениями теории влечений;
- утверждение о том, что люди с врожденными или приобретенными конституциональными дефектами или страдающие невротическими расстройствами должны рассматриваться как потенциальные самоубийцы [48].

Более распространен в психологической науке *социальный подход* в изучении самоубийств и психологии суицидентов. Его осно-

вателем стал классик западной социологии Э. Дюркгейм, автор известной работы «Самоубийство: социологический этюд». Дюркгейм проанализировал социальные, психологические, региональные и другие аспекты проблемы самоубийств и наметил некоторые пути их профилактики.

Э. Дюркгейм отвергал тезис о том, что в основе самоубийства лежат личностные характеристики суицидентов (темперамент, характер и т.п.). По его мнению, внесоциальные (личностные) причины оказывают незначительное влияние на возникновение самоубийств. Он, а также **О. Джоссет** и **М. Тоурс** определили природу *социальных причин самоубийств* и рассматривали их соотношение с индивидуальными состояниями, сопровождающими различные виды самоубийств. Ученые полагали, что внесоциальные причины обуславливают суицидальное поведение лиц с психическими аномалиями.

Анализ работ авторов – сторонников социологического подхода к изучению суицида – позволяет выделить их достоинства и недостатки. К числу достоинств, на наш взгляд, относятся: попытка рассматривать в качестве побудительных механизмов суицидального поведения не только личностные, но и социальные факторы, а также – классификация суицидов. Недостатками данного подхода являются:

социализация проблемы (стремление ученых убедить общественность в том, что самоубийства склонны совершать умалишенные люди с выраженными аномалиями психики;

психически здоровые люди якобы совершают самоубийства, побуждаемые исключительно социальными факторами: неудовлетворенностью социальным статусом и финансовым положением, участием в боевых действиях, попаданием в стихийные катаклизмы и т.п.).

– полное отрицание влияния личностных характеристик на поведение суицидента, принятие им решения о добровольном лишении себя жизни [48].

В отечественной психологии проблему самоубийства исследовали К.И. Аркадьева, А.Г. Амбруева, С.В. Бородин, И.Б. Бойко, Ю.В. Вагин, М.С. Занадворов, М.П. Меленьтьев, А.С. Михлин, Л.И. Постовалова и др. Анализ работ этих авторов и их интерпретация позволяет выделить основные психологические характеристики, присущие суицидентам. К ним, в частности, относятся: эмо-

циональная вязкость (доминирование одной эмоции), обидчивость, раздражительность, высокая степень конфликтности, слабая личностная психологическая защита; самооценка, неадекватная личностным возможностям; слабая толерантность (способность организма переносить неблагоприятные воздействия) к эмоциональным нагрузкам; неуверенность (ощущение собственной слабости); высокая потребность в самореализации; потребность в положительных эмоциональных связях, искренних взаимоотношениях; развитая эмпатия (понимание эмоционального состояния другого человека посредством сопереживания, проникновения в его субъективный мир), основанная на ожидании понимания и поддержки со стороны окружающих; слабый волевой контроль; низкая активность; пессимизм и тенденция к самообвинению; несамостоятельность; агрессия как постоянная форма проявления личностных характеристик; высокий уровень тревожности [48].

Самоубийство (здесь и далее мы будем говорить только об истинном суицидальном поведении), таким образом, представляет собой феномен не только психологический, но и социальный, исторический и даже национальный (вспомните, например, о характере как о национальном виде самоубийства). Поэтому для ответа на вопрос о его причинах надо учитывать не только психологические или медицинские обстоятельства, но и политическую ситуацию в обществе, исторические особенности эпохи, бытовые условия, в которых находился самоубийца в последний период жизни, национальные, религиозные традиции, характерные для той социальной общности, к которой он принадлежал, и многое другое.

Американский психолог из Колумбийского университета **Джеффри Янг** в ряду причин суицидального поведения особенно выделяет *одиночество*, которое он называет «младшей сестрой депрессии. Не каждый одинокий человек страдает депрессиями, но каждый, кого они мучают, – одинок. А от депрессии до самоубийства «путь порой бывает короче, чем из прихожей в комнату, к телефонному аппарату» (цит. по [57], с. 273).

Эту точку зрения поддерживает **П. Ширихев**, заведующий лабораторией психологии межгрупповых отношений института психологии АН СССР, описанную В. Солодовниковым в газете «Московский комсомолец» 2 июня 1992 г.:

«Основная причина суицида – ощущение человеком бессмысленности своего существования. Оно имеет связь с положением, в

котором находится данное общество, в частности. С экономической нестабильностью, идеологической неразберихой, переоценкой общественных норм морали. Что касается больших городов, к числу которых относится Москва, то здесь существует такое явление, которое на языке психологов называется – анонимность в толпе. Иначе говоря, это ситуация, когда человек ощущает страшное одиночество, имея массу знакомых, коллег, приятелей...» (цит. по [70], с. 273).

Во многих странах сегодня существуют общества, бригады, группы по предотвращению самоубийств. По их данным, у большинства их клиентов мысли о самоубийстве возникают именно из-за одиночества. Проблемы молодых людей, как юношей, так и девушек, связаны в первую очередь с тем, что они не могут найти себе партнера или же не в состоянии наладить с ним такие отношения, которые удовлетворяли бы обоих. Среди людей старшего возраста эта проблема в основном касается женщин, у которых вдруг опустел дом, когда выросшие дети начали самостоятельную жизнь, или которых оставил муж.

«Одиночество потому воспринимается как нечто ужасное, – объясняет доктор психологических наук **Регула Фрейтаг**, работающая в Обществе по предотвращению самоубийств в Германии, – что мы никак не можем понять: это состояние вообще *присуще человеку*. Любому из нас знакомо чувство, что он один на всем белом свете, что возможности выразить себя, как-то заявить о своем «я» в принципе очень ограничены. Людям было бы неприятно это сознавать, и мысли об одиночестве они подсознательно стараются подавлять» [57, с. 18]. Это, однако, не всегда и не всем удается. И тогда человек начинает задумываться, а стоит ли ему вообще жить...

Когда немецкая актриса Мария Шелл сознательно приняла большую дозу снотворного, чтобы уйти из жизни, окружающие были потрясены – ведь она всегда была такой жизнерадостной, энергичной. Оказалось, что она просто маскировала свое одиночество.

Впрочем, не только одиночество становится причиной самоубийства. Есть ему и немало других причин, совершенно, порой, непонятных обычному нормальному человеку.

В актерской среде, скажем, самоубийства – довольно распространенное явление. Причины суицидальных актов чаще всего сво-

дятся к одному: *потеря популярности* и, как следствие, отсутствие предложений от режиссеров. Так, знаменитый актер немого кино Макс Линдер (Габриель Левьель) после 1922 года почувствовал падение популярности, некогда огромной. Это привело к нервному заболеванию, затем и к самоубийству [57].

В той же беседе с В.Солодовниковым для газеты «Труд» П. Ширихев приводит другую интересную причину самоубийств, которая сейчас, когда совсем еще молодые люди организуют и возглавляют солидные фирмы и предприятия, для некоторых, особенно для молодежи, может показаться не совсем понятной. Продолжим цитирование П. Ширихева: «Утверждать, что все самоубийцы – люди с психическими отклонениями ошибочно. Среди них немало весьма интеллигентных молодых людей. Но дело в том, что многие из них остро ощущают *утрату перспективы профессионального роста* (выделено мной – В.П.), вызванную десятилетиями геронтократии», которая и в наше перестроечное время дает себя знать...» [там же] (*геронтократия*, чтобы была понятна суть этого высказывания – *это правление стариков – В.П.*). Иными словами, в не столь далеком еще прошлом у людей складывалось впечатление (и часто, к сожалению, небезосновательное), что сделать профессиональную карьеру молодому человеку, пусть даже и способному, просто невозможно – старики крепко держатся за свои места и не собираются их уступать никому вплоть до самой смерти. И эта бесперспективность толкала людей на самоубийство. Не самых глупых, надо сказать, людей...

Столкнувшись с неразрешимыми проблемами, даже сильные люди нередко готовы добровольно расстаться с жизнью, не видя путей решения этих проблем. Вновь обратимся к фактам, собранным А. Лавриным. Во время сталинских репрессий многие видные партийные, государственные и военные деятели кончали с собой, когда понимали, что скоро *будут арестованы по ложным обвинениям*. Иногда сами чекисты, приходившие для ареста, сами подсказывали людям такой выход. Но самоубийством кончали в то время и те, кому не грозила немедленная опасность ареста и тем более физического уничтожения. Откровенным вызовом политике массового террора были самоубийства Надежды Аллилуевой и близкого друга Сталина наркома Серго Орждоникидзе.

В 1956 году застрелился писатель Александр Фадеев, протестуя этим против политического надзора за литературой со стороны КПСС.

Один из распространенных мотивов *самоубийства в знак протеста* – борьба за свободу родины. Характерно, что так поступают люди и при тоталитарных, и при демократических режимах. Приведем такой пример. Во времена, которые сейчас принято называть «застойными», 14 мая 1972 года, в центре Каунаса облил себя бензином и поджог бывший студент политехнического института Ромас Калантас. В его дневнике нашли записи о необходимости независимости Литвы.

Есть самоубийцы, страдающие «болями» всего мира. Так, в Сайгоне два молодых буддийских монаха совершили самосожжение в знак протеста против войны во Вьетнаме. Но есть и частные поводы для подобного рокового поступка. В марте 1990 года египтянка, мать двоих детей, покончила самосожжением в знак протеста против того, что муж запретил ей смотреть любимый телесериал. В газетном сообщении о происшествии говорилось, что супруг обратился к своей жене с просьбой убраться в доме вместо того, чтобы смотреть телевизор. В ответ на это женщина облила себя керосином и щелкнула зажигалкой...

Часто кончают с собой *заключенные тюрем, лагерей, психиатрических лечебниц*.

Самоубийством кончают даже лидеры государств. Не выдержал *политической травли* президент Бразилии Жетулино Варгас. 24 августа он застрелился прямо в президентском кабинете.

В восьмидесятых годах XX века настоящая эпидемия самоубийств прокатилась по индейским резервациям в США и странах Латинской Америки. Здесь главными причинами выступали *разрушение этнических традиций* индейцев (коренного населения этих стран) и уменьшение ареала обитания. А в Индии до сих пор к суициду приводит древняя традиция *са́ти* («живительный источник самоубийства»). По ней жене предписывается после смерти мужа совершить самосожжение на его кремационном костре.

Очень часто на добровольный уход из жизни людей провоцирует *неизлечимая болезнь*, что дало повод для дискуссии во многих странах мира о разрешении *эвтаназии* (намеренного ускорения смерти или умерщвление неизлечимого больного с целью прекращения его страданий).

А вот Мария Склодовская-Кюри, дважды лауреат Нобелевской премии, вместе с мужем добровольно ушла из жизни, чтобы не видеть себя старой и дряхлой.

Нельзя не упомянуть о такой причине ухода из жизни как обычная *глупость*. Хрестоматийный пример этому был описан в египетской прессе. Летом 1990 года покончил жизнь самоубийством египтянин, узнав о проигрыше сборной его страны на чемпионате мира по футболу в Италии. «Моя жизнь подошла к концу, как только закончился футбольный матч египтян с англичанами», – было указано в его прощальной записке [57].

Несмотря на такое обилие причин, по которым люди добровольно расстаются с жизнью, и значительную суицидогенность фактора одиночества, большинство психологов сходятся во мнении, что главную роль в возникновении суицидально опасной ситуации играют конфликты. Обычно суицид рассматривается как феномен социально-психологической дезадаптации личности в условиях микросоциальных конфликтов.

К наиболее суицидогенным конфликтам можно отнести такие:

1. Конфликты, связанные со спецификой деятельности и социального взаимодействия людей: индивидуальные адаптационные трудности; неудачи при выполнении конкретных задач; конфликты с сослуживцами или коллегами по работе; служебные или межличностные конфликты между начальниками и подчиненными.

2. Лично-семейные конфликты: неразделенная любовь, измена жены (любимой девушки), развод, смерть близких, половая несостоятельность мужчины.

3. Конфликты, обусловленные состоянием здоровья: психические заболевания, хронические соматические заболевания, физические недостатки (дефекты речи и особенности внешности).

4. Конфликты, связанные с антисоциальным поведением: страх перед уголовной ответственностью, боязнь позора.

5. Конфликты, обусловленные материально-бытовыми трудностями [11].

Основные закономерности суицида

Мировой опыт исследования самоубийств позволяет выявить основные закономерности суицидального поведения. Суициды в большей степени характерны для развитых стран, и сегодня есть тенденция к увеличению этой тенденции. Число самоубийств в больших городах резко превышает этот показатель в сельской местности. Суицидальная активность имеет и определенные временные циклы. Факт весенне-летней активности и осенне-зимнего

спада был отмечен еще Э. Дюркгеймом [38]. Количество самоубийств возрастает во вторник и снижается в среду-четверг. В конце недели больше самоубийств совершают мужчины. Статистика суицидальных актов позволили даже вычислить соотношение между мужчинами и женщинами: 4:1 при удавшихся и 4:2 при неудавшихся самоубийствах, то есть суицидальное поведение мужчин чаще приводит к трагическому исходу [48].

Отметим также и такой факт: вероятность проявления этой формы девиантного поведения зависит и от возрастной группы. Самоубийства чаще совершаются в возрасте после 55 и до 20 лет (сегодня самоубийцами становятся даже 10-12- летние дети). Кроме того, мировая статистика свидетельствует, что суицидальное поведение чаще проявляется среди одиноких и людей, располагающихся на крайних положениях общественной иерархии.

Отмечена несомненная связь суицидального поведения с другими формами социальных отклонений, например, с алкоголизмом. Судебной экспертизой установлено, что примерно 68% мужчин и 31% женщин поканчивали счеты с жизнью, находясь в состоянии алкогольного опьянения [48].

Структура суицидального поведения

К структуре суицидального поведения можно отнести его фазность.

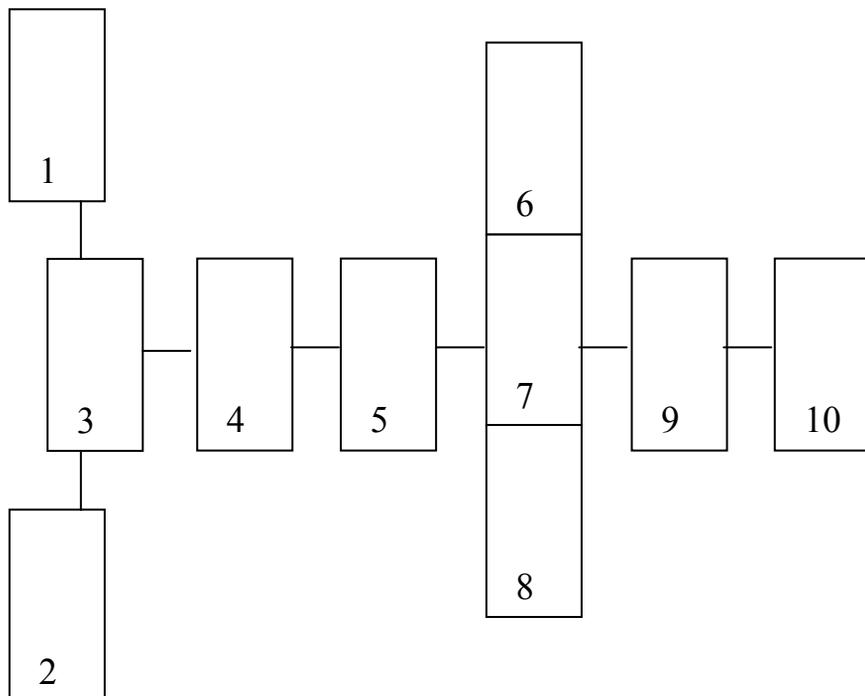
В результате исследований **А.В. Боевко** установлено, что суицидальное поведение, как бы быстро оно ни развивалось, всегда имеет определенную фазность (см. рис. 3).

Комментировать все фазы суицидального поведения, думается, нет необходимости, поэтому остановимся на двух последних, которые представляют наибольший интерес.

Самоубийству предшествует *пресуицид*, который, в свою очередь, включает в себя две фазы: *преддиспозиционную* и *собственно суицидальную*.

Преддиспозиционная фаза характеризуется исключительно высокой активностью человека (период поиска «точки опоры»), но эта активность еще не сопровождается суицидальными исполнительными действиями. По мере того, как, по мнению человека, исчерпываются варианты улучшения ситуации, у него крепнет мысль о ее полной неразрешимости. Человек начинает очень остро ощущать невыносимость своего существования и (пока предположи-

тельно) констатирует у себя отсутствие желания жить, но мысли о самоубийстве еще блокируются механизмами психологической защиты. На этом этапе развития суицида, как и на всех предшествующих, еще сохраняется возможность оказать помощь человеку, вывести его из тупика.

- 1 – социально-ситуационные факторы;
- 2 – личные факторы;
- 3 – конфликт;
- 4 – социально-психологическая дезадаптация;
- 5 – крах ценностных установок (потеря смысла жизни);
- 6 – провоцирующие факторы;
- 7 – мотивационная готовность;
- 8 – предрасполагающие внешние факторы;
- 9 – пресуицид;
- 10 – суицид.

Рис. 3. Фазы суицида (по А.В. Боенко).

Если же суицидент не нашел выхода из кризиса, не получил поддержки, то происходит углубление дезадаптации и начинается собственно **суицидальная фаза пресуицида**: у человека возникают пресуицидальные мысли, а позднее и обдумывание способа ухода из жизни. *На этом этапе, как правило, усилия психолога по предотвращению самоубийства уже малоэффективны, здесь уже необходимо вмешательство врачей-психиатров.*

Суицидальная фаза пресуицида, начало которой связано с появлением суицидальных замыслов, длится вплоть момента до покушения на свою жизнь.

Суицид – это завершающая стадия суицидального акта. Человек уже принял окончательное решение, его ничего больше не держит в этом мире и он совершает самый последний поступок в своей жизни: делает шаг с высоты, нажимает на спусковой крючок, щелкает зажигалкой, затягивает на шее петлю [11]...

Чтобы предотвратить суицид, надо знать основные признаки, его предвещающие.

Существуют *три главных признака надвигающегося суицида*, которые выделил А.В. Боечко:

а) скрытый гнев (суицидент скрывает свой гнев, выдавая его за другие чувства; гнев направлен внутрь человека, как бы похоронен, но его наличие, тем не менее, можно заметить);

б) тяжелая потеря: положение дел не улучшается, никто не может помочь, нет никакой надежды;

в) чувство беспомощности [11].

А.В. Боечко выделил и *признаки высокой вероятности реализации суицидальных тенденций*:

открытые высказывания о желании покончить жизнь самоубийством (об этом говорится знакомым, пишется в письмах родственникам или членам семьи, если те проживают в других населенных пунктах);

косвенные «намекы» на возможность суицидальных действий (например, появление среди товарищей или коллег с петлей на шее, «игра» с оружием, имитирующая самоубийство и т.д.);

активная предварительная подготовка, целенаправленный поиск средств для лишения себя жизни (собираение таблеток, хранение отравляющих жидкостей и т.п.);

фиксация на примерах суицида либо частые разговоры о самоубийствах вообще;

символическое прощание с ближайшим окружением (раздача личных вещей и т.п.);

изменение стереотипа поведения: появление несвойственной замкнутости и снижение двигательной активности у ранее подвижных и общительных людей, либо наоборот: возбужденное поведение и повышенная активность у ранее малоподвижных и молчаливых; сужение круга контактов, стремление к уединению.

– Итак, подводя итог сказанному, отметим три важных момента: *люди совершают суицидальные попытки, когда:*

они не видят решения или изменения в лучшую сторону своих проблем;

предпринятые ими попытки справиться со своими проблемами закончились неудачей;

у них резко обостряется чувство безнадежности [11].

Особенности суицидального поведения подростков

Самоубийства подростков представляют собой совершенно самостоятельную и весьма серьезную проблему. Отчасти это объясняется тем, что дети и подростки часто решаются добровольно уйти из жизни в результате конфликта с взрослыми – родителями, учителями, воспитателями. Таким образом, подростки-самоубийцы – это жертвы вдвойне: с одной стороны, они стали жертвами тяжелейших жизненных обстоятельств, в которых они оказались лишеными поддержки взрослых, а с другой стороны, они – жертвы собственной агрессии, своих собственных действий, истинные последствия которых они не всегда могут предвидеть. Впрочем, бывает и так, что юноша или девушка добровольно расстаются с жизнью не потому, что они лишены любви и поддержки, а, наоборот, потому, что хотят, чтобы их оставили в покое, хотят избавиться таким способом от чрезмерной мелочной опеки взрослых.

В обыденном сознании бытует представление о «несерьезности» подростковых самоубийств, о том, что таким образом подростки лишь шантажируют взрослых. И поэтому, уверены многие взрослые, ответом на подобный «шантаж» должны быть меры воспитательного, а то и карательного характера, но никак не стремление разобраться в причинах такого поступка. Подобное отношение свидетельствует, во-первых, об агрессивном отношении нашего общества к факту самоубийства, о стремлении наказать нарушителя общественного спокойствия; а во-вторых, еще раз повторим,

все-таки сказывается прочно укоренившееся в сознании представление о, якобы, несерьезности покушений подростков на самоубийство. Впрочем, такое представление взрослых можно в какой-то мере объяснить своеобразием большинства подростковых суицидальных попыток [25].

Дело в том, что, по исследованиям **Е. Вроно** [25], юноши и девушки редко прибегают к травматичным и калечащим способам самоубийства: они просто боятся физической боли, потому что их жизненного опыта уже вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод, который один врач-психотерапевт услышал от шестнадцатилетней девушки, попытавшейся вскрыть себе вены: «Из окна бросаться страшно, вешаться больно, травиться ненадежно...». Желание устранился лишь на время, «умереть не до конца» – это типично подростковый выход из трудной ситуации. Поэтому для такого демонстративного самоубийства подросток нередко выбирает, например, совершенно безвредные (по его расчетам) таблетки. Между тем, действие этих «безвредных» таблеток может оказаться непредсказуемо тяжелым. Таковой может оказаться цена так называемых «переигрышных демонстраций».

У подростков в покушениях на самоубийство действительно много демонстративного, и, совершая суицидальную попытку, они на самом деле предполагают остаться в живых, надеясь с помощью этого акта просто разрешить конфликтную ситуацию. Вместе с тем, подростки никогда не имитируют суицида (имитацию суицида не надо путать с демонстративными суицидальными попытками). Они – как правило без длительных раздумий – совершают крайне опасные для жизни поступки, не совсем осознавая последствия своих действий. В основе таких действий, как правило, лежит еще не сформировавшееся у подростков сознание ценности человеческой жизни, как чужой, так и своей собственной. Подростки, особенно младшие, еще не вполне отдают себе отчет в необратимости, окончательности смерти: они надеются, что можно «казаться умершим» для окружающих, но при этом как бы наблюдать со стороны свои похороны и слезы родителей и раскаяния обидчиков.

Но бывает и так, что действительной, осознанной целью покушения на свою жизнь у подростка является именно смерть. Истинные покушения на самоубийство у подростка – это результат сложных, совершенно безысходных для него коллизий (столкновения противоречивых взглядов), которые нередко им же самим и созда-

ются. В посмертных записках, оставляемых такими подростками, прослеживаются идеи самообвинения. Если говорить о причинах истинного суицидального поведения подростков, то чаще всего упоминаются школьные проблемы, утрата контактов с родителями и сверстниками, разрыв с любимым человеком, беременность малолетней. Чаще такие попытки предпринимают подростки из семей, где нет отца и очень властная мать [25].

Кроме того, причиной истинного суицидального поведения подростков нередко служит депрессия (это, впрочем, характерно и для взрослых). Депрессивные состояния и реакции возникают у подростков в трудных ситуациях довольно часто, потому что неустойчивость настроения – одна из возрастных особенностей их психики. Но сама по себе депрессия не предопределяет с фатальной неизбежностью появления суицидального намерения. Депрессия у подростка нередко протекает необычно: он не печален и не подавлен, а наоборот, взвинчен и раздражен. Он не сидит дома в одиночестве и тоске, как это характерно для большинства взрослых, пребывающих в состоянии депрессии, а пропадает целыми днями (а то и сутками) неизвестно где и неизвестно с кем. От такого подростка начинает пахнуть табаком и спиртным, он может начать первые опыты с наркотиками, пропускает занятия в школе, замыкается и грубит при попытке вмешаться в его дела. Такие формы проявления депрессии называются *маскированными*, они высокосуицидальны, и высокий риск попытки самоубийства заключается в трудности своевременного распознавания. Окружающие взрослые, не подозревая, что подросток страдает душевным расстройством и ждет от них помощи, наоборот, применяют к нему различные воспитательные меры или наказывают. Как следствие, возникают конфликтные ситуации, которые депрессивный подросток рассматривает часто как безвыходные и принимает часто непоправимое решение.

Конфликты, выполняющие у таких подростков роль «последней капли», чрезвычайно разнообразны, иногда действительно очень серьезны, а иногда – по крайней мере на взгляд взрослых – совершенно незначительны. Но характерная деталь этих конфликтов состоит в том, что какой-то один, изолированный в одной из сфер жизни суицидальный конфликт обнаружить удается редко. Поводом к покушению на самоубийство служат неурядицы в различных сферах жизни подростка, и конфликты эти взаимосвязаны.

Но особо следует отметить, что, как показывает анализ суицидальных попыток, школьные проблемы встречаются у большинства пытавшихся покончить с собой подростков.

Проявления школьной дезадаптации многообразны: плохая успеваемость, дисциплина, нарушение взаимоотношений в школьном коллективе и т.п. И в то же время, школьные конфликты, предшествующие суициду, имеют общие черты: в них почти всегда проявляется прессинг школьного режима и тотальное неуважение к детям. Причем, как показали многочисленные наблюдения, труднее всего в школе приходится нестандартному ребенку, своеобразия которого может проявляться в особенностях его поведения, в необычных склонностях или интересах [25].

И все-таки истинной причиной, которая выявляется при детальном изучении ситуации, возникающей при попытке суицида подростка, оказываются нарушенные взаимоотношения в семье. Причем, как показал анализ многочисленных случаев попыток самоубийства подростков, более суицидогенны семьи, благополучие которых на первый взгляд очевидно. Для таких семей характерны ориентация на внешнее соблюдение общепринятых норм, стремление любыми средствами и способами создать у окружающих впечатление семейной гармонии; завышенные и непоследовательные требования к детям с полным равнодушием к их проблемам и нежелание помочь в их решении; практика унижительных и жестоких наказаний; полная неспособность родителей обеспечить подростку поддержку. Все это делает подростка из такой семьи совершенно беспомощным в ситуации конфликта, в частности, школьного. Более того, такие родители. Как правило, объединяются с администрацией школы, и подросток не сомневается в полном своем одиночестве и своей полнейшей ненужности, его охватывает отчаяние. В результате он не видит для себя иного выхода разрешить создавшуюся проблему, кроме смерти.

Подобные ситуации трагичны еще и потому, что после совершения сыном или дочерью неудачной попытки суицида, такие родители всеми способами пытаются ее скрыть, не только не обращаются за помощью к специалистам, но и отвергают такую помощь. Преодолеть их сопротивление бывает очень трудно, но другого пути предотвратить повторную попытку самоубийства подростка нет [25].

Особо следует сказать еще о двух причинах самоубийств несовершеннолетних. В первом случае речь идет о суицидальных поступках подростков и молодых людей, которых можно назвать *мистически настроенными*. Любой молодой человек рано или поздно задумывается о своем месте в жизни, но встречаются подростки, глубже других погруженные в свой внутренний мир, испытывающие затруднения в общении с окружающими, чувствующие невозможность выразить себя. Это, как правило, чудаковатые, довольно замкнутые подростки. Сосредоточенные на своих переживаниях, они несколько отрешены от действительности, сторонятся своих более активных сверстников, но при этом хорошо адаптированы, не имеют серьезных конфликтов ни в школе, ни дома и, как представляется окружающим, вполне благополучны. Однако своеобразие их психического склада в сочетании с подростковой восприимчивостью и несамостоятельностью суждений создают условия для безоглядного погружения в мир иррационального, тем более, что во всевозможных «духовных наставниках» нет недостатка. Такие подростки часто вступают во всевозможные секты типа сатанистов или «Белого братства».

А. Лаврин описывает такой пример. 20-летний Александр – фанатичный поклонник смерти, готовящийся покончить жизнь самоубийством из-за презрения к мироустройству. Такая, по меткому выражению автора, «опрокинутая» психология Александра привела его к фетишизации одиночества и, как следствие, самоубийства.

У Александра, как выяснилось из разговора с ним, есть сподвижники. Они называют себя «братьями». Каждый из них поклялся в определенный день покончить с собой. Они называют это венчанием со смертью [57].

И если даже в иных сектах нет ритуальных самоубийств «из-за презрения к несовершенному мироустройству», то для человека с неустойчивой психикой, склонного к колебаниям настроения подобный уход в иррациональный мир нередко оказывается непосильным испытанием.

Вторая «особая» причина подростковых самоубийств, отмеченная А. Лавриным, из всех причин суицида едва ли не самая бессмысленная, тем более что она чревата массовой гибелью людей. Речь идет о *подражании кумиру*. Примером этому может служить такой факт: в 1925 году, когда добровольно ушел из жизни Сергей Есенин, по всей России прокатилась волна самоубийств [57]. При-

мерно то же самое наблюдалось и в наше время, правда, к счастью, в меньших масштабах, после того, как из окна выбросился Игорь Сорин из любимой тинэйджерами группы «*Иванушки-International*».

Анализировать подобные случаи трудно, несомненно лишь то, что подростки как наиболее уязвимые и подверженные внушению, оказываются главными жертвами социальных кризисов, когда мистические настроения распространяются в обществе особенно широко.

IX. Проституция и половые девиации Древнейшая профессия?

(Историческая справка)

То, что проституция – это, по словам Фридриха Энгельса, древнейшая профессия, многим, вероятно, приходилось слышать не раз. Но так ли это на самом деле? Давайте попробуем в этом разобраться. Но сначала, как обычно, определимся с основными терминами.

В научной литературе проституция определяется как «форма девиантного поведения, выражающаяся в беспорядочных, обезличенных, внебрачных половых отношениях, осуществляемых за плату» [100, с. 264]. По определению Большого энциклопедического словаря, «проституция (от лат. *prostituo* – позорю, бесчестю) – это продажа своего тела (гл. обр. женщинами)».

Что касается профессии (мы ведь сейчас исследуем проституцию именно как профессию), то в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова можно прочесть такое определение: «профессия – основной род занятий, трудовой деятельности». Таким образом, если соединить воедино два эти определения, то получается, что самым первым в истории человечества родом трудовой деятельности была продажа своего тела (главным образом женщинами). Это несколько коробит слух, но... Давайте обратимся к фактам. Итак.

Сколько существует человечество, столько люди, власть имущие пытаются его переделать. Первая *задокументированная* попытка улучшить моральный облик сограждан была предпринята еще в Древней Греции. Тогда в 594 году до н.э. афинский политик **Солон**, озабоченный, по словам Плутарха, «состоянием сексуаль-

ной одичалости», в котором пребывали афиняне, решил с помощью законодательства заставить своих сограждан быть более нравственными.

Солон разделил всех женщин на *честных* и *продажных*. Первым заниматься проституцией (впрочем, тогда этого слова еще не было в обиходе) он запретил, а в качестве «компенсации» повелел мужьям «иметь со своими женами не меньше трех половых сношений в месяц». Вторых же, купленных для этой цели государственных рабынь, этот законодатель, наоборот, обязал заниматься развратом в созданных специально для этой цели государственных борделях. Доходы от государственных публичных домов, тоже шли в доход государства. Солон на эти деньги выстроил храм, посвященный богине любви Афродите [95].

Это нововведение Солона, вопреки ожиданиям, привело к обратному эффекту: вместо улучшения морального облика эллинов в Древней Греции стала развиваться ...сеть публичных домов. Конкуренцию государственным публичным домам стали составлять сначала храмовые, посвященные той же Афродите. Позже разбогатевшие продажей своего тела «государственные служащие» получили возможность выкупаться на волю, переходя таким образом в более привилегированную категорию *гетер*.

Гетера в Древней Греции имела особый статус. Это была не обычная проститутка, а скорее подруга богатого мужчины, с которой он встречался, вел философские беседы и окружал роскошью и блеском. Жена при этом рассматривалась как неизбежная необходимость и была обязана терпеливо ждать мужа в гинекее (так называлась женская половина дома в Древней Греции), никому не показываться на глаза и довольствоваться «остатками чувств» мужа после его посещения гетеры.

Некоторые гетеры, собравшие на «государственной службе» необходимое количество денег для того, чтобы выкупить себя из рабства, в последствии сами покупали рабынь и открывали свои публичные дома. Так, знаменитая гетера Питионика была бывшей рабыней флейтистки Бакхис, которая, в свою очередь, раньше принадлежала гетере Синопе [95].

Позже словом «гетера» древние греки стали называть не только незамужних образованных женщин, но и откровенных проституток. Впрочем, и философские беседы с «настоящими» гетерами обычно заканчивались тем же, чем и визиты к обычной проститутке.

Но Древняя Греция шла к своему закату. Ей на смену, как вы помните из истории, пришел Древний Рим. По сравнению с Афинами времен Солона Рим даже в период империи был намного демократичнее Древней Греции. Бордели были и здесь, но все они находились в частных владениях. Один из них – знаменитый лупанарий (от лат. *lupa* – блудница) был обнаружен при раскопках Помпеи в 1862 году. Это было двухэтажное здание, на первом этаже которого располагалась стойка для привратника и 5 комнат по два квадратных метра каждая. На каждой двери было нацарапано имя девушки, которая сегодня занимала эту комнату. Вся обстановка ограничивалась вделанной в стену кроватью длиной чуть более полутора метров и светильником, так как окон в римских борделях не было вообще.

На втором этаже комнатки были просторнее, и имели индивидуальные, с улицы, входы. Они явно предназначались для более состоятельных клиентов. Стены комнат были украшены схематическими изображениями различных любовных поз и надписями, сделанными самими клиентами (самая нейтральная из этих надписей возвещала о том, что «здесь был Авл») [95].

Открывались римские бордели по закону в три часа дня, чтобы молодежь до этого времени предавалась не разврату, а занималась бы полезными делами – гимнастикой или воинскими упражнениями. Кроме того, государство в лице *эдилов* (римской «полиции нравов») регулярно освидетельствовало бордели на предмет санитарно-гигиенического состояния и обнаружения незарегистрированных «сотрудниц». Последнее было особенно важно для государственной казны с тех пор, как император **Гай Калигула** ввел первый в истории **налог на проституцию** – одну восьмую часть заработка.

Следующий исторический этап развития интересующей нас проблемы – Средневековье.

Из раннего Средневековья до нас дошло сравнительно мало текстов, в которых бы говорилось о том, как государство пыталось решить проблему проституции. И больше всего таких текстов относятся к истории Франции. Из придворных документов IX века, времен Людовика Благочестивого, известно, что он отдал приказ провести расследование и выяснить, какие женщины являются в городе продажными. А в XII веке был даже выпущен декрет, в котором говорилось о необходимости клеймить продажных женщин.

Только при Людовике Святом появляются государственные указы, трактующие этот вопрос. В его знаменитом *ордонансе* (так назывались королевские указы во Франции в XII-XVIII вв.) 1254 года о реформе французского королевства есть пункты, касающиеся мер по наблюдению за нравственностью, и, в частности, приказ изгонять из города женщин, которые занимаются проституцией, и конфисковывать их имущество. Однако двумя годами позже появляются новые документы, которые предписывают наказывать уже не всех проституток, а только тех, кто «бесчестит» королевство у святых мест, к которым относились соборы, церкви, кладбища и монастыри. Да и само наказание стало значительно мягче: таких женщин уже не требовалось изгонять из города, а нужно было только удалять за пределы этих святых мест. Другими словами, король признал, что искоренить проституцию ему не удалось, и он был вынужден пойти на компромисс и, вместо того, чтобы полностью изгнать проституток из городов, он вынужден был просто указать, на каких именно улицах они имеют право работать (именно с этого времени и берут свое начало знаменитые «улицы красных фонарей»).

В дальнейшем политика других королей Франции в этом вопросе была точно такой же: проституция осуждалась, но законы разрешали ее существование, хоть и на ограниченном пространстве. В те времена, чтобы оправдать существование проституток, часто цитировали высказывание, которое приписывали святому Августину. Он якобы говорил, что публичная женщина – это то же самое, что и сточная яма во дворце, – явление грязное, но необходимое [95].

В средние века все, что касалось жизни сословий, было строго регламентировано. Это касалось в первую очередь одежды. Указы точно определяли, какую именно одежду, из каких тканей и с какими украшениями имеют право носить дворяне, ремесленники или крестьяне. Относилось это и к проституткам: они обязаны были носить выделявшие их из общей массы «профессиональные» детали одежды (это могли быть особой формы шпильки, желтая кайма на вуали или, как, например, в Тулоне, белый чепец и белые ленты). А поскольку в те времена каждый город издавал по этому вопросу свои законы, то получалось, что в каждом городе внешние признаки проституток были различными.

Как и в древние времена, во времена средневековья существовали два типа проституток: те, которые жили в публичных домах, и те, которые работали самостоятельно. Кроме того, следует упомянуть еще и проституток, которые кочевали из деревни в деревню и предлагали свои услуги крестьянам на ярмарках, во время карнавалов или на других деревенских праздниках. Но в основном жизнь средневековых проституток концентрировалась вокруг публичных домов и общественных бань, которые в ряде городов становились, по сути, просто публичными домами, хотя власти и пытались этому препятствовать.

В те времена «карьера» проституток начиналась в частном публичном доме. Это были самые молодые представительницы этой профессии – 17-18-летние девушки. Затем в возрасте 20-22 лет они переходили в общественные бани, а уж потом, в 28-30 лет – в публичные дома [95].

Работа проституток регламентировалась некоторыми законами. Им, например, было запрещено принимать слишком молодых клиентов или женатых мужчин. Они не имели права принимать одного клиента вдвоем, однако допускалось, что вдвоем они могут принимать нескольких клиентов при условии, что эти клиенты не являются друг другу родственниками.

О «нравственности» проституток заботилась католическая церковь: в бордели было запрещено принимать на работу нехристианок. Кроме того, содержатель борделя был обязан отпускать своих сотрудниц на богослужения. Среди своих небесных покровительниц, как принято у католиков, проститутки считали святых Марию Магдалину и Марию Египетскую. Цена их услуг была довольно высока: один клиент платил приблизительно столько, сколько за день зарабатывала крестьянка на сборе винограда.

Надо сказать, что не всегда общественная мораль презрительно относилась к проституткам. Так, в эпоху Возрождения (или как ее еще называют – Ренессанса), начавшейся после мрачного средневековья (напомним, что это период XIV-XVI вв. в Италии и конец XV-XVI вв. в других странах Западной Европы) *куртизанки* (женщины легкого поведения, вращающиеся в высшем обществе) были украшением праздников и карнавалов. В то время существовала даже такая традиция: когда город навещал важный гость, то самые красивые городские куртизанки раздевались и встречали гостя, выстроившись в обнаженном виде возле городских ворот. Считалось, что это зрелище – лучшее наслаждение для глаз знатного гостя.

В эпоху Ренессанса в силу некоторых причин, о которых мы будем говорить чуть ниже, решили не только узаконить проституцию (до этого власти просто закрывали на нее глаза, не в силах справиться с ней), но и оказать проституткам снисхождение. Вообще, конец Средних веков и эпоха Ренессанса отличались сильной эротической направленностью; желание «грешить» было у всех велико. По оценкам некоторых историков, эпоха Возрождения по количеству проституток «на душу населения» значительно превосходила наше время, которое часто характеризуется как крайне безнравственное. В эпоху Ренессанса даже самый маленький городок имел публичный дом (его тогда называли «женским домом»), да и трактиры в то время часто были синонимами домов терпимости. Но самой любимой ареной действия проституток были в то время многочисленные общественные бани. Самая благоприятная атмосфера для проституток сложилась в Риме: здесь многие женские монастыри превратились в бойкие публичные дома.

Особую разновидность проституток составляли «солдатские девки». Впервые они появились примерно в V веке до нашей эры, когда в Древней Греции из-за явного избытка населения стали бурно развиваться наемные войска. Целые армии наемников предлагали свои услуги хоть соотечественникам-грекам, хоть их извечным врагам – персам. Наемники были людьми сравнительно состоятельными, поэтому в походах их сопровождали порой не меньшие по численности армии проституток [125].

То же самое явление повторилось почти через 18 веков в средневековой Европе, когда на поля сражений снова вышли наемники – на этот раз ландскнехты.

По началу «солдатские девки» больше выполняли ту же роль, что и мальчики оруженосцы – носили за солдатами ненужное в данный момент оружие, кухонные принадлежности, помогали делить добычу. Их роль как женщин сначала была на втором плане.

Однако по мере того, как войны стали принимать все более грабительский характер, и, соответственно, у победителей увеличивалась добыча, росло и число проституток, сопровождавших войска в походах. Упомянем лишь такой факт: при осаде города Нейса в 1474 году герцогом Бургундии Карлом Смелым его армию обслуживали 4000 проституток (по 30 в каждой роте из 200 человек) [125].

Как следствие массового наплыва проституток в войска их организовали в отряд «мальчиков и проституток». Этот отряд должен был беспрекословно подчиняться начальнику. Главным для организованным в отряд проституток были по-прежнему хозяйственные дела. Но в свободное время они все чаще отдавались своей исконной профессии в обмен на награбленное имущество. Продавая награбленное ландскнехтами имущество, полученное в качестве платы за «услуги», проститутки иногда даже давали вырученные от продажи деньги взаймы тем же самым ландскнехтам в дни мира. Так проститутки постепенно становились *маркитантками* (торговками, преимущественно продовольствием и напитками, сопровождавшими армию в походах). (Кстати, модное сейчас слово маркетинг происходит от того же корня).

В конце эпохи Возрождения, то есть к концу XVI века в Европе произошел резкий спад проституции. У этого положительного явления были две главные причины. Первая – экономический кризис, задержавший развитие капитализма. Образно говоря, когда в двери стучится нужда, когда рушатся целые состояния, то люди по необходимости ограничивают все формы наслаждения и прежде всего в области половой. Вторым фактором, приостановившим на время развитие проституции, был сифилис, привезенный, как полагает большинство ученых, Колумбом.

Первое появление в Европе в конце XV века стало самым страшным испытанием тогдашнего человечества. Люди очень быстро поняли, – страшная болезнь связана с борделями. Публичные дома стали закрываться, а проституток вновь стали изгонять из городов. А в тех местах, где болезнь не носила такого обвального характера или по каким-либо другим причинам притоны не закрывались, «женские переулки» все равно пустели: мужчины боялись заразиться [125].

Но ход истории остановить нельзя, поэтому несмотря на все коллизии, в мире, хоть и с задержками из-за всеобщего кризиса продолжалось развитие капитализма. На смену эпохи Ренессанса приходит так называемый Галантный век (XVIII в.). Он стал эпохой европейского абсолютизма, когда процветал культ женщины как источника счастья, наслаждения и любви.

Казанова так пишет об этом времени: «В наше счастливое время проститутки совсем не нужны, так как порядочные женщины охотно идут навстречу всем нашим желаниям» (цит. по [125]). Од-

нако эти слова характеризуют лишь всеобщую склонность к разврату, характерную для этой эпохи, а вовсе не второстепенную роль проституции в общественной жизни того времени.

Волна сифилиса схлынула, в экономике начался подъем, и на улицах вновь появилось большое количество женщин, открыто предлагавших свои сексуальные услуги.

В самой деятельности проституток, по сравнению с эпохой Возрождения, произошли изменения, особенно в маленьких городках и деревнях. Официальные дома терпимости, вполне легально существовавшие везде в XV-XVI веках, теперь здесь стали редкостью. Но это не значит, что вместе с ними исчезли и проститутки, просто теперь они перешли на «нелегальное» положение. Если раньше проститутки должны были обязательно носить выделявшие их профессию детали одежды, то теперь они стали одеваться как обычные женщины. Более того, им приходилось официально работать белошвейками, вышивальщицами и т.п. Но мужчины в таких маленьких городках или деревнях знали, к кому из «белошвеек» и когда можно прийти домой и сколько денег необходимо для такого визита [125].

Именно в маленьких провинциальных городках услуги проституток были особенно востребованы, – некоторые из представительниц этой профессии за вечер обслуживали 10-12 человек. В больших же городах все было наоборот, – там проститутки были более откровенными. В Лондоне, Париже, Берлине, Вене существовали особые *корсо* (места массовых прогулок), где в определенные иногда часы можно было видеть одних лишь проституток, ожидающих клиентов. Любой иностранец первым делом посещал именно эти места. Существовало даже такое негласное правило, – если человек не был на корсо, то, значит, он города по настоящему и не видел.

В крупных городах появилась и новая мода – сводни, работающие на богатых клиентов, возили свой «товар» в ярко раскрашенных экипажах, привлекая внимание потенциальных клиентов. Но все-таки большинство мужчин пользовались услугами проституток пеших. Порой их доступность была поразительной, – они могли обслужить клиента прямо в ближайшем парке.

Но основная масса проституток переместилась из общественных бань и всевозможных трактиров (как это было в эпоху Возрождения) переместилась в театры и другие места зрелищ в больших

городах. И еще в больших городах снова открыто стали действовать дома терпимости.

Примечателен еще такой факт. В XVII веке в Париже появились первые извозчики. И сразу же кареты приспособили под места свиданий. По воспоминаниям Казановы, он десятки раз предавался любовным утехам именно в каретах.

Итог слишком вольного поведения в Галантном веке закономерен: новая эпидемия сифилиса. Эта болезнь почти не давала о себе знать на протяжении почти целого столетия (XVII век). В XVIII веке по Европе вновь пошла огромная волна этого заболевания. Больше половины правящих тогда в Европе королевских династий были заражены им. А в Париже и большинство балерин и актрис были сифилитичкам, потому что именно из их среды французская знать выбирала себе любовниц, поэтому болезнь для многих была неизбежной.

И тогда произошел очень интересный на наш взгляд случай. Когда европейская элита общества убедилась, что после своих любовных походов мало кому удастся избежать болезни, сифилис был ... идеализирован. Его последствия были провозглашены атрибутами истинного благородства и признаком элитарности [125].

В эпоху капитализма, которая пришла на смену Галантному веку, проститутки – всюду. По подсчетам специалистов, ни в одной отрасли розничной торговли не занято столько людей, сколько в проституции. Да и спрос на «любовь», которую можно купить в любой момент, огромен. И все равно, предложение проституток явно опережает спрос. Так было всегда на протяжении всей истории человеческой цивилизации, но особенно ярко это стало проявляться, начиная с XIX века. Это, в свою очередь, привело к одному примечательному следствию. Раньше если и не все, то большая часть проституток жила в домах терпимости. Теперь количество таких домов неуклонно сокращается, наступила эра «вольнопромышляющих» проституток.

Причины проституции

Очень интересную мысль о причинах появления проституции высказал немецкий ученый, писатель и политический деятель **Эдуард Фукс**. Он считал, что проституция – это «месь изнасилованной природы» [125, с. 20]. Он связывал проституцию с *моногамией* (единобрачием). По мнению Э. Фукса, «единобрачие не было соз-

данием индивидуальной любви» [там же, с. 19]. Моногамия выросла совсем из других культурных факторов и потребностей. Единобрачие, появившееся в эпоху разложения первобытнообщинного строя, стало последствием концентрации значительных богатств в одних руках – и притом в руках именно мужчины. И у богатого мужчины появилось желание передать эти богатства именно своим детям, а не детям другого мужчины. Соответственно, женщина должна была стать матерью детей, относительно которых мужчина мог быть убежден, что это именно его дети. Исключительно в этом древние греки видели цель единобрачия.

Казалось бы, вполне логичным кажется требование, предъявляемое к человеку институтом единобрачия – половые отношения должны ограничиваться одним мужчиной и одной женщиной и притом исключительно в рамках соединяющего их брака. Официально такие требования и выставлялись, но только их незыблемость, причем суровая, была всегда обязательной только для женщин. Для мужчин же во все времена такие требования в лучшем случае имели лишь официальное значение.

Эта явная двойственность, тем не менее, вполне объяснима. Единобрачие – это такая форма семьи, которая основана прежде всего на экономических условиях. А этими экономическими условиями моногамии были (да и сейчас, как правило, остаются) хозяйственные интересы именно мужчины. Как следствие, единобрачие – это принципиальное своеобразное порабощение одного пола другим, то есть господство в браке мужчины и неизбежно связанное с ним угнетение женщины. Появление частной собственности требовало только единобрачия женщины как средства получить мужчине *своих* законных наследников. Ведь мужчина может только принять на веру слова женщины о том, что ребенок – именно его. Даже сейчас, с помощью современного оборудования, процедура определения отцовства непростая и дорогостоящая, а в Древней Греции, когда только зарождалась моногамия, об этом нельзя было и мечтать. Поэтому и появилось единобрачие, – в этом случае у мужчины значительно повышалась уверенность, что родившийся у его жены ребенок – это действительно *его* сын или дочь [125].

Зато открытой или скрытой полигамии мужчины никто не препятствовал: поскольку в браке мужчина представлял собой господствующий класс, то он и законы издавал в своих интересах. Почти всегда строго требуя от женщины целомудрия, почти всегда объ-

являя супружескую неверность женщины величайшим преступлением, мужчина в то же время своим собственным похотливым желанием ставил лишь самые примитивные, а потому и легко преодолимые преграды.

Но из этого противоречия появилось то, что в изначальные планы мужчин, задумывавших единобрачие, не входило – «мечь изнасилованной природы». И эта мечь природы обнаруживается в двух неотделимых от нашей культуры вещах – *адюльтере* (супружеской измене) и *проституции*. На всех языках, во многих разнообразных формах закон устами государства, церкви и общества утверждал женщине, что никто другой, кроме мужа, не должен разделять ее ложа и касаться ее тела. И во все времена и у всех народов женщина мстила тем, что и другие мужчины, кроме мужа, разделяли с ней ложе. И это несмотря на сохранившийся риск социальной опалы в случае разоблачения обмана, несмотря даже на суровые, а то и откровенно жестокие наказания за измену. Эту жажду мести у женщин, считает Э. Фукс, ничем нельзя искоренить, потому что, пока брак основан на условностях, он по своей сути противоестественен.

По этой же причине неискоренима и проституция. Ведь с момента появления частной собственности, несмотря на многочисленные попытки, ни одно общество, ни один закон проституцию не искоренили. Более того, проституция и моногамия неразделимы в принципе.

Конечно, в разные эпохи давались разные оценки супружеской неверности. Были эпохи и классы общества, где верность супругов сравнительно серьезно осуществлялась. Но были эпохи и классы, когда это основное требование половой морали совершенно игнорировалось и за замужними женщинами или женатыми мужчинами признавалось право открыто иметь даже нескольких любовников.

Не менее полярно, как мы уже говорили, менялось и отношение к проституткам. Были времена, когда их ненавидели и презирали, смотрели как на прокаженных, и мужчины, жаждущие «платных» утех, пробирались к ним тайком. Но были времена, когда проститутки провозглашались лучшими украшениями праздников жизни.

Впрочем, были у проституции и другие причины, которые можно назвать *общественно-историческими*. В эпоху Ренессанса, когда куртизанки в обнаженном виде встречали знатных гостей у ворот города и считались украшением жизни, у проституции была и

другая весомая причина – разгул преступности. По дорогам Европы ходили ландскнехты, паломники, нищие. Они могли изнасиловать женщину не только в захолустной деревне, но и в любой городской подворотне. И проституция служила своеобразным «громоотводом» этому разгулу страстей. Уже одной только опасности изнасилования было достаточно, чтобы объяснить, почему в эпоху Возрождения так терпимо относились к проституции [125].

Но было и еще одно обстоятельство. В то время была сильнейшая социальная потребность в проституции, обусловленная структурой общества. Дело в том, что тогда во многих странах и во многих ремеслах подмастерья не имели права жениться. Им оставались только внебрачные утехы, причем в продолжение почти всей их жизни. Чем больше развивалась индустрия, а с ней росло и число занятых в ней мастеров и, соответственно, подмастерьев, тем большей была опасность, грозившая женщинам от этой вынужденно холостой части физически здорового мужского населения. Интересы семьи требовали чрезвычайной охраны. А подобную охрану и могла дать проституция.

Во времена капитализма на проституцию тоже есть социальный заказ. Этому есть две главные причины: во-первых, в высших слоях общества браки заключаются довольно поздно, когда будущие супруги уже уверенно «встали на ноги» (браки после 30 – в развитых странах стали вполне обычным делом);

во-вторых, некоторые сферы бизнеса требуют постоянных перемещений, поэтому многие предприниматели из-за этого лишены возможности создать свою семью или не бывают дома большую часть года. А ведь подобными видами бизнеса, которые требуют постоянных разъездов, занимаются, как правило, мужчины, находящиеся в самом расцвете своих мужских сил и здоровья (слабый, старый или больной человек такого режима работы просто не выдержит) [125].

И еще один неоспоримый, на наш взгляд, факт: общее число женщин, открыто промысляющих проституцией, значительно сократилось по сравнению с прошлыми, рассмотренными нами, эпохами. А потому, если огромному спросу на проституток противостоит еще большее предложение, то можно сделать вывод, что растет проституция замаскированная, когда женщина, имея офици-

альную постоянную работу, лишь время от времени вынуждена торговать своим телом из-за материальных трудностей.

Приведем результаты одного любопытного, на наш взгляд, опроса. Экспертная группа (двое мужчин и две женщины) задавала женщинам такие вопросы:

«Приходилось ли вам хотя бы раз в жизни вступать в половую связь с мужчиной с целью получения денег, подарков, услуг, продвижения по службе или другой выгоды?»

«Допускаете ли вы в принципе для себя возможность занятия проституцией при тех или иных обстоятельствах?»

«Какие это могут быть обстоятельства?»

Причем вопросы задавались не «в лоб», а либо были спрятаны среди других, либо возникали во время бесед, часто в доверительной, неформальной обстановке, либо ответы были анонимны.

Оказалось, что из 200 опрошенных девушек и женщин разного возраста, образования, рода занятий, семейного и социального положения 43 признались, что один или даже несколько раз в своей жизни отдавались мужчине именно с целью получения той или иной выгоды (и это притом, что на первый вопрос соглашались отвечать не все), и еще 95 женщин готовы на это при соответствующих обстоятельствах или даже не прочь этим заняться в принципе, вообще.

Любопытно, что практически все женщины из тех, которые не считают допустимым заниматься любовью за деньги, согласились бы отдаться за очень большие деньги. Часть женщин, напротив, занимаются или готовы заниматься проституцией из элементарного любопытства и в поисках приключений и экзотических впечатлений. Были среди опрошенных и такие, которые отвечали просто: «А почему бы и нет?»

Получается, что почти треть опрошенных торгуют или готовы торговать своим телом по простой причине – в нынешних экономических условиях не хватает денег на жизнь, хотя бы просто на достойную одежду или чтобы сытно питаться самим и кормить и одевать детей [95].

Словом, приходится признать – проституция пока неискоренима.

Подростковая проституция

О подростковой проституции говорят в том случае, если ее признаки впервые проявляются до достижения 18-летнего возраста.

В Конвенции ООН о правах ребенка, которая подписана и нашей страной, статьей 34 зафиксировано, что «государства-участники обязуются защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения» (цит. по [100], с. 262). Однако до настоящего времени практически никаких реальных шагов в направлении выработки и осуществления государственной политики в отношении детей и подростков, занимающихся проституцией, сделано не было.

В результате в обществе укрепляется сознание того, что занятие проституцией – сугубо личное дело каждого, которое, ко всему прочему, по свидетельству многих подростков, является еще и общественно полезным занятием, поскольку вносит положительный вклад в снятие социальной напряженности. Увы, мало кто хочет замечать оборотную сторону такой свободы выбора. Так, специалисты полагают, что только в Москве число детей, занимающихся проституцией, составляет не менее 10 тысяч (данные 1990 г.). Но есть вещи и пострашнее пресловутого падения нравов: за последние пять лет (1994-1999) в России более двух тысяч несовершеннолетних мам убили своих новорожденных детей; от одиноких малолетних матерей в дома ребенка поступает около шести тысяч детей в год [100].

К проблеме выявления причин детской проституции обращаются как отечественные, так и зарубежные ученые: медики, психологи, социологи и др.

Анализируя отечественный и зарубежный опыт, можно выделить три группы основных причин подростковой проституции: генетические (физиологические), психологические и социальные [100].

Генетические теории рассматривают влияние наследственных факторов, которые приводят детей на панель. Сторонники этих теорий считают, что есть определенный тип людей, которые становятся проститутками.

В XIX веке русские ученые В. Тарновский, В. О कोरोков и др. подвергли проститутку антропометрическим и биологическим исследованиям, в результате которых было установлено, что хотя эти

девушки в общем производят впечатление миловидных и даже красивых, при более тщательном изучении у них обнаруживается ряд физических недостатков: например, преобладание лицевых размеров над головными, что дает возможность сделать заключение о меньшем объеме мозга, идущему в ущерб как умственному, так и нравственному развитию «жриц любви»; наличие признаков физического вырождения, таких как неправильные формы черепа, аномалии ушей, зубов, конечностей, асимметрия лица и т.п.

На основании этих физических особенностей делался вывод о том, что с биологической точки зрения проститутки – это категория прирожденно-порочных женщин, которые могут быть охарактеризованы как «болезненные или недоразвитые существа, отягченные неблагоприятной наследственностью, представляющей несомненные физические или психические признаки вырождения, всего резче проявляющие свое отклонение от нормальных женщин в отсутствии этических представлений и в половом отпадении» (Цит. по [122], с. 266).

Психологические теории дают различные объяснения природы проституции. Теории личностных черт отмечают наличие у индивида определенных качеств, которые и приводят его к той или иной форме общественного поведения: зависимость, трудности в отношениях со сверстниками, отсутствие стремления к образованию.

Сторонники *мотивационно-потребностных* теорий считают, что занятие проституцией – это второстепенная потребность, на первом же месте идет потребность в деньгах и в реализации сексуальных желаний.

Психодинамические теории связывают тягу к занятию проституцией со стремлением подавить негативные переживания подростка, такие как чувство вины, страх, тревожность, возникающие в раннем детстве в результате неправильного семейного воспитания.

Трансактный анализ рассматривает занятие проституцией как одну из «игр», которая способствует достижению индивидом своих, как правило, деструктивных целей. Эти цели закладываются родителями в раннем детстве в форме жизненного сценария личности, в результате чего вырабатывается определенный тип сценарного поведения, изменить которое бывает потом практически невозможно.

В отличие от генетических и психологических теорий, которые рассматривают проблему проституции на уровне развития и ста-

новления одной конкретной личности, т.е. на так называемом микроуровне, *социальные теории* изучают эту проблему на макроуровне (взаимосвязь с социальной политикой государства, культурными и этническими нормами общества, экономическими условиями) и на мезауровне (взаимоотношения ребенка с различными социальными группами) [100].

На макроуровне проституция обусловлена, в первую очередь, социально-экономической обстановкой в стране, в зависимости от которой она переживает свои подъемы и спады. В периоды спадов с высоким уровнем безработицы и инфляцией, количество проституток возрастает, т.к. нехватка денег толкает человека к участию в социально неодобряемых видах заработка типа проституции и порнографии.

На мезауровне говорят прежде всего о семье, поскольку она является для ребенка наиболее значимым фактором. Поэтому на мезауровне выделяют такие причины проституции несовершеннолетних:

- неблагополучные семьи;
- отсутствие семьи вообще, отсутствие кого-либо из родителей, наличие в семье отчима или мачехи;
- раннее приобщение детей к спиртному и наркотикам;
- сексуальные притязания со стороны взрослых. Так данные социологических опросов профессиональных проституток, проведенных в США в 1975 году, показали, что практически все они в детстве были изнасилованы родителями или родственниками, принуждены к сожительству с мужчинами старшего возраста, а затем брошены;
- желание стать материально независимыми от семьи.

Очень часто проститутками становятся выпускники школ-интернатов, которые из-за распада системы начального профессионального образования, куда могли бы пойти учиться подростки с низким образовательным уровнем, высокого уровня безработицы среди молодежи вынуждены искать другие источники существования [100].

И все-таки, основные «поставщики» малолетних проституток – неблагополучные семьи. Бывает, что ребенка сначала насилуют дома – чаще всего отчим. Потрясение от «домашнего» насилия, особенно, если при этом присутствует мать (как правило, это спившаяся и сама опустившаяся женщина), для ребенка очень глу-

боко. Какие-либо зачатки личности при этом в нем стираются напроочь. Ребенок превращается в безвольную, легко управляемую вещь. «Домашнее» насилие может продолжаться несколько месяцев. Потом, во время очередной пьянки, родители разрешают, а то и предлагают «попользоваться» этим ребенком своим собутыльникам. Так может продолжаться несколько раз. А потом взрослые решают, что ребенок должен «приносить в семью деньги».

Реже, но все-таки встречаются другие, более изощренные и циничные формы сексуальной эксплуатации детей. Это происходит в тех случаях, когда насилию физическому предшествует насилие психологическое. Взрослые в присутствии девочки занимаются любовью в самых невероятных позах и самыми изощренными способами. Делается это с очень хладнокровным прямым расчетом – чтобы «по первому разу» сбыть девочку клиенту подороже: девственница, но с опытом.

Но чаще всего даже в трудных семьях детей напрямую не заставляют зарабатывать деньги проституцией, просто обстоятельства складываются так, что иного выхода у них просто нет.

Типичная ситуация: девочка-подросток убегает из дома и, чтобы выжить, самостоятельно промышляет проституцией на улице или на вокзалах. Или другой пример – так называемые «дальнобойщицы». Как правило, это происходит до тех пор, пока такая девочка не окажется в поле зрения сутенеров, а это происходит довольно быстро, потому что у тех глаз наметан.

Впрочем, неблагополучные родители или склонность девочки к побегам – это не обязательно условие появления детской проституции: благополучные родители тоже не застрахованы от неожиданностей. Порой зависимость «ребенок – улица», особенно если речь идет о подростках, куда сильнее, чем зависимость «ребенок – родители». То, что происходит в подростковой среде – это очень часть своеобразное табу для взрослых. Иначе подросткам обеспечено всеобщее презрение, а то и просто издевательство сверстников. Но главный фактор, препятствующий откровению с родителями – ощущение собственной взрослости, независимости. В последние годы все отчетливее проявляется такая тенденция: игры во взрослость у подростков чаще всего реализуются именно через половые контакты. Вот статистика по Челябинской области: 52 процента девушек в возрасте до 17 лет (данные 1996 года) были уже не девушками. А вот данные по Магнитогорску: 40 процентов этих

девушек в первый раз были просто изнасилованы. Причем, в Магнитогорске, как и во всей стране, растет число так называемых «скрытых изнасилований». Это когда внешне вполне благопристойные юноши, часто из весьма небогатых семей, приглашают знакомых девочек-одноклассниц, соседок на невинную вечеринку – музыку послушать, потанцевать, посмотреть новый видеофильм. А в разгар вечеринки следует предложение «отдаться добровольно». Если девочки отказывают, их просто грубо насилуют.

Потом такое насилие может продолжаться уже более откровенно: девочка прекрасно знает, куда и зачем ее приглашают, она еще продолжает сопротивляться... Но она очень боится огласки и неизбежных, как ей кажется, того самого презрения и издевательств сверстников, о которых мы говорили чуть выше. И так может продолжаться довольно долго.

А возможен другой вариант, и он в плане возникновения подростковой проституции по нашему мнению более интересен. В этом случае все происходит так. Девушка однажды уже побывала на такой вечеринке, и ее там изнасиловали. Но когда первый шок проходит, она вдруг понимает, что ей это понравилось. Не насилие, конечно, а сам процесс половой близости. И она переходит «на добровольную основу». А потом у нее находится подруга, которая подсказывает ей: зачем отдаваться «за так», когда-то же самое можно делать за деньги. И удовольствие получать, и деньги зарабатывать. Причем родители могут долгое время оставаться в неведении относительно того, как их дочь проводит свое свободное время, особенно, если девочка из благополучной семьи. И это родительское неведение чаще всего продолжается до тех пор, пока с дочкой не случится что-нибудь экстраординарное – беременность или серьезное венерическое заболевание.

Социологи утверждают, что три четверти «потребителей» малолетних проституток – это мужчины 40 – 45 лет, сами отцы такого же примерно возраста детей и «примерные» мужья. Дело в том, что ребенок-проститутка, в отличие от своих старших коллег, дает возможность своему клиенту почувствовать абсолютно полную, неограниченную власть над другим человеком.

Поведение детей, занимающихся проституцией, *принципиально* отличается от поведения их взрослых «коллег». К числу наиболее характерных отличий можно отнести следующие [100]:

- Неосознанность совершаемых поступков. В отличие от взрослых проституток, осознанно и целенаправленно ведущих подобный образ жизни для получения дохода, у подростков в качестве основных мотивов занятия проституцией выступают такие, как стремление к самоутверждению; любопытство; желание выглядеть взрослым.

Получение оплаты за свой труд в различных формах. Если взрослые проститутки вознаграждение за свою работу получают, как правило, только деньгами, то с подростками часто расплачиваются вещами. Косметикой, спиртными напитками, ужином в ресторане, в последнее время особенно часто – наркотиками.

- Предоставление своих услуг в любом месте по желанию заказчика. Взрослые проститутки обычно имеют или требуют для предоставления своих услуг определенные условия (квартира, дача, сауна, номер в отеле), то подростки обслуживают своих клиентов в самых разных местах, порой довольно экзотических – в подвалах, на чердаках, в машинах, на стройках...

Надежда, занимаясь проституцией, а значит, встречаясь со многими мужчинами, найти своего «принца», который обеспечит ей райскую жизнь.

Говоря о подростковой проституции, все немногочисленные научные отечественные источники рассматривают в качестве основного объекта сексуальной деятельности проститутку-девочку. При этом, как правило, замалчивается, что в нашем обществе существует и другой вид детской проституции – гомосексуальная проституция. При этом мальчики могут оказывать платные сексуальные услуги в качестве «профессионалов», для которых это занятие является постоянным и основным источником заработка; «мальчиков по вызову», подрабатывающих таким образом; «мальчиков на подхвате», которые время от времени получают доход от оказанных ими услуг.

Подросток, оказавшийся в сфере проституции, проходит ряд этапов, превращающих «нормальное» поведение в девиантное [100].

На первом этапе подросток получает статус человека низшего класса с искаженными моральными и нравственными нормами.

На втором этапе он постигает определенные, необходимые ему для дальнейшей деятельности, сексуальные знания и умения как теоретические, так и практические.

На третьем этапе в сознании подростка складывается убеждение, что нормальных половых отношений по любви между мужчиной и женщиной не существует.

На четвертом этапе закрепляется осознание негативного отношения общества к занятию проституцией, из-за чего подросток начинает ощущать себя человеком второго сорта.

В 1991 году были проведены социологические исследования московских проституток для того, чтобы разобраться в их психологии и понять мотивацию выбора этой сферы деятельности. 87 % из опрошенных были несовершеннолетними. Исследования показали, что к морально-нравственной стороне своей профессии они относятся достаточно безразлично, практически все вступают в половые связи в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, знают правовые аспекты привлечения к административной ответственности и осознают, что деньги, которые они добывают, торгуя собой, оседают в руках сутенеров.

В результате психологических исследований было выяснено, что вечный спутник жизни проституток – страх. Они боятся, что попадутся на связях с преступной средой, опасаются. Что окружающие узнают о том, каким образом они зарабатывают деньги, опасаются быть ограбленными, бояться за будущее своих детей.

Пытаясь вырваться из круга страха, они начинают неумеренно пить, злоупотреблять наркотиками. Многие из них оказываются в числе бродяг, многие становятся жертвами преступлений или оканчивают жизнь самоубийством [100].

Таким образом, мы выяснили, проституция – это форма девиантного поведения, выражающаяся во внебрачных половых отношениях, осуществляемых за плату, а о подростковой проституции говорят в том случае, если подобным видом деятельности занимаются девушки до достижения 18-летнего возраста.

К проблеме выявления причин детской проституции обращаются как отечественные, так и зарубежные ученые разных специальностей, однако до сих пор на причины возникновения подростковой проституции нет единой точки зрения.

До настоящего времени практически никаких реальных шагов в направлении выработки и осуществления государственной политики в отношении несовершеннолетних проституток сделано не было. В результате в обществе укрепляется сознание того, что занятие проституцией – сугубо личное дело каждого.

Половые девиации

Половые девиации представляют собой непатологические отклонения от общепринятых норм полового поведения [40, с. 146]. Чаще всего они недолговечны, возникают в период гиперсексуальности, например, в подростковом возрасте, а затем проходят. Но в некоторых случаях сексуальные девиации могут закрепляться и становятся дурной привычкой. Иногда они сочетаются с нормальным половым функционированием или проявляются в период вынужденного воздержания от нормальной половой жизни.

К половым девиациям относятся онанизм, петтинг, транзиторный (от лат. *transitus* – переход, прохождение) фроттеризм (от фр. *frotter* – тереть), промискуитет, групповой секс, транзиторный гомосексуализм подростков, гиперсексуальность, эраомания, раннее начало половой жизни.

Дадим краткую характеристику основным половым девиациям.

Онанизм (или *мастурбация*) – это механическое раздражение половых органов рукой, сильной струей душа, трением о белье для достижения полового возбуждения и оргазма [40, с. 146]. Разновидность онанизма – использование специальных вибраторов.

Онанизм обычно сочетается с сексуальными фантазиями, представлением сцен из порнографических фильмов или книг.

По данным подростковых психиатров, до 80% подростков-мальчиков до начала половой жизни занимаются мастурбацией, причем часть из них не в одиночку, а взаимно мастурбируют со сверстниками.

С началом нормальной половой жизни мастурбация может пройти, если сексуальная жизнь имеет регулярный характер. Но в некоторых случаях, когда интенсивность половой жизни не удовлетворяет человека, при перерывах в нормальных сексуальных отношениях возможно возобновление мастурбации.

Мастурбация считается патологической, если она слишком частая (более одного раза в день) или когда ей отдается предпочтение перед нормальной половой жизнью при возможности ее регулярности, или когда она осуществляется особо изощренными способами, например, введением инородных тел в задний проход или в мочеиспускательный канал, что может привести к повреждениям.

Петтинг (от англ. *pet* – ласкать, обнимать) – удовлетворение полового влечения путем соприкосновения и взаимного трения до

наступления оргазма [40, с. 147]. Чаще всего используется в подростковом возрасте, когда девочка боится потерять девственность.

Транзиторий фроттеризм – половое возбуждение и оргазм достигается трением полового члена о верхнюю одежду женщины [40, с. 147]. Возможен в подростковом возрасте, когда нет возможности удовлетворять сексуальное влечение нормальным способом. С возрастом и началом нормальной половой жизни может пройти. Иногда фроттеризм превращается в стойкую привычку, и ему отдается предпочтение перед нормальным половым актом, или он сосуществует параллельно с нормальной половой жизнью.

Промискуитет – это беспорядочные половые связи с непрерывной сменой половых партнеров [40, с. 147]. Может возникнуть в подростковом возрасте, в частности, в асоциальной подростковой группе с разнополым составом, причем девочки, члены такой группы, чаще всего имеют выраженные психические отклонения и психические заболевания, или они внешне очень непривлекательны, и такая беспорядочная половая жизнь служит для них своеобразной компенсацией отсутствия внимания мальчиков. Впоследствии многие из таких девочек становятся малолетними проститутками по собственной инициативе.

Непрерывная смена половых партнеров с многократными половыми актами (до десяти и более) наблюдается в любом возрасте при эфедроновой наркомании из-за сильного сексуального возбуждения, возникающего при наркотическом опьянении.

Промискуитет свойственен и некоторым представителям творческих профессий. Иногда он бывает демонстративным, нарочитым.

Случается, что промискуитет обусловлен гиперсексуальностью и неспособностью с помощью одного сексуального партнера удовлетворить свои повышенные сексуальные потребности, как это бывает, скажем, у женщин-нимфоманок.

А у некоторых людей беспорядочные половые связи и постоянная смена сексуальных партнеров вызваны эмоциональным дефицитом и неспособностью к устойчивым, постоянным привязанностям.

Групповой секс – это половой акт с участием трех и более активных сексуальных партнеров [40, с. 148]. Может сочетаться с нормальными сексуальными контактами с одним постоянным партнером и происходить эпизодически с целью разнообразить свою половую жизнь и подстегнуть свою сексуальность.

Чаще всего групповой секс сочетается с другими девиациями.

Гиперсексуальность – это повышенное сексуальное влечение с потребностью совершать многократные половые акты в течение суток [40, с. 149].

Гиперсексуальность у мужчин называют *сатиризмом* (по имени мифического похотливого существа Сатира), у женщин – *нимфоманией*.

Предполагается, что причиной гиперсексуальности может быть поражение определенных областей головного мозга (*гипоталамуса*).

Поскольку сексуальные возможности у разных людей индивидуальны, то о гиперсексуальности говорят лишь в тех случаях, когда сам человек жалуется на изнуряющую его и порой тягостную повышенную сексуальную возбудимость, которую он не в состоянии регулировать или преодолеть.

Об *эротомании* (по имени Эроса – бога любви у древних греков) говорят в тех случаях, когда, в отличие от гиперсексуальности, сексуальная потенция может быть невысокой, но секс является целью и смыслом существования, вытесняя все другие увлечения, интересы и социальные обязанности, занимает всю духовную жизнь человека [40, с. 149].

Ранняя половая жизнь расценивается как девиация, если у половых партнеров (или у одного из них) еще не наступила полная физическая и половая зрелость, у девочек – до наступления менструаций, у мальчиков – до появления растительности на лице, груди, в подмышечных впадинах [40, с. 149].

Половая жизнь до наступления юридического совершеннолетия (т.е. до наступления 18 лет) не является сексуальной девиацией, а расценивается лишь как нежелательное явление.

От половых девиаций следует отличать различные *половые извращения*, при которых изменения характера и нарушения адаптации человека в обществе избирательны, и связаны, в основном, с его сексуальным поведением.

Гомосексуализм

Гомосексуализм (от греч. *homos* – одинаковый и лат. *sexus* – пол; другие названия – педерастия, мужеложство, уранизм, инверсия – у мужчин; лесбианство, сафизм, трибадия – у женщин) – это сексуальное влечение к лицам своего пола [40, с. 135].

На первый взгляд кажется, что гомосексуализм – это одно из проявлений парафилии (кстати, в руководстве для врачей «Частная сексопатология» под редакцией Г.С. Васильченко, вышедшем в свет относительно недавно – в 1983 году, гомосексуализм трактуется именно так и трактуется). Но эта трактовка не совсем верна. Дело в том, что гомосексуализм по ряду параметров из ряда парафилий выпадает. Таких параметров несколько, они относятся главным образом к медицинской сфере, поэтому мы назовем лишь два, для понимания которых не требуется специального медицинского образования.

Во-первых, гомосексуализм (в отличие от парафилий) – достаточно широко распространенное явление.

По подсчетам разных авторов, исключительно гомосексуальную ориентацию имеют от 1-2% до 5-6% мужчин и от 1% до 3-4% женщин. Более того, эпизодические или временные гомосексуальные контакты имеют, по меньшей мере, треть мужского населения земли.

Во-вторых, в отличие от большинства парафилий, которые изучаются почти исключительно психиатрами, гомосексуальность междисциплинарна: ее изучают представители разных отраслей науки – психиатры, психологи, генетики, физиологи, биологи и т.п. [40]

Проблема гомосексуализма интересовала человечество с давних времен, вспомним хотя бы, что слово лесбиянка произошло от названия острова Лесбос в Эгейском море, где в VII-VI вв. до н.э. жила древнегреческая поэтесса Сапфо, воспевавшая эту форму половой жизни. Но серьезное изучение гомосексуализма началось в XIX веке. Тогда же венгерский врач **Корай Мария Бенкерт** ввел в обиход и сам термин «гомосексуализм». Тогда же были выдвинуты и первые теории, с помощью которых пытались объяснить гомосексуализм (основное внимание тогда уделялось мужскому гомосексуализму).

Французский психиатр **Андре Тардье** выдвинул гипотезу, по которой половое влечение к лицам своего пола – это врожденное моральное и физическое уродство, следствие вырождения. А поэтому и единственный способ борьбы с этим злом, по мнению Тардье – карательные меры, вплоть до кастрации.

Немецкий юрист **Карл Ульрих** считал, что гомосексуалисты – это жертвы ненормального эмбрионального развития, у которых,

якобы, женская душа заключена в мужское тело. Поскольку в социальном и психическом отношениях *урнинги* (греческая богиня Урания считалась покровительницей однополый любви, поэтому Ульрих и дал им такое название) вполне нормальны, то, по мнению К. Ульриха, преследовать их было бы жестоко и неразумно. Урнинги, как он считал, – не большая патология, чем, например, дальтоники.

Когда попытки найти какие-либо анатомо-физиологические признаки гомосексуализма провалились, пристальное внимание ученых привлекли психические свойства человека. В 1882 году французы **Жан Шарко** и **Валентин Маньян** в статье «Инверсии генитального чувства» сообщили, что вылечивали гомосексуалистов с помощью гипноза.

На практике это оказалось не более чем газетной «уткой»: гипноз оказался не в силах изменить биологической предрасположенности.

В XX веке причины гомосексуальности изучали эндокринологи, потом генетики, другие специалисты... Но до сих пор единого мнения о причинах этого явления нет. Более того, по некоторым оценкам, спор о том, считать ли гомосексуализм врожденным заболеванием, свойством личности, стилем жизни или чем-то еще, вряд ли закончится в ближайшем будущем.

В возникновении этого сексуального расстройства играют роль такие факторы, как, например, поздний возраст матери при рождении сына, неправильное половое воспитание, чрезмерная опека родителями своего ребенка, когда ему не позволяют общаться с детьми противоположного пола, совращение в детском возрасте, социальная изоляция с однополым составом (детские дома, интернаты, колонии для несовершеннолетних преступников).

У гомосексуалов обнаружено иное соотношение мужских и женских половых гормонов, чем у людей гетеросексуальной ориентации (то есть тех, чье сексуальное влечение направлено на людей противоположного пола). Предположение о том, что гомосексуалисты могут биологически отличаться от гетеросексуалов, получило подтверждение в исследованиях близнецов. Оказалось, что если один из однояйцевых близнецов – гомосексуалист, то и второй является гомосексуалистом. С другой стороны, у разнояйцевых близнецов такой строгой закономерности нет.

Гомосексуальность может быть либо *открытой*, с действительными половыми сношениями с людьми своего пола, либо *латентной (скрытой)*. Латентная гомосексуальность, в свою очередь, делится на *сознательную* и *подсознательную*. Если она латентная и сознательная, то человеку приходится удерживаться от попыток делать в сексуальном плане то, что ему хотелось бы, из опасений возможных негативных оценок общества и собственной совести. Если же гомосексуальность латентна и подсознательна, и человек не подозревает в себе наличие гомосексуальных желаний, то ему приходится получать половое удовлетворение в замаскированном виде посредством смещения и сублимации. Термин «сублимация» был введен в научный лексикон в 1900 г. З. Фрейдом в книге «Толкование сновидений» и означает психический процесс преобразования и переключения энергии сексуальных влечений от их прямой цели получения удовольствия и продолжения рода и направление ее на цели социальной деятельности и культурного творчества. Почти у всех людей есть подсознательные гомосексуальные желания, о которых они не подозревают. Обычно эти желания достаточно подавлены и не причиняют человеку особого беспокойства, но у некоторых людей они настолько сильны, что удержание их от явного проявления требует постоянного напряжения. Из-за этого человек может находиться в состоянии вечного смятения, которому не может найти объяснения. Последней психологической защитой от осознания такого гомосексуального желания обычно являются психические болезни, называемые *паранойями*, которые часто происходят от изматывающих психику усилий подавить подсознательное влечение к гомосексуализму [40].

Истинный гомосексуализм проявляется с момента пробуждения полового влечения в подростковом возрасте: ни к ровесникам, ни к более старшим людям противоположного пола сексуального влечения у таких подростков не наблюдается. Все их сексуальные фантазии связаны только со своим полом. Уже с подросткового возраста гомосексуалы стараются найти место и ситуацию, где можно увидеть обнаженными представителей своего пола (душевые, бани, туалеты и пр.), а затем ищут сексуальных контактов с ними. Что касается сексуальных контактов с людьми противоположного пола, то даже сама мысль о возможности такого контакта вызывает у гомосексуалистов, как мужчин, так и женщин, непреодолимое отвращение. Гомосексуал легче простит «измену», то есть

сексуальный контакт своего постоянного партнера с лицом того же пола, чем с человеком противоположного пола.

Гомосексуалы (мужчины и женщины) делятся на *активных*, (то есть играющих мужскую роль) и *пассивных* (играющих женскую роль). У одного и того же человека его сексуальная роль может меняться, но в большинстве случаев наблюдается устойчивое предпочтение определенной роли. В развитии активного гомосексуализма имеют значение неблагоприятные внешние факторы (недостатки воспитания, неблагоприятные обстоятельства в период полового созревания), а в возникновении пассивного гомосексуализма могут иметь значение психические и гормональные нарушения.

Мужчины-гомосексуалисты могут жениться на женщинах, чтобы скрыть свои гомосексуальные наклонности или для преодоления своего влечения. Многие даже имеют в браке детей. Но, как правило, у женатых истинных гомосексуалистов затруднены сексуальные контакты с женой, они не испытывают к ней сексуального влечения, поэтому ради желания иметь детей или для исполнения «супружеского долга» вынуждены возбуждать себя воспоминаниями о гомосексуальных контактах.

Говоря о сексуальных ориентациях, нельзя обойти вниманием проблему **бисексуальности** – *сексуальному влечению и к своему, и к противоположному полу*.

Даже на фоне гомосексуальности она кажется каким-то недоразумением, но в подростковой среде бисексуальность более распространена.

Выделяют несколько типов бисексуальности.

1. Бисексуальность наблюдается в переходном возрасте, когда подросток либо еще не определил своих эротических предпочтений и экспериментирует в обоих направлениях, либо подростка тянет к противоположному полу, но он (она) просто стесняется к ней (к нему) подойти.

2. Встречается чередование гетеро- и гомосексуального поведения как некий «жизненный принцип». Например, в США (впрочем, такие люди уже появились и в России) есть так называемые *хастлеры* – молодые мужчины-проститутки. Они за деньги исполняют роль пассивных гомосексуалистов. Но с их стороны в процессе «выполнения служебных обязанностей» нет эмоциональной вовлеченности и активности. Они могут при этом даже испытывать половое возбуждение и даже оргазм, но сами не считают себя гомо-

сексуалистами, потому что вне «работы» поддерживают нормальные гетеросексуальные отношения. (Впрочем, в подобных случаях так и нерешенным остается вопрос: а насколько же условно такое разграничение сексуальной ориентации, когда гомосексуальный контакт – за деньги, а гетеросексуальный – «для себя», и есть ли грань, которая четко делит эти понятия).

3. Ситуативно обусловленная бисексуальность. Она возникает в условиях длительной изоляции в однополых коллективах (тюрьма, военные училища, боевые корабли в дальних походах).

В подобных случаях бисексуальная активность служит лишь временной заменой гетеросексуальных связей, потому что люди сохраняют гетеросексуальную ориентацию.

Кроме того, нередко, особенно в тюрьме, гетеросексуальный контакт сопровождается насилием и символизирует господство и подчинение, унижение.

4. Параллельное гомо- и гетеросексуальное поведение. Это бывает когда, например, официальный гетеросексуальный брак совмещается с тайными гомосексуальными привязанностями мужа или жены.

Чаще всего подобное поведение – следствие поздней сексуальной идентификации. Однако возможен и другой вариант – человеку просто нравится быть то более женственным, то более маскулинным (мужественным).

5. Бисексуальность как следствие равнодушия к полу партнера. Подобное иногда происходит в ситуациях группового секса, где тела как бы утрачивают свои половые различия, либо у людей, слишком сосредоточенных на своих сексуальных переживаниях.

Подводя итоги сказанному, отметим: гомосексуализм до сих пор плохо изучен, и пока очевидно одно – какими бы причинами не объяснялась та или иная истинная сексуальная ориентация, она не может быть делом свободного выбора человека и не может быть изменена произвольно. Кроме того, надо помнить о том, что лишь немногие гомосексуалисты страдают от своего сексуального предпочтения и хотели бы стать «нормальными» гетеросексуалами. Большинство же из них и не представляют себя в иной роли, желая лишь, чтобы общество оставило их в покое, дав им право на свободу выбора сексуального партнера.

Какова же должна быть позиция общества по отношению к гомосексуалистам?

Жизнь их и так достаточно омрачена, поэтому наказания не нужны. Лучше всего обращаться с ними также вежливо, как и с людьми нормальной сексуальной ориентации. От них же, с другой стороны, следует ожидать соблюдения обычных правил приличия, какие действуют в отношениях между мужчинами и женщинами: они не должны совращать малолетних или навязывать свое общество людям, в нем не заинтересованным; они не должны выставлять напоказ свои стремления, публично расхаживая в одежде противоположного пола или иным образом; и, наконец, они не должны шокировать окружающих, публично совершая половые сношения или рассказывая о них. Если же гомосексуалисты следят за собой и ведут себя с той же скромностью, какая требуется от людей с традиционной сексуальной ориентацией, то их частная жизнь должна интересовать кого-либо не больше, чем жизнь «обычных» людей.

Библиографический список к первой части

1. *Аверин В.А.* Психология детей и подростков. – СПб., 1998.
2. *Акопян К.З.* Самоубийство: проблема мотивации (размышления в связи с психологическим этюдом Н.А. Бердяева «О самоубийстве») // Психологический журнал. Том 17. № 3, 1996.
3. *Алемаскин М.А.* Воспитательная работа с подростками. – М., 1979.
4. *Алемаскин М.А., Морозова Т.А.* Особенности воспитательной работы с педагогически запущенными учащимися в средних профессионально-технических училищах. Методические рекомендации. – М. 1986.
5. *Антонян Ю.М.* Причины преступного поведения. – М. Акад. МВД РФ. 1992.
6. *Андреев С.И.* Проблемы подготовки учителя к воспитанию нравственно-аномальных подростков: – Магнитогорск, 1996.
7. *Ахияров К.Ш., Юричка Ю.И.* Воспитание и обучение детей во вспомогательной школе: Книга для учителя. – М., 1994.
8. *Ахияров К.Ш., Юричка Ю.И.* Предупреждение и преодоление трудновоспитуемости школьников. – Уфа, 1990.
9. *Баярд Р., Баярд Д.* Ваш беспокойный подросток: Практическое руководство для родителей. Пер. с англ. – М., 1991.
10. *Беличева С.А.* Основы превентивной психологии. – М., 1994
11. *Боечко А.В.* Суицидальное поведение военнослужащих срочной службы и его профилактика.: Автореферат дис. канд. психол. наук. – М., 1992.
12. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. – М., 1968.
13. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.
14. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. – М., 1988.
15. *Буянов М.И.* Беседы о детской психиатрии. – М., 1992.
16. *Буянов М.И.* Ребенок из неблагополучной семьи: Записки детского психиатра. – М., 1988.
17. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. – СПб., 1997.
18. *Бютнер К.* Жить с агрессивными детьми: Пер. с нем. – М., 1991.
19. *Валентинов А., Краснова В.* Проклятье над народом: миф или реальность? Российская газета. 20 ноября 1998 г.
20. *Васильев В.П.* Юридическая психология. – СПб., 1997.
21. *Васильева Ю.А.* Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции // Психологический журнал. Том 18. № 2. 1997.
22. *Власиловский В.Г.* Акселерация и развитие детей: эпохальная и внутригрупповая. – М., 1976.
23. *Власова Т.А., Певзнер М.С.* Учителю о детях с отклонениями в развитии. – М., 1967.
24. Воспитательная работа с педагогически запущенными подростками в школе, семье и по месту жительства / Автор-составитель А.С. Новоселова. – Кудымкар, 1985.
25. *Вроно Е.* Смерть как выход из тупика? // Воспит. школьников. 1994. № 5.

26. *Выготский Л.С.* Основные положения плана педагогической исследовательской работы в области трудного детства. // Собр. соч.: В 5-ти т. – М., 1983. Т. 5.
27. *Выготский Л.С.* Педология подростка // Собр. соч. В 6 т. – М., 1984. Т. 4.
28. *Выготский Л.С.* Трудное детство. // Собр. соч.: В 5-ти т. – М., 1983, Т. 5.
29. *Ганнушкин П.Б.* Избранные труды. – М., 1964.
30. *Ганнушкин П.Б.* Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. – М., 1933.
31. *Гейжан Н.Ф.* Индивидуализация профессионального воспитания учащихся профтехучилищ. – СПб., 1994.
32. *Гилинский Я.И.* Девиантное поведение подростков: состояние, проблемы, перспективы // Бюллетень Защиты Прав Ребенка. – СПб., 1994. С. 7-12.
33. *Гроховский В.В.* Вопросы профилактики и лечения трудновоспитуемых детей и подростков // Материалы V съезда невропатологов и психиатров УССР. – Киев, 1973.
34. *Двойменный И.В.* Социально-психологические особенности несовершеннолетних преступников // СоцИсследования. 1994. № 8-9.
35. Дети России: насилие и защита. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 1997.
36. *Дольто Ф.* На стороне подростка. – СПб., 1997.
37. *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности. – М., 1986.
38. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социол. этюд: Пер. с фр. / Изд. подгот. Вал. А. Луков. – СПб., 1998.
39. *Захаров А.И.* Предупреждение отклонений в поведении ребенка. – СПб., 1997.
40. *Еникеева Д.Д.* Популярныe основы психиатрии. – Донецк, Сталкер, 1997.
41. *Зосимовский А.В.* О моральной оценке поступков учащихся // Сов. педагогика. 1976. № 7.
42. *Зюбин Л.М.* Учебно-воспитательная работа с трудными учащимися. – М., 1982.
43. *Игошев К.Е., Миньковский Г.М.* Семья, дети, школа. – М., 1989.
44. *Иванов В.* Наступление маргиналов // Независимая газета. 10 ноября 1994. – С. 6.
45. *Ильина С.В.* Влияние пережитого в детстве насилия на возникновение личностных расстройств // Вопр. психологии. № 6. 1998.
46. *Клейберг Ю.А.* Психология девиантного поведения. – М., 2001.
47. *Ковалев В.В.* Патология личности и девиантное поведение // Руководство по психиатрии / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. М. 1988.
48. *Ковалев О.Г., Тимонин Н.П., Суслов Э.А.* Психологические проблемы суицидального поведения осужденных в пенитенциарных учреждениях России. // Психологический журнал. Том 19. № 5. 1998.
49. *Кон И.С.* Открытие «Я». – М., 1978.
50. *Кон И.С.* Психология ранней юности. – М., 1989.
51. *Кон И.С.* Психология старшеклассника. М. 1980.

52. *Кошко А.* Очерки уголовного мира царской России. – Ростов-на-Дону, 1990.
53. *Кретти Б. Дж.* Психология в современном спорте. – М., 1978.
54. *Кравченко А.И.* Введение в социологию: Учеб. пособие для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений. – М., 1997.
55. *Крылов И.* В мире криминалистики. – Л., 1980.
56. *Кулаков В.С.* Органические психопатии в период пубертатного криза и их отграничение от непатологических девиаций личности. – М., 1977.
57. *Лаврин А.П.* Хроники Харона. – М., 1993.
58. *Лангмейер Й., Матейчек З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага. 1984.
59. *Ланцова Л.А., Шурупова М.Ф.* Социологическая теория девиантного поведения // Социально-политический журнал. 1993. № 4.
60. *Лебединская К.С.* Диагностика и коррекция нарушений поведения у подростков, страдающих олигофренией: Методические рекомендации для врачей и педагогов специальных школ. – М., 1981.
61. *Лебединская К.С., Райская М.М., Грибанова Г.В.* Подростки с нарушениями в аффективной сфере. – М. Педагогика, 1988.
62. *Левитов Н.Д.* Фрустрация как один из видов психических состояний. // Вопр. психологии № 6, 1967. – С. 118-129.
63. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Пер. с нем. Ростов н/Д., 1997.
64. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации у подростков. – Л., 1983.
65. *Личко А.Е.* Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. – М., 1999.
66. *Майерс Д.* Социальная психология. – СПб., 1997.
67. *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения. Т. 1. – М., 1980.
68. *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения. Т. 5. – М., 1980.
69. *Максимова Н.Ю.* Диагностика и коррекция поведения трудных подростков // Вопросы психологии. 1988. № 3.
70. *Михайловская И.Б., Вершинина Г.В.* Трудные ступени: Профилактика антиобщественного поведения. – М., 1990.
71. *Мудрик А.В.* О воспитании старшеклассников. – М., 1971.
72. *Натанзон Э.Ш.* Трудный школьник и педагогический коллектив. – М., 1984.
73. *Невский И.А.* Уравнение с двумя неизвестными. – М., 1981.
74. *Невский И.А.* Трудный успех. – М., 1981.
75. *Невский И.А.* Предупреждение и преодоление педагогической запущенности школьников. – М., 1982.
76. *Николаус Ф.* Душа в клетке // За рубежом. 1991. № 40. – С. 18.
77. *Новоселова А.С.* Специфика воспитательной работы с педагогически запущенными подростками. – Пермь, 1988.
78. *Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина.* – М., 1987.
79. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред докт. филол. наук., проф. Н.Ю. Шведовой. – М., 1982.

80. Палладий В.Ф., Деева Г.А. Трудовое обучение и профориентация учащихся специальной школы-интерната для детей с задержкой психического развития // Дефектология. 1981. № 6.
81. Пирожков В.Ф. Нравственно-правовое воспитание как средство профилактики правонарушений среди учащихся системы профтехобразования. Методические рекомендации. – М., 1987
82. Пирожков В. Ф. О психологических причинах воспроизводства подростковой преступности // Психологический журнал. 1995. Том 16. № 2.
83. Поливанова К.Н. Психологическое содержание подросткового возраста // Вопросы психологии. 1996. № 1.
84. По неписанным законам улицы... (О неформальных объединениях молодежи). – М., 1991.
85. Практическая психология для преподавателей. / Под ред. М.К. Тутушкиной. – М., 1997.
86. Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. – М., 1979.
87. Психологические проблемы изучения неформальных молодежных объединений / Под ред. Д.И. Фельдштейна и др. – М., 1988.
88. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб., 1998.
89. Пулкин Л. Становление образа жизни с детского до юношеского возраста // Психология личности и образ жизни. – М., 1987. – С. 132-137.
90. Рабочая книга практического психолога: Технология эффективной профессиональной деятельности / Научный ред. А.А. Деркач. – М., 1996.
91. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб., 2000.
92. Ранибург Й., Поппер П. Секреты личности. – М., 1983.
93. Репина Т.А. Анализ теорий поло-ролевой социализации в современной западной психологии // Вопр. психологии. № 2. 1987. – С. 158 – 165.
94. Сепс Д.А. Исследование личности несовершеннолетних правонарушителей // Актуальные вопросы правопедения. – Екатеринбург, 1992.
95. Сертов Р. Проституция // Аргументы и Факты. Любовь. № 15. 1997. – С.6-7.
96. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. – Минск, 1998.
97. Слуцкий А.С., Занадворов М.С. Некоторые психологические и клинические аспекты поведения суицидентов // Психол. журн. 1992. Т. 13. № 1.
98. Создание условий для развития качества образования. – Екатеринбург, 1995.
99. Солодовников В. Демон самоубийства // Московский комсомолец. 1992. 2 июня. – С. 4.
100. Социальная педагогика: Курс лекций / Под общей ред. М.А. Галагузовой. – М., 2000.
101. Социология преступности (современные буржуазные теории)/ Под ред. Б.С. Никифорова. – М., 1966.
102. Социальные отклонения / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1989.

103. Социальная профилактика отклоняющегося поведения несовершеннолетних как комплекс охранно-защитных мер / Под ред. С.А. Беличевой. – М., 1993.
104. Справочник по психиатрии / Под ред. А.В. Снежневского. – М., 1985.
105. *Срабова Н.А.* Основные тенденции проведения подростками свободного времени // Актуальные проблемы современного детства. – М., 1992.
106. *Степанов В.Г.* Психология трудных школьников. – М., 1998.
107. *Сухарева Г.Е.* Клинические лекции по психиатрии детского возраста. – М., 1959.
108. *Сухомлинский В.А.* Рождение гражданина. М. 1979.
109. *Трегубов Л.З., Вагин Ю.Р.* Эстетика самоубийства. – Пермь, 1993.
110. Трудный подросток: причины и следствия / Под ред. В.А. Татенко. – Киев, 1985.
111. Трудные судьбы подростков – кто виноват? – М., 1991.
112. *Шванцара Й. и др.* Диагностика психического развития. – Прага, 1987.
113. *Шевчук В.Ф.* Нормативное и отклоняющееся поведение. Социально-психологический аспект. – Ярославль, 1992.
114. *Шилова Т.А.* Психологические факторы неуспеваемости и отклонений в поведении учащихся // Педагогика. № 3. 1996.
115. *Шумилин Е.А.* Психологические особенности личности старшеклассника. – М., 1979.
116. *Уиткин Г.* Дети, которые убивают // За рубежом. 1991. № 24.
117. *Фелинская Н.И., Гурьева В.А.* Соотношение биологических и социальных факторов в этиопатогенезе психопатий у подростков // Соотношение биологического и социального в человеке. – М., 1975.
118. *Фельдштейн Д.И.* Проблемы возрастной и педагогической психологии. – М., 1995.
119. *Фельдштейн Д.И.* Психологические аспекты изучения современного подростка // Вopr. Психологии. 1983. № 1.
120. *Фельдштейн Д.И., Бостанджиева Т.Н., Вереникина И.М., Воробьева Л.И. и др.* Психология современного подростка. – М., 1987.
121. *Ферри Э.* Преступление как социальное явление // Проблема преступности. Сб. 2. – М., 1924.
122. *Фрейд З.* Психология «Я». – М., 1993.
123. *Фролькис В.В.* Старение и биологические возможности организма. – М. 1973.
124. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.
125. *Фукс Э.* Иллюстрированная история нравов: В 3 т. – М., 1994.
126. *Фурманов И.А.* Детская агрессивность: психодиагностика и коррекция. – Минск, 1996.
127. *Хекхеузен Х.* Мотивация и деятельность. Т. 1. – М., 1986.
128. *Эйдемиллер Э.Г.* Методы семейной диагностики и психотерапии. Методическое пособие. – М. & СПб., 1996.
129. *Эльконин Д.Б.* Детская психология. – М, 1960.

130. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // *Вопр. психологии*. 1974. № 4.
131. Эриксон Э. *Детство и общество*. – Обнинск, 1993.
132. Юричка Ю.И. *Диагностика и социализация личности несовершеннолетнего правонарушителя*. – Бирск., 1994.
133. Яковлев А.М. *Преступность и социальная психология (социально-психологические закономерности противоправного поведения)*. – М., 1971.

Глоссарий к первой части

- Агрессивность** – устойчивая черта личности, которая характеризуется готовностью к агрессивному поведению.
- Агрессия** (от лат. *aggredi* – нападать) – это индивидуальное или коллективное поведение или действие, направленное на нанесение физического или психического вреда либо даже на уничтожение другого человека или группы.
- Агрессия аффективная** – агрессивные действия, совершаемые в состоянии сильного и относительно кратковременного психического возбуждения, в эмоциональном состоянии, связанном с резким изменением важных для субъекта жизненных обстоятельств, то есть в состоянии аффекта.
- Агрессия враждебная** – вид агрессии, когда главной целью агрессора является причинение страдания жертве.
- Агрессия импульсивная** – это агрессивные действия, совершаемые под влиянием случайных внутренних побуждений (импульсов).
- Агрессия инструментальная** – вид агрессии, когда главная цель агрессора не связана с причинением вреда.
- Агрессия реактивная** – вид агрессии, который возникает как реакция субъекта на фрустрацию и сопровождается эмоциональным состоянием гнева, враждебности, ненависти и т.п.
- Агрессия экспрессивная** – агрессивные действия, совершаемые под влиянием сильных переживаний.
- Аддиктивное поведение** (*addiction behavior*) – злоупотребление различными веществами, изменяющими психическое состояние, включая алкоголь, наркотики и курение табака, до того, как от них сформируется физическая зависимость.
- Акцентуации характера** – это крайние варианты его нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, вследствие чего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий при хорошей и даже повышенной устойчивости к другим.
- Анамнез** – сведения об условиях жизни, а также начале и развитии заболевания, сообщаемые больным (или подвергающимся медицинскому обследованию) либо его близкими.

- Аномия** – нравственно-психологическое состояние индивидуального и общественного сознания, характеризующееся разложением системы ценностей, обусловленных кризисом общества, противоречием между провозглашенными целями (богатство, власть) и невозможностью их реализации; выражается в отчужденности человека от общества, в апатии, разочарованности, в преступности.
- Антивитальные представления** – размышления и разговоры об отсутствии ценности жизни; предвестники суицида.
- Аутоагрессия** – агрессия, направленная на самого себя (например, самоубийство).
- Аффективные поступки** – непродуманные поступки, совершаемые в силу изъянов в моральных познаниях, ложного понимания чувства долга или товарищества, различных ошибок в выборе средств достижения определенных нравственно-положительных целей.
- Аффиляция** – потребность человека в установлении, сохранении и упрочении эмоционально положительных отношений с окружающими людьми.
- Безнадзорность** – это ослабление или отсутствие наблюдения за поведением и занятиями несовершеннолетних и воспитательного воздействия на них со стороны родителей или заменяющих их лиц.
- Бисексуальность** – сексуальному влечению и к своему, и к противоположному полу.
- Гиперпротекция** – тип семейного воспитания, при котором родители ребенку крайне много внимания.
- Гиперсексуальность** – это повышенное сексуальное влечение с потребностью совершать многократные половые акты в течение суток.
- Гипопротекция** – тип семейного воспитания, при котором ребенок или подросток оказывается на периферии внимания родителей, до него «не доходят руки».
- Гомосексуализм** (от греч. homos – одинаковый и лат. sexus – пол; другие названия – педерастия, мужеложство, уранизм, инверсия – у мужчин; лесбианство, сафизм, трибадия – у женщин) – это сексуальное влечение к лицам своего пола.
- Группа референтная** – группа, цели, мнения и ценности которой в большей или меньшей степени разделяет данный человек.
- Группы риска** – это категории населения, более других склонные совершать девиантные или делинквентные поступки.
- Групповой секс** – половой акт с участием трех и более активных сексуальных партнеров.
- Девиантное поведение** – поведение, отклоняющееся от установленных норм и стандартов поведения, принятых в данном обществе.
- Делинквентное поведение** – отклоняющееся поведение, которое в своих крайних проявлениях представляет собой уголовно-наказуемые действия.
- Депривация** – психологическое состояние, вызванное недостаточным удовлетворением жизненных потребностей в течение длительного времени и в серьезной степени.

Диссоциация – нарушение связности психических процессов.

Дисфории – психическое расстройство, характеризующееся злобно-тоскливым, подавленным настроением с крайней раздражительностью, склонностью к агрессии.

Замещение – стремление участвовать в агрессивных действиях, направленных против какого-либо другого человека, а не истинного источника фрустрации.

Инцест – половая связь между ближайшими родственниками.

Криминология – наука о причинах преступности и способах борьбы с нею.

Локус контроля – качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам или собственным способностям и усилиям.

Локус контроля интернальный – качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности собственным способностям и усилиям.

Локус контроля экстернальный – качество, характеризующее склонность человека приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним силам.

Маскулинность – нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для мужчин; элемент полового символизма, связанный с дифференциацией половых ролей.

Онанизм (или мастурбация) – это механическое раздражение половых органов рукой, сильной струей душа, трением о белье для достижения полового возбуждения и оргазма.

Петтинг (от англ. «pet» – ласкать, обнимать) – удовлетворение полового влечения путем соприкосновения и взаимного трения до наступления оргазма.

Подкрепление – какое-либо действие, призванное усилить определенную реакцию.

Подкрепление отрицательное – это стимул, устранение которого усиливает реакцию.

Подкрепление положительное – это любой стимул, который, следуя за реакцией, усиливает ее или поддерживает на том же уровне.

Подкрепление социальное – неосязаемое подкрепление, вербальное и невербальное обращение, контролируемое другими людьми.

Покушение на самоубийство – это однородная деятельность человека, не закончившаяся летальным исходом (смертью) по различным обстоятельствам.

Половые девиации – непатологические отклонения от общепринятых норм полового поведения.

Половые извращения – это патологическая направленность полового влечения и искажение форм его реализации.

Правонарушение – это действие или бездействие, приносящее вред и предусмотренное (запрещенное) административным, трудовым, гражданским, семейным, жилищным и т.д. законодательством.

Преступление – это общественно опасное действие или бездействие, совершаемое умышленно или по неосторожности и предусмотренное (запрещенное) уголовным законом.

- Промискуитет** – это беспорядочные половые связи с непрерывной сменой половых партнеров.
- Псевдоперверзии (ложные парафилии)** – это приобретенные извращения, возникающие в течение жизни, после периода нормального сексуального функционирования, когда удовлетворение полового влечения извращенным способом происходит из-за препятствий для его реализации нормальным способом, например, когда человек длительное время находится в изоляции, при физическом уродстве, затрудняющим общение с противоположным полом, или в условиях однополого коллектива (тюрьма, колония, интернаты для подростков).
- Ранняя половая жизнь** расценивается как девиация, если у половых партнеров (или у одного из них) еще не наступила полная физическая и половая зрелость, у девочек – до наступления менструаций, у мальчиков – до появления растительности на лице, груди, в подмышечных впадинах.
- Реципиент** – жертва агрессии.
- Сексуальная ориентация** – это стремление иметь половую связь с представителями определенного пола (мужчинами или женщинами).
- Сексуальный эбьюз** – использование родителями ребенка в качестве сексуального объекта.
- Созависимый** – человек, который позволил поведению другого человека сильно воздействовать на него и кто одержим попытками контролировать поведение того человека.
- Социальная норма** – исторически сложившаяся в конкретном обществе мера допустимого поведения отдельного человека, социальной группы или организации.
- Суицид (самоубийство)** – смерть человека, ставшая результатом его волевой деятельности (действия).
- Суицидальное поведение** – это различные формы активности, обуславливающие стремление лишить себя жизни и служащие средством разрешения личностного кризиса, содержанием которого выступает острое эмоциональное состояние при столкновении личности с препятствием на пути удовлетворения ее важнейших потребностей, причем кризис достигает такой интенсивности, что человек не может найти правильного выхода из сложившейся ситуации.
- Суицидальное поведение аффективное** – совершение суицидальной попытки на вершине аффекта, который сопровождается дезорганизацией и сужением сознания.
- Суицидальное поведение демонстративное** – это розыгрыш самоубийства без всякого намерения реально лишить себя жизни.
- Суицидальное поведение истинное** – устойчивые, целенаправленные действия, связанные с осознанностью желания лишить себя жизни.
- Суицидальный риск** – склонность человека к совершению действий, направленных на собственное уничтожение.
- Суицидент** – человек, совершивший самоубийство или покушение на самоубийство.

- Торможение** – тенденция ограничивать или прекращать выполняемые действия из-за ожидаемых отрицательных последствий.
- Транзиторный фроттеризм** – половое возбуждение и оргазм достигается трением полового члена о верхнюю одежду женщины.
- Трудновоспитуемость** – это невосприимчивость ребенка к положительному социальному опыту.
- Фемининность** – нормативные представления о соматических, психических и поведенческих свойствах, характерных для женщин; элемент полового символизма, связанный с дифференциацией половых ролей.
- Фрустрация** – такая ситуация, когда организм встречается с более или менее непреодолимым препятствием на пути к удовлетворению какой-либо жизненной потребности.
- Эвтаназия** – намеренного ускорения смерти или умерщвление неизлечимого больного с целью прекращения его страданий.
- Экстрапунитивность** – склонность перекладывать вину за свои неудачи на других людей.
- Эратомания** (по имени Эроса – бога любви у древних греков) – сексуальная перверзия, когда, в отличие от гиперсексуальности, сексуальная потенция может быть невысокой, но секс является целью и смыслом существования, вытесняя все другие увлечения, интересы и социальные обязанности, занимает всю духовную жизнь человека.
- Эмоциональный симбиоз** – это экстремальная форма взаимозависимости, связанная с переживаниями полного «слияния» и «растворения» в другом человеке, когда границы своего Я утрачиваются.
- Этиология** – причина возникновения болезни или патологического состояния.

Виталий Александрович Пятунин

**Девiantное поведение несовершеннолетних:
современные тенденции**

Ч. I

Тираж 500 экз.

РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия»

101000 Москва, Лучников переулок, д. 4, комн. 7.

Тел.: (495) 621-09-15. Факс: (495) 621-10-24.